Раздел III
ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ И КОНТАКТНЫХ ЗОНАХ ЕВРАЗИИ

А. А. Новик

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА АЛБАНЦЕВ ПРИАЗОВЬЯ И БУДЖАКА В СОБРАНИИ МАЭ[1]

Одним из самых ярких маркеров этнической принадлежности, а также символов самосознания для большинства народов, равно как и не менее значимой маркой идентификации одного этноса или группы для представителей других этносов, является традиционная одежда. Костюм несет в себе зашифрованный код символов, понятных своим и значимых для других. Особенным образом знаковость костюма проявляется в контактных зонах, где проживают представители различных этносов и этнических групп[2].

Регионы Приазовья и Буджака, являясь примером полилингвальных и поликультурных зон, в которых на протяжении длительного исторического периода проходят процессы культурной интерференции и языковой дивергенции, предоставляют особенно богатый материал в области традиционной культуры, и не в последнюю очередь в сфере одежды. Потомки балканских колонистов, переселившихся в пределы Российской империи в начале XIX в., сумели сохранить многие элементы традиционного костюма, который бытовал, судя по всему, еще в период их проживания на Балканах.

В данном исследовании речь идет об одежде албанцев Украины, основавших на месте бывших ногайских поселений четыре села: в 1811 г. — Каракурт (ныне — Жовтневое Одесской области); в 1862 г. — Гаммовку (прежнее ногайское название Джандран), Девнинское (прежнее название Таз) и Георгиевку (прежнее название Тюшки) — последние три села расположены в Приазовском районе Запорожской области, согласно современному административному делению [Новик 2011б: 133–134; Novik 2012: 285–286].

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-31-01026 «Контактные зоны России, Украины, Молдовы и Румынии: языковая и этнокультурная ситуация в условиях трансформации» (руководитель проекта — А. А. Новик).

[2] О формировании определенной культурной общности народов Юго-Восточной Европы см.: [Иванова 1982].

© А. А. Новик, 2013
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Важным в плане бытования традиционного костюма албанцев Украины является тот факт, что до переселения в пределы Российского государства предки албанских колонистов около трех столетий жили в Восточной Болгарии. Соответственно, переселение на северо-восток Болгарии состоялось ориентировочно в XVI–XVII вв. из юго-восточных районов современной Албании. Есть веские основания считать, что часть албанского населения покинула родные места в *краинах*[3] Корча, Девол, Колёнья вследствие усилившегося гнета османских властей. Данная научная гипотеза, которая до сих пор дискутируется в научной среде, базируется на лингвистических данных, собранных нашими предшественниками, а также на материалах этнолингвистических экспедиций, организованных в Юго-Восточную Албанию МАЭ РАН и ИЛИ РАН в 2011–2013 гг. [АМАЭ: Новик 2011д; 2011е; 2012а; 2012б].

Спустя примерно двести-триста лет проживания в Болгарии албанские переселенцы двинулись на север — в Россию, где царские чиновники предложили единоверцам с Балкан земли, ссуды на строительство и ведение хозяйства, освобождение от налогов и воинской повинности, различные стимулирующие выплаты для занятий промышленным производством и торговлей. Албанцы переселялись в Россию вместе с болгарами и гагаузами, частью покинувшими родные земли в Восточной Болгарии и бежавшими от притеснений османской администрации, беспрецедентно усилившей гнет после поражений в русско-турецких войнах. Переселяясь, люди основывали и обустраивали места жительства так, как было принято в их прежних населенных пунктах. Более того, они даже селились так, как проживали прежде, — соблюдая те же принципы соседства и взаимной помощи. Так, в Буджаке, а полвека спустя в Приазовье возникли поселения с болгарским, албанским, гагаузским населением [Народи 1997].

Изучение одежды, бытовавшей в албанской среде после переселения в пределы Новороссии, может осветить многие вопросы этнической истории этой группы, ее связей с соседями по Балканам и новыми местами проживания, а также дать богатейший материал лингвистического и этнографического характера [АМАЭ: Новик 1998; 2002; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009в; 2009г; 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012а; 2012б]. В этом плане значительную помощь могут оказать фонды МАЭ, в которых хранится уникальная коллекция предметов традиционной одежды албанцев Приазовья и Буджака, равных которым нет ни в одном собрании не только России, но и Украины и, шире, Европы и мира.

История формирования коллекции по албанцам Украины сложилась таким образом, что в фондах Музея оказались представлены элементы женского костюма из Приазовья (главным образом из сел Георгиевка и Девнинское) и детали элементов мужского костюма из Буджака (с. Жовтневое), а также орудия труда и заготовки для производства одежды, которые в комплексе с полевыми материалами, собранными в течение последних 15 лет, позволяют реконструировать процессы изготовления одежды и все разнообразие создававшихся образцов с высокой степенью достоверности.

[3] *Краи́на* (*krahin|ë*, -а) — область Албании, характеризующаяся единством исторического, экономического, социального развития, а также имеющая определенные сложившиеся черты в плане языка и культуры; небольшая в таксономическом масштабе историко-этнографическая область в албанских землях (Албания и Косово).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Важным источником для работы стали фотоиллюстративные материалы, собранные во время экспедиций в Буджак и Приазовье и хранящиеся в отделе европеистики МАЭ РАН, а также фотографии из Архива Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (фонд Ю. В. Ивановой) [Фотоархив ИЭА: Ф. 43. Оп. 39. Запорожская обл., Приазовский р-н, Украина. 1949 г.] (рис. 1, 2). Для более наглядной презентации результатов исследования привлекаются фотографии Юлии Владимировны Ивановой, сделанные в албанских селах Украины и хранящиеся ныне в ее архиве в семье (копии и негативы этих фотоснимков переданы в марте 2012 г. Еленой Николаевной Ивановой и Валентиной Геннадиевной Ждановой, дочерью и внучкой Юлии Владимировны соответственно, отделу европеистики МАЭ).

Рис. 1. Болгарка в повседневном костюме. С. Девнинское. 1949 г.
Фото Ю. В. Ивановой. Фотоархив ИЭА РАН. № Алб-49-109

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 2. Девушки в национальных праздничных костюмах. 1949 г.
Фото Ю. В. Ивановой. Фотоархив ИЭА РАН. № Алб-49-207

Женский костюм албанцев Украины в коллекциях МАЭ

В собрании МАЭ хранится уникальный комплекс традиционной женской одежды албанцев Приазовья. Коллекция МАЭ № 7132 насчитывает 15 предметов (и соответственно 13 номеров хранения) традиционного быта. Бóльшую и самую ценную часть коллекции составляют элементы традиционного костюма. Данные вещи были привезены из экспедиции, проходившей в Приазовском районе Запорожской области Украины в июле–августе 1998 г. Все предметы коллекции, за исключением зимнего платка (колл. № 7132-3), были подарены МАЭ Анной Кирилловной Бурлачко (1940 г.р.)[4].

Согласно сведениям информантов, одежда, подобная той, которая была передана в дар МАЭ, бытовала в албанских селах Приазовья со времени их переселения из Буджака в села Гаммовка, Девнинское и Георгиевка. Информанты даже указывают дату, с которой по меньшей мере можно говорить о сохранении традиционной женской одежды, — 1862 г. Такая одежда была характерна для албанцев, болгар и гагаузов, проживавших в данной местности. По утверждению ряда информантов, местные женщины носили одинаковую

[4] При передаче в дар МАЭ предметов традиционной культуры просьба дарителя была следующая — чтобы в описях Музея значилась не ее фамилия по паспорту (Бурлачко), а ее настоящая фамилия (по рождению) — Бурлачкова. Фамилию изменили насильно в процессе украинизации, когда Анна Кирилловна училась в 5-м классе средней школы. По признанию дарителя, ее страстное желание — вернуть свою албанскую фамилию [МАЭ: Опись колл. № 7132].

За неоценимую помощь в работе научных экспедиций и большой личный вклад в дело пополнения фондов Кунсткамеры Анне Кирилловне Бурлачко было присвоено звание «Почетный корреспондент МАЭ РАН».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

одежду; по ней албанок, гагаузок и болгарок можно было отличить от русских, украинок и др., живущих по соседству. Более того, некоторые информанты рассказывают о том, что, по воспоминаниям стариков, и в Буджаке (до переселения в Приазовье) представительницы албанского, гагаузского и болгарского этносов носили одинаковую одежду, ничем не отличаясь друг от друга [МАЭ: Опись колл. № 7132]. Данные факты подтверждаются и материалами, собранными в поле в Буджаке в ходе экспедиций 1998 и 2011 гг.

Интересен факт признания албанцами того, что собственно албанской одежды у них не сохранилось. «Вся наша одежда — болгарская», — говорят они [АМАЭ: Новик 1998: 33–50] и объясняют это тем, что длительное время они жили среди болгар, а потому многое было заимствовано именно у них. И в первую очередь такие заимствования коснулись традиционной одежды. Поэтому, воссоздавая комплекс традиционного костюма албанцев Приазовья и в более широком плане — албанцев Украины, включая Буджак, необходимо ориентироваться на одежду северо-востока Болгарии, нынешней области Варны, где предки нынешних албанцев Украины прожили в болгарском и гагаузском окружении около трех веков[5]. Некоторые информанты склонны считать, что комплекс традиционной одежды был привезен албанцами, равно как и болгарами и гагаузами, в Российскую империю из области Варны, а далее законсервировался как наиболее предпочтительный архаичный образец, который очень медленно открывался для инноваций под влиянием престижной городской одежды и моды на новые материалы, техники шитья и украшения, аксессуары и пр.

Сохранившиеся у албанцев Украины образцы традиционной одежды, в первую очередь наиболее старые вещи, говорят в пользу их болгарского происхождения. Самые старые образцы, дошедшие до наших дней, относятся к периоду не ранее середины XIX в., то есть ко времени переселения части албанского, гагаузского и болгарского населения из Буджака в Приазовье. За все время работы в экспедициях в Приазовье так и не удалось зафиксировать какие-либо предметы одежды, которые хотя бы по преданиям или семейным рассказам относились к периоду до переселения на новые места. Данный факт можно объяснить тем, что одежда всегда стоила дорого и ее старались носить до полного износа.

Кроме того, нужно учитывать следующие факторы. Во-первых, многие пожилые женщины (равно как и часть мужчин) просили похоронить их в старых традиционных нарядах. В ходе полевой работы регулярно фиксируются сведения о том, что такая-то или такой-то (чьи-нибудь свекровь, теща, свекор или тесть, тетя или дядя или иные родственники) перед смертью настаивали на том, чтобы их похоронили как настоящих албанцев — в традиционном (и, как правило, самом старом) наряде, который хранился в доме и который надевали по большим праздникам [АМАЭ: Новик 2009в: 34]. Данные случаи чаще фиксировались после Второй мировой войны, происходят они и в наше время.

Во-вторых, большое количество старинной традиционной одежды было экспроприировано, продано, сгорело или пропало в годы революций, войн,

[5] Болгарскому костюму посвящено много фундаментальных исследований, среди которых стоит выделить следующие, имеющие непосредственное или близкое отношение к теме статьи: [Велева, Лепавцова 1960; 1979; 1988].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

коллективизации и голодомора 1930-х годов (1932–1934). При этом большинство информантов называют именно голодомор наиболее тяжелым испытанием на памяти их поколения либо их родных и близких. Чаще всего при рассказе о традиционной одежде и ее производстве, бытовании и ритуальной стороне информанты отмечают, что большинство старых нарядов погибло во время голодомора — было обменено на хлеб в городе, конфисковано властями, украдено или пропало каким-либо иным способом.

В-третьих, с 1970-х годов традиционную одежду перестали носить даже старики, а потому во многих семьях стали от нее избавляться. Некоторые молодые хозяйки пускали бабушкины наряды на тряпки либо просто отправляли в печь: «...чтобы меньше хлама в доме было».

Все эти факторы способствовали тому, что к настоящему времени традиционной одежды, произведенной до середины XX в., в албанских селах Украины практически не осталось. А потому старые образцы такой одежды, хранящиеся в коллекции МАЭ, дают возможность наглядно представить албанский костюм, считающийся традиционным и «правильным» (оценивающимся самими носителями албанской культуры как престижный маркер этнической идентичности) по меньшей мере в течение около двухсот лет — с момента переселения из восточных районов Болгарии в пределы Российской империи.

К комплексу традиционной женской одежды относятся следующие элементы:

1) длинная рубаха *кэми́ша* (këmish|ë, -a);
2) *чукма́н* (çukman) — длинное одеяние без рукавов (наподобие сарафана);
3) платье *враха́м* (vraγam);
4) передник *фа́рта* (fart|ë, -a);
5) головной убор — платок (общее название *чомбе́р* (çomber)).

В комплекс входили также обувь и носки/чулки[6]. В холодное время года комплекс мог дополняться другими элементами. В жару, наоборот, традиционный костюм не редуцировался — из него не изымались элементы, так как в традиционном обществе отсутствие чего-либо в комплексе воспринималось как нарушение кода, нечто неприличное и неприемлемое. Слом традиции произошел в 1930-е годы, во время голодомора, когда рушились многие устои заведенных порядков, когда погибли многие жители албанских сел, а в Приазовье после гуманитарной катастрофы невиданной жестокости приехало много переселенцев, принесших с собой свои установки, правила и понятия «хорошо/плохо», «красиво/некрасиво» и др.

Итак, традиционный комплекс нарядной женской одежды состоит из пяти обязательных элементов (мы не включаем в него обувь, хотя она была непременным атрибутом костюма, так как в зависимости от времени года носили ее различные варианты).

Одним из этих пяти элементов была рубаха (рис. 3). Рубаха с длинными рукавами *кэми́ша мэ мэ́нгэ* (këmísha me mëngë — досл. «рубаха с рукавами») — непременный атрибут албанского традиционного костюма на протяжении

[6] О терминологии одежды см.: [Орленко 1996].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 3. *Кэмиша*. Вид спереди. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

всей истории его бытования. Для этого элемента костюма легко можно найти балканские, в том числе албанские (на территории современной Албании), параллели.

К сожалению, в отечественных (равно как и в зарубежных) музеях, за исключением Музея с. Жовтневое (рис. 4, 5) и Музея с. Георгиевка (рис. 3), не сохранилось образцов албанских женских длинных рубах из Буджака и Приазовья. Этот факт легко объясняется тем, что нижнее белье, нательные рубахи и прочее быстрее всего изнашивались. Их производство было затратным (в плане времени и труда), знаковая функция не была релевантной (такие предметы гардероба не должны были быть видны окружающим), а функциональная составляющая всегда оставалась исключительно важной. Поэтому с появлением доступных фабричных изделий и фурнитуры люди стали покупать готовые товары данного ассортимента либо материалы для их шитья

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Женская нижняя рубаха из домотканого полотна.
Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина.
2011 г. Фото автора

Рис. 5. Женская нижняя рубаха из домотканого полотна, украшенная шитьем и кружевом. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

в домашних условиях. Кроме того, если ценность нарядной одежды, как правило, осознавалась всеми носителями культуры (а значит, в сундуках хранили даже совсем изношенные *кирасk*и и *чукман*ы), то с бельем и нательными рубахами расставались легко, покупая взамен новое фабричного производства или изготавливая дома такое белье из фабричных материалов.

В ходе работы экспедиций 1998–2012 гг. фиксация рубах из домотканины в албанских селах Украины была, как правило, единичной, а потому заслуживает отдельного внимания.

Покрой женской рубахи с XIX до середины XX в. оставался практически неизменным. Она представляла собой туникообразное одеяние с вшитыми двумя клиньями и длинными рукавами.

Подобные рубахи бытовали на Балканах еще со времен Античности. Ряд исследователей считает такую рубаху иллирийским изобретением [Gjergji 1980b; 1981; 1988: 184–187].

На протяжении длительного периода бытования рубаха то усложнялась в крое, то, наоборот, упрощалась [Gjergji 1988: 184–187]. Этот процесс не может быть объяснен только технологическим прогрессом или исключительно вкусовыми предпочтениями, кардинально менявшимися от эпохи к эпохе [Zojzi 1954].

В изучаемый период, с начала XIX по начало XXI в., крой традиционной рубахи у албанцев Украины практически не менялся. Для ее пошива брали большой отрез домотканины, сгибали посередине (место сгиба служило в дальнейшем условным плечевым швом). Затем в оставшиеся от изгиба проймы по обе стороны вшивали длинные рукава. А под вырезами для рукавов вшивались два клина — по одному с каждой стороны, слева и справа. Эти клинья создавали объем в нижней части рубахи и обеспечивали свободу движений.

Характерная особенность женской рубахи у албанцев Украины — воротник-стойка, который был непременным атрибутом этого элемента костюма всегда, насколько могут припомнить информанты. Воротник-стойка застегивался на одну пуговицу, которая по традиции была сделана из белого перламутра. В более простых вариантах пуговица могла быть из любого материала.

В любом случае рубаху шили, согласуясь с размерами владелицы. Согласно неписаному кодексу одежды, рубаха должна была выглядывать из-под платья внизу на расстояние ладони. Если это требование не было соблюдено, то женщина даже не носила такую рубаху, а отдавала кому-нибудь из родственниц или знакомых [АМАЭ: Новик 2009в: 25]. Данного строгого правила придерживались до середины XX в. С 1950-х годов, когда традиционный костюм практически прекратил свое бытование, это правило перестало быть релевантным. И уже участницы фольклорного коллектива в с. Георгиевка, шившие себе традиционные платья по старинным образцам начала XX в. (колл. № 7132-7), не надевали под них длинные рубахи, как носили их матери или бабушки.

Длинную женскую рубаху шили из льняной ткани, позднее — из хлопчатобумажной. В любом случае до первых десятилетий XX в. такую ткань изготавливали дома. До конца XIX в. в народной одежде албанцев Украины лен доминировал в сырье для рубах, столового и спального белья, рушников, полотенец и прочего так называемого «белого» текстиля. В последние десятилетия XIX в. лен стали вытеснять хлопковые ткани. Этому способствовало то, что на рынке появилось много хлопчатобумажных нитей как зарубежного, так

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

и отечественного производства. Как правило, сельские жители покупали у городских торговцев хлопчатобумажную пряжу или готовые нити, а затем в домашнем хозяйстве пряли и ткали их. Так получалось дешевле — по сравнению с покупкой готовых тканей выгода была мизерной, однако и она была значима для крестьянского бюджета.

Схожие процессы происходили и на Балканском полуострове [Gjergji 1980a]. Появившийся зарубежный хлопок (в первую очередь американского и английского производства (последний — египетского и индийского происхождения)) наводнил рынки Османской империи, вытеснив из соответствующей ниши «белого» текстиля бывшие традиционными лен и коноплю.

В Российской империи хлопок из Средней Азии потеснил традиционные виды текстиля начиная с XIX в. Албанцы Украины оказались втянуты в этот инновационный процесс. По воспоминаниям информантов, их матери и бабушки очень быстро переквалифицировались в плане прядения и тканья уже не льняных, а хлопковых нитей.

В середине XX в., после Великой Отечественной войны, в Приазовье была предпринята попытка сева хлопчатника, со временем провалившаяся. Однако те несколько лет, пока в колхозе хлопок сеяли, дали местным жителям навыки его обработки. Албанцы познакомились с полным циклом выращивания и обработки хлопка, что сделало данный вид сырья практически традиционным.

Окончательно домашнее изготовление рубах стало затухать в 1950-е годы. Это касалось в первую очередь прядения и ткачества тканей для одежды. Но и в последующем были часты случаи, когда из имевшегося в доме отреза домотканины, изготовленной еще бабушкой или матерью, шили тот либо иной элемент одежды. Такие «рецидивы» были не редкими до 1980-х годов.

Одним из обязательных элементов женского костюма (пожалуй, самым ярким) является *чукма́н* (çukmán, -i) (рис. 6, 7).

Чукман носили поверх рубахи с длинным рукавом, поэтому такой элемент одежды шили с учетом припуска для большей свободы действий при ношении. В коллекции МАЭ хранится старинный *чукман* из Приазовья (колл. № 7132-4; рис. 8). Это дар А. К. Бурлачко Музею антропологии и этнографии. *Чукман* был сшит вручную в первой трети XX в. Принадлежал он матери дарителя, носили этот элемент одежды, по словам владелицы, в 1920–1930-е годы. Время бытования данного элемента одежды, равно как и всего комплекса с *чукман*ом, — до 1945 г. После окончания Великой Отечественной войны традиционная одежда стала быстро вытесняться европейским платьем под влиянием городской моды.

Чукман представляет собой длинное одеяние, по крою состоящее из плотного лифа с пришитой к нему широкой юбкой. Албанское название (на говоре албанцев Украины) такой юбки — *чукма́н*. Лиф на говоре называется *чупа́к* (çupák, -u). По всей очевидности, главной деталью данного элемента женской одежды является именно широкая юбка, давшая название всему элементу. Размеры *чукман*а следующие. Высота 98,5 см (высота лифа при этом 30 см), ширина (по подолу) 118 см (окружность подола соответственно 236 см), талия 72 см (в окружности).

Юбка *чукман* сшита из домотканой шерстяной ткани в черно-красную клетку. Ткань для нее ткали на домашнем ткацком станке из шерсти овец из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 6. *Чукман.* Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

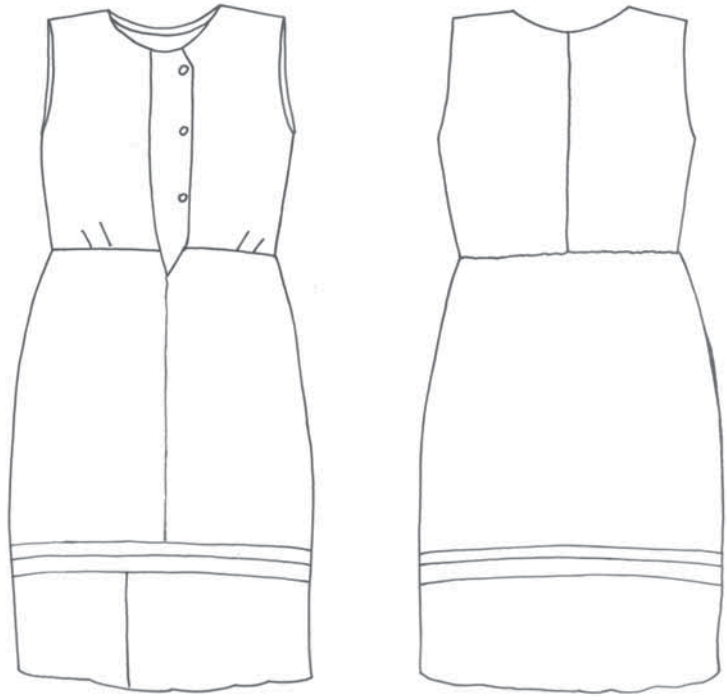

Рис. 7. *Чукман.* Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 8. *Чукман*. МАЭ. Колл № 7132-4

собственного домашнего хозяйства. Изготовлением подобных тканей занимались в Приазовье практически в каждом албанском доме до 1941 г., начала Великой Отечественной войны. С началом войны хозяйственный уклад и бытовые установки претерпели существенные изменения, одежду и ткани для нее продолжали производить лишь в немногих хозяйствах.

Юбка имеет вертикальные складки, идущие от талии, — албанское название таких складок на албанском говоре *су́фра* (sufra). По подолу юбки с изнаночной стороны пришит край шириной 4,3 см из черной ткани. Такой край на местном говоре называется *пэльчи́йнэ* (pëlçíjn|ë, -a).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

На юбке спереди, под лифом, имеется разрез, который на албанском говоре называется *артме́ч* (artméç — досл. «ширинка»). Такой разрез, имеющий крючок с петлей, прикрывался при ношении костюма в комплексе передником. Отдельно *чукман* женщины никогда не носили — считалось постыдным. Этот элемент относился к нижней одежде, и показываться в нем людям было нельзя — видеть его могли только домашние. Интересный факт, но многие нынешние пожилые информанты не помнят точно, как носили весь комплекс, и поэтому считают, что *чукман* был верхним одеянием, мотивируя свои рассказы тем, что, мол, в жару «невозможно же носить так много одежды — рубаху, *чукман*, а поверх еще и платье» [АОЕ: Новик 2010а: 9–11]. В с. Гаммовка была записана информация, что носили что-то одно — или *чукман*, или *врахам*. Однако это ошибочная интерпретация бытования костюма, которая базируется на современных представлениях об удобстве и комфорте.

Чукман имеет ближе к подолу две горизонтальные складки, которые называются *па́стра* (pl. pástra; sing. *па́стэ* past|ë, -a — «складка»).

Лиф *чупак* пришит плотным швом к юбке *чукман*. Понятно, что в плане изготовления легче шить две детали одного элемента по отдельности, а затем их сшивать, чем кроить и шить сразу сложную конструкцию. В истории костюма народов Балканского полуострова можно встретить случаи как упрощения кроя, так и его усложнения [Gjergji 1988]. Однако, как правило, сложные элементы, если говорить о генезисе, всегда создавались из простых форм (вследствие технологических возможностей эпохи), претерпевали важные конструктивные доработки, усложнялись, а затем непременно требовали упрощения шитья для массового производства[7].

Лиф сшит из зеленой ткани. Внутри имеется подкладка из ткани бежевого цвета. Название подкладочной ткани на албанском говоре *аста́р* (astár, -i) (так в современном албанском языке называется любая подкладка, а прежде это слово обозначало определенный вид ткани[8]). *Чупак* имеет переднюю планку из черного бархата, на говоре называется *пла́нкэ* (pllánk|ë, -a). На планке расположены пять пуговиц, на которые и застегивался лиф. Пуговицы называются

---

[7] Ярким примером здесь может служить традиционная мужская юбка *фустане́ла* (fustanéll|ë, -a), распространенная у албанцев и греков. Ряд исследователей вполне обоснованно считает, что данный элемент мужского костюма произошел из подола длинной рубахи, крой которой все усложнялся вследствие распространения модных тенденций и, главное, появившейся возможности производить и покупать большое количество тканей ввиду их относительной доступности по сравнению с предыдущими временами. Чтобы избежать необходимости делать очень сложную выкройку подола рубахи с большим количеством клиньев, непосредственно рубаху с рукавами и ее подол стали кроить отдельно. В последующий за данным «изобретением» период составная часть изначально двойного элемента костюма превратилась во вполне самостоятельный предмет, который можно стало носить независимо от другой составляющей — длинной рубахи [Gjergji 1988: 124–125, 145–146]. Новое рождение переживали многие элементы традиционной одежды балканских народов. Однако можно привести примеры и обратного «хода» — так, по-видимому, произошло с *мэнго́ре* (mëngór|e, -ja) — верхним распашным одеянием с ложными рукавами, характерным и для мужского, и для женского костюма албанцев, имеющим свои прототипы также в костюме черногорцев, сербов, греков и других балканских народов. Скорее всего, *мэнгоре* как элемент костюма произошло из концептуального слияния традиционной безрукавки и верхнего распашного одеяния, характерных для запада Балканского полуострова.

[8] В приведенных в исследовании А. Гьерги данных *астар* — это ткань определенного вида. В дальнейшем любую подкладочную ткань стали называть *астар* [Gjergji 1988; Fjalor 1980: 63]. Слово *astar* персидского происхождения, заимствовано в албанский из турецкого [Latifi Xhanari: 2012: 50].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ко́пче (kópçe). Пуговицы на *чукман*е белого цвета, старой работы. Даритель сообщил, что эти пуговицы были на данной планке еще до 1941 г. (это любопытная деталь, так как на других старинных нарядах пуговицы зачастую перешивали — ведь они терялись, изнашивались, ломались во время носки).

На лифе спереди имеются конструктивные складки: девять складок слева и девять справа. Название таких складок, так же как и складок на юбке, *ná*с*тра* (pl. pástra), соответственно одна складка называется на местном говоре *ná*с*тэ* (sing. pástë).

На спинке *чукман*а имеется несколько вышивок, выполненных зелеными нитками. Данная вышивка не была традиционной — ею пытались заштопать и завуалировать выношенные места. На спинке лифа также есть заплатка из зеленой ткани. Подобные *чукман*ы прежде были дорогим элементом костюма, а потому хозяйки всеми способами пытались продлить срок его ношения.

Чукман из коллекции МАЭ является весьма характерным для традиционной одежды албанцев Украины. Он был изготовлен в домашних условиях для личного пользования. При его производстве использовались материалы, полученные в домашнем хозяйстве (шерсть, возможно, хлопчатобумажные нити). Бархатная планка и *чупак* выполнены из покупных тканей — здесь отразилось пристрастие к бархатным деталям, в целом характерное для костюма балканских народов, а также проникновение в народный костюм фабричных тканей, ставших доступными на рубеже XIX–XX вв. крестьянам и городским жителям.

Чукман всегда носили поверх длинной рубахи, а поверх *чукман*а надевали *врахам*, а затем, в холодное время года, *кира́ск*у (kirásk|ë, -a) — короткое распашное одеяние с длинными рукавами. Впрочем, многие современные информанты, помнящие 1940-е годы, склонны считать, что *кираск*у носили и в теплое время года как непременный элемент нарядного варианта костюма (для похода в гости, на праздник и т.п.). В холода, в зимнюю стужу и во время сильных ветров, поверх всего женщины дополнительно надевали теплую одежду из меха.

Важным элементом женской одежды албанцев Украины долгое время оставался *враха́м* (vraγám, -i) — нарядное женское платье (рис. 9, 10). Такое одеяние имело сложный крой. У *врахам*а был длинный и широкий подол, длинные (на 3/4) рукава, круглый вырез на груди. Воротник у платья традиционно не шили.

Время бытования такой одежды — конец XIX — первая половина XX в. С большой долей уверенности мы можем предположить, что *врахам* в таком виде бытовал и ранее, по меньшей мере с начала XIX столетия, однако документального подтверждения этому факту мы пока не нашли. Все сохранившиеся до нашего времени *врахам*ы хронологически не старше XX в. А воспоминания информантов, подчас возводящие такие платья еще ко времени переселения албанцев из восточных районов Болгарии в Буджак, требуют особой проверки, так как базируются, как правило, на личных умозаключениях, и информанты при этом не могут привести конкретные факты, подтверждавшие бытование такого одеяния в более ранний, чем конец XIX в., период.

До середины XX столетия, окончания Великой Отечественной войны, *врахам*, как правило, шили из однотонной шерстяной ткани домашнего произ-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 9. *Врахам* из коричневой ткани. Вид спереди и сзади.
Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Рисунок А. Н. Ермолиной

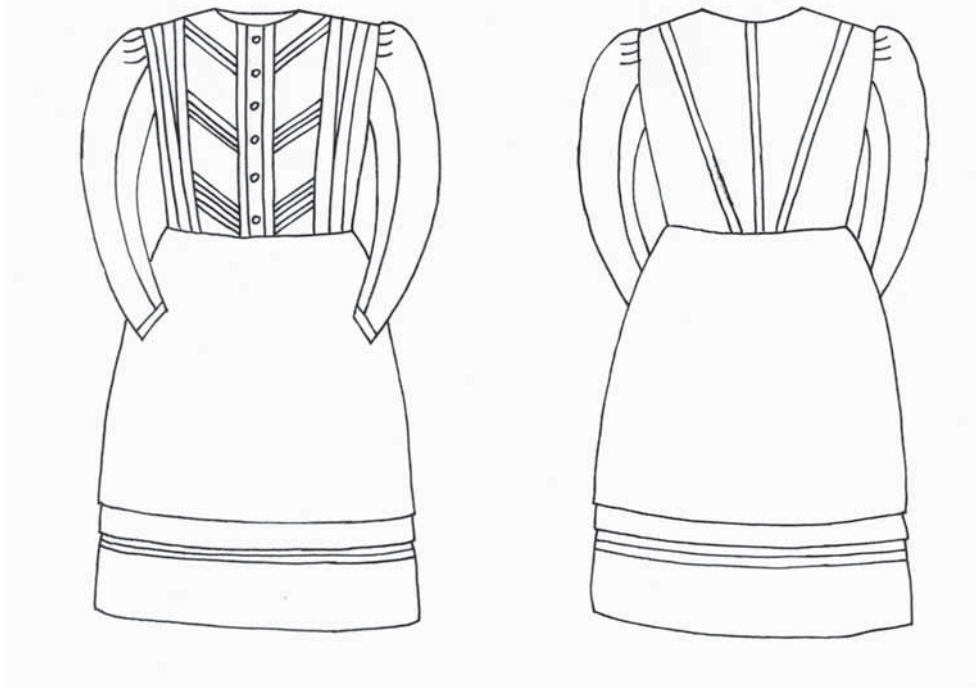

Рис. 10. *Врахам* из коричневой ткани. Вид спереди и сзади.
Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 11. Албанка в праздничном национальном костюме. С. Георгиевка. 1949 г. Фото Ю. В. Ивановой. Фотоархив ИЭА РАН. № Алб-49-155

водства. Реже использовали покупные ткани. Но в любом случае старались шить *врахам* из тонкой ткани, чтобы это одеяние хорошо сидело на фигуре (рис. 11).

После Второй мировой войны произошел коренной слом эстетических воззрений, предпочтений, понятий о престижности — все это диктовалось новыми условиями жизни, включением албанского населения в процессы, происходившие в Советском Союзе практически повсеместно, независимо от республики, региона, этнической принадлежности той или иной группы. На смену старой традиционной одежде приходили новые элементы и комплексы, которые воспринимались носителями культуры уже как современные и, главное, престижные.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

В коллекции МАЭ хранится *врахам*, подаренный А. К. Бурлачко в 1998 г. (колл. № 7132-7). Данный образец весьма показателен (рис. 12). Его сшили приблизительно в 1990 г. для выступлений фольклорного ансамбля с. Георгиевка, который долгое время возглавляла сама А. К. Бурлачко. Для выступлений народного коллектива необходимо было выбрать определенный традицион-

Рис. 12. *Врахам*. МАЭ. Колл. № 7132-7

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ный костюм. Свой выбор албанцы остановили именно на *врахам*е как на наиболее ярком и самобытном (по их мнению) элементе костюма. В качестве главной сценической постановки была выбрана традиционная албанская свадьба 1940–1950-х годов. В этот период гостьи чаще всего приходили на торжество именно в таких нарядах. С этой целью было решено сшить для всех участниц ансамбля по традиционному *врахам*у. Руководство колхоза выделило на эти цели средства (вся самодеятельность до начала 1990-х годов финансировалась за счет денег колхоза). Покупать ткань в г. Мелитополе вызвалась руководительница коллектива А. К. Бурлачко. Весьма показательно и интересно для исследования, что было в итоге куплено и сшито.

На коллективном собрании было решено сшить платья в точном соответствии со старыми образцами, сохранявшимися еще у кого-то в селе. Однако ткань решили купить «модную» — ацетатный шелк темно-коричневого цвета с крупным растительным орнаментом в виде бело-бежевых цветов с листьями и стеблями [МАЭ: Опись колл. № 7132-7]. Именно такие ткани были в моде и соответствовали эстетическим вкусам времени. Так как в нарядах предстояло выступать на публике, то участники самодеятельности посчитали, что в таких нарядах из модных тканей, но сшитых по старым албанским образцам, они смогут понравиться на смотрах и фестивалях народных коллективов. При этом самодеятельные артисты четко осознавали, что в плане вида и эстетики данная ткань совершенно не соответствует тому, что носили их матери и бабушки. Однако верх взяло стремление привнести некоторую инновацию в костюм, соответствующую духу времени.

Во всем остальном — в плане кроя, особенностей отделки, украшения — старые *врахам*ы попытались полностью повторить. Здесь очень важно, что для носителей культуры более значимым является стремление воссоздать крой и технику украшения одежды, чем подобрать похожую ткань. Этот феномен оценки собственной этнической культуры заслуживает специального рассмотрения. Он очень сложен, а потому требует проведения широких аналогий с другими явлениями.

Интересно заметить, что подобрать подходящую ткань для фольклорных *врахам*ов не представило бы труда даже в эпоху почти тотального дефицита советской эпохи — шерстяные и полушерстяные однотонные ткани успешно выпускались союзными предприятиями и были широко представлены на полках отечественных магазинов. То, что ткань выбрали современную, лишь подчеркивает желание участниц фольклорного коллектива внести новый нюанс в старую традицию. Обращая внимание на долгую историю албанского костюма, мы можем отметить постоянное проникновение в технологию создания элементов костюма все новых тканей и материалов. Это весьма показательный факт. И если, скажем, некоторые элементы и детали костюма сохранялись в одежде как горцев, так и жителей равнин на протяжении многих столетий (а некоторые и тысячелетий, например, *гу́на* (алб. *gun|ë, -a*)) [Zojzi 1966a; 1966b; Gjergji 1988], то любая инновация тканей и материалов для создания одежды заимствовалась практически сразу[9].

[9] Вспомним здесь вхождение в костюм албанцев *фустанел*ы, о которой уже шла речь выше, или распространение мануфактурных суконных шерстяных или фабричных хлопчатобумажных тканей, или триумфальное вхождение в практику производства одежды анилиновых красителей и искусственных материалов в конце XIX в.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Платья для фольклорного коллектива шили сами участницы самодеятельности. При этом была выбрана следующая тактика: в качестве образца взяли старый *врахам* и воспроизводили его во всех подробностях в новом материале. Копировали буквально все — количество складок, вымеряли их расстояние друг от друга, даже количество пуговиц соответствовало старинному образцу. Для исследования истории костюма это интересный факт. Пытаясь следовать традиции (правильнее сказать, ее реконструировать), носители этой культуры вполне уместным посчитали смело заменить ткань и другие материалы, но долго корпели, воспроизводя все строчки и складки самого одеяния. В итоге получилась некая реконструкция, которая замещает собой вышедшие из бытования по причине износа традиционные прототипы, чей статус в оценочной шкале этнической группы продолжает оставаться исключительно высоким.

Хранящийся в собрании МАЭ *врахам* позволяет привести точное описание этого традиционного одеяния, бытовавшего среди албанцев Украины по меньшей мере 150 лет. В этнографии существует предубеждение относительно изучения подобных суррогатных «фольклорных» предметов[10]. Однако *врахам* из фондов МАЭ являет собой фактически воспроизведение традиционного одеяния с соблюдением практически всех технологических особенностей его изготовления. Оставляя в стороне имеющую место в современной этнологической науке дискуссию о том, чем является реплика, копия, повтор или сувенирное изделие, приведем научное описание данного *врахам*а, так как оно позволит представить, что носили албанки Украины на протяжении полутора веков практически ежедневно (рис. 13, 14, 15, 16).

Врахам (колл. № 7132-7) — длинное платье с рукавами-фонариками. Такой рукав на албанском говоре называется *мэ плу́скэ* (me pllúske — досл. «с пузырем»). Рукав длиной $^{3}/_{4}$ от обычной длины до запястья. Время появления такого рукава в традиционной одежде албанцев остается под вопросом. Старые образцы албанской женской одежды демонстрируют практически всегда длинный рукав[11]. Возможно, мода на такой рукав возникла под влиянием городской культуры в XIX в. Подобная инновация все равно не позволяла оставлять женщине открытой постороннему взгляду часть руки и запястье. Правила приличия (за которыми стоял суровый кодекс одежды албанской замужней женщины) требовали ношения большого количества браслетов, скрывавших

[10] Так, в современной науке мы практически не можем найти специальных исследований, посвященных «фольклорному» костюму (где под «фольклорным» подразумевается не традиционный, народный, а новодел, выполненный по мотивам традиционного, народного, зачастую по похожему крою, но уже из новых материалов и с использованием новых техник отделки и украшения). Вместе с тем интерес к подобным явлениям в этнологии существует, но, как правило, далее теоретических рассуждений с приведением значительного количества данных по культурам разных народов мира такие исследования, к сожалению, не идут. Невозможно представить себе каталог, где были бы собраны подобные «фольклорные» костюмы (вместо традиционных). Это несмотря на то что эти вещи являются неотъемлемой частью культуры (и в первую очередь традиционной), а потому требуют специального всестороннего изучения, так как данное явление — вхождение в пласт народной культуры новых предметов, созданных по мотивам старых образцов (иначе говоря, реконструкций), — безусловно, является особой областью этнографии.

[11] Вопрос возникновения верхнего распашного одеяния *мэнгоре* с ложными рукавами в собственно албанских землях Балкан оставим за рамками данного исследования, так как под данным одеянием носили рубаху или блузу с длинным рукавом, скрывавшую голую руку. *Врахам* у албанок Украины позволял оставлять открытыми чужому взору запястье и часть руки — и в этом кроется существенная разница в коде одежды.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 13. *Врахам* из желтой ткани. Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Рисунок А. Н. Ермолиной

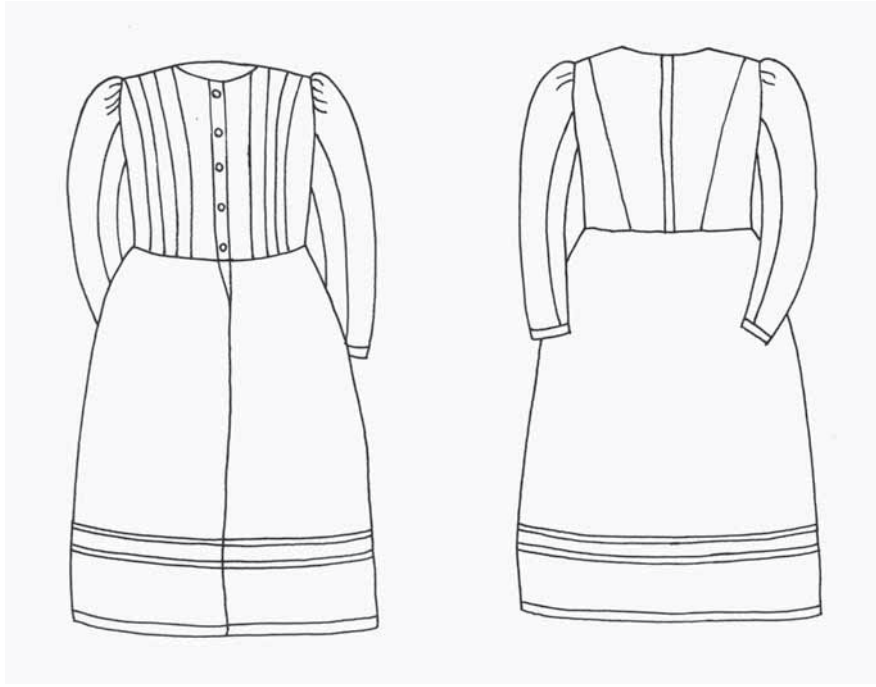

Рис. 14. *Врахам* из желтой ткани. Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 15. *Врахам* из бордовой ткани. Вид спереди и сзади.
Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Рисунок А. Н. Ермолиной

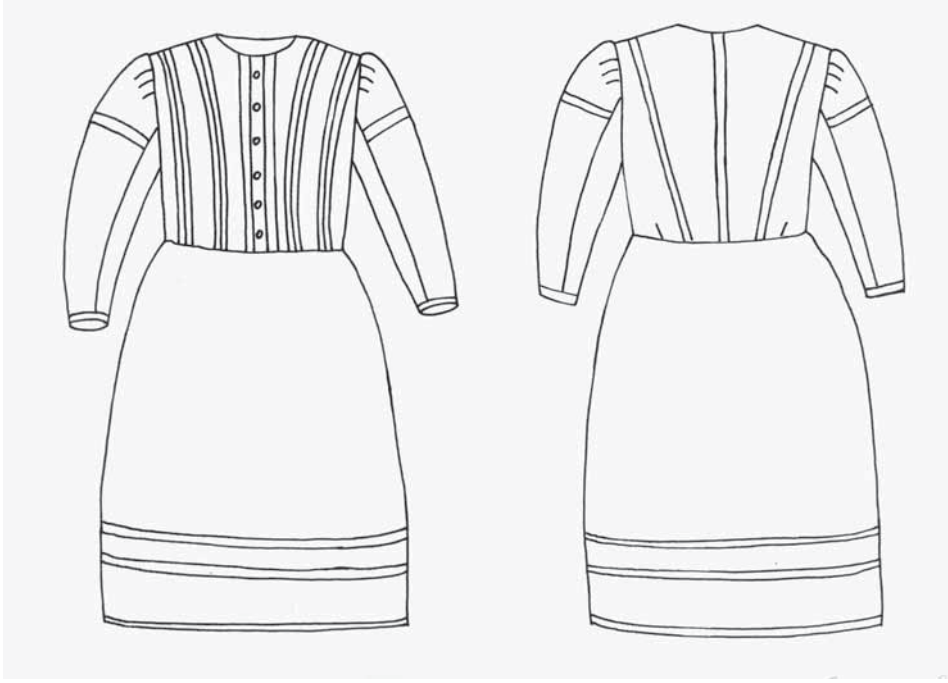

Рис. 16. *Врахам* из бордовой ткани. Вид спереди и сзади.
Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г.
Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 17. Е. Н. Опрева, колхозница, депутат районного совета. С. Георгиевка. 1949 г. Фото Ю. В. Ивановой. Фотоархив ИЭА РАН. № Алб-49-129

всю обнаженную часть руки (или хотя бы одного браслета) (рис. 17). Таким образом, запястье албанки от края рукава практически до кисти покрывали многочисленные браслеты. И в этой части традиционных взглядов (как неотъемлемой составляющей традиционной культуры в целом) просматривается

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

извечное лукавство, граничащее с коварством, когда человеческая хитрость соревнуется с бахвальством и хвастовством, — необходимость скрыть голую руку диктует покупку браслетов, желание надеть побольше браслетов требует укоротить рукав, а укорочение рукава приводит к еще большему желанию приобретать и носить новые украшения. И здесь тщеславное желание выставить напоказ как можно больше украшений соперничает с консервативными устоями и желанием их обойти всеми правдами и неправдами, когда чувство меры перекрывается желанием быть не хуже, чем соседи, близкие и т.д. Появившись в результате «микроэволюции» укороченного рукава и стремления украсить запястья, *врахам* давал возможность продемонстрировать достаток семьи и вкус самой женщины. А фактор престижа в связи с конкуренцией с другими представителями социума отодвигал на второй план чувство меры и некоторую щепетильность в части соблюдения «законов предков».

В албанских селах Украины у многих в сундуках сохраняются старые браслеты, без которых прежде невозможно было представить женщину в традиционном наряде[12]. Во многом это обусловлено большим количеством таких украшений в прошлые времена, когда существовала потребность в обязательном порядке дополнять ими традиционный костюм с *врахам*ом.

Длина платья из коллекции МАЭ 111 см, ширина плеч 37 см, длина рукава 52 см. Талия *врахам*а (в окружности) 82 см.

Верхняя часть платья и рукава имеют подкладку. Верхняя часть платья на албанском говоре называется *чупáк* (так же как и лиф описанного выше *чукман*а). Подкладка на платье называется *астáр*. На *врахам*е из коллекции МАЭ в качестве подкладки использована хлопчатобумажная ткань яркого розового цвета — еще одно свидетельство того, что для носителей культуры цвет в новодельной одежде зачастую не является релевантным признаком традиционности/нетрадиционности.

На груди платья имеется планка из черной хлопчатобумажной ткани с пришитыми пятью белыми пуговицами. Однако эти пуговицы выполняют лишь эстетическую функцию — *врахам* застегивается на груди с помощью крючков и петель с изнаночной стороны планки. Здесь пришито шесть металлических крючков и шесть петель.

Ниже планки груди спереди сделан разрез, называющийся «ширинка». При ношении *врахам*а этот разрез прикрывается передником (то же самое мы наблюдаем и при ношении *чукман*а).

На груди платья с левой и правой сторон имеется по два ряда вертикальных складок (по две складки в каждом ряду). На спине посередине идет двойная складка (характерная деталь кроя для одежды албанцев Украины и относительно редко встречающаяся в костюме у албанцев Балканского полуострова). Здесь же, на спине по бокам, имеется по одной вертикальной складке.

Врахам имеет довольно широкий подол. Подол скроен отдельно и пришит к *чупак*у так, что образует сборки. Сборки на талии платья на албанском говоре называются *сýфра* (так же, как и другие складки). Подол платья изнутри обшит лентой шириной 5,5 см из такой же подкладочной ткани розового цвета, как лиф и рукава. Этот край (внизу подола платья) на говоре по-албански называ-

[12] Браслеты, привезенные паломниками из Иерусалима и бытовавшие у албанцев в XX в., представлены также в Музее с. Георгиевка и Музее с. Девнинское [АМАЭ: Новик 2007].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ется *пэльчи́йна* (pëlqijn|ë, -a). Длина пришитого подола 70 см, окружность подола 222 см.

Врахам украшен кружевом. В 20 см от края подола горизонтальной лентой пришито белое кружево. Ширина кружева 1,8 см. Кружево (на местном говоре называется *дантэ́ло*, вариант: *тантэ́ло*) фабричного производства советского периода.

На подобные платья для фольклорных коллективов на рукава нашивали еще и блестки (чтобы эффектнее смотрелось со сцены). Блестки на албанском говоре называются *флю́тра* (pl. flútra). На платье из коллекции МАЭ блесток нет, так как его попытались точно скопировать со старых образцов (исключая, естественно, ткань и материалы).

Платье сшито без плечиков. Плечики в албанском говоре названия не имеют [МАЭ: Опись колл. № 7132-7].

Данный *врахам* долгое время использовался участницами самодеятельности на фольклорных смотрах. Во время его создания, около 1990 г., было сшито по платью на каждую участницу. К концу 1990-х годов фольклорный коллектив распался из-за отсутствия финансирования. Если к моменту создания ансамбля все расходы по содержанию коллектива оплачивало колхозное руководство, то с развалом социалистической системы хозяйствования возникшее на месте бывшего колхоза КСП (коллективное сельское предприятие) уже не могло и не желало тянуть на себе это бремя. Выступления стали проходить от случая к случаю. А вся одежда, приготовленная для ансамбля, осталась в распоряжении участниц коллектива. Поэтому в албанских селах Приазовья у информантов в домах можно найти такие *врахам*ы, которые, что важно для изучения традиционной культуры, воспринимаются местными жителями как совершенно традиционные и «правильные».

Другим важным элементом комплекса женского традиционного костюма является, как уже отмечалось, *кира́ска* (kirásk|ë, -a). Данное короткое распашное одеяние с длинными рукавами было, пожалуй, самым нарядным и знаковым во всем комплексе (рис. 18). По свидетельствам информантов, в Приазовье такой элемент костюма бытовал с 1860-х годов, то есть со времени переселения из Буджака.

В коллекции МАЭ представлена *кираска*, подаренная в 1998 г. А. К. Бурлачко в с. Георгиевка Приазовского района (колл. № 7132-5; рис. 19). Данная *кираска* сшита из черного бархата, который был привезен из Иерусалима бабушкой А. К. Бурлачко на рубеже XIX–XX вв. Среди албанцев Украины поездки к святым местам были весьма распространены [АМАЭ: Новик 1988: I; 41; АМАЭ: Ермолин 2011: 17; Ермолин 2013: публ. соч.]. Зачастую зажиточные семьи выезжали в Иерусалим и к другим святыням на полгода, год. Из этих длительных поездок албанцы привозили, помимо христианских атрибутов, украшений, икон, крестов и пр., всевозможные товары, которые считались особенно престижными и ценными в Российской империи. Зачастую даже не ценность и редкость играли роль в таком «товарном» запасе, а сам фактор престижа, диктовавший местным колонистам необходимость наличия в гардеробе вещей, привезенных из святых мест. Так, для местных модниц совершенно неравнозначными считались вещи, купленные по случаю на торжище в Мелитополе, и предметы, привезенные из *гаджилэ́к*а (ɣaxillə́k, -u), как на албанском

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

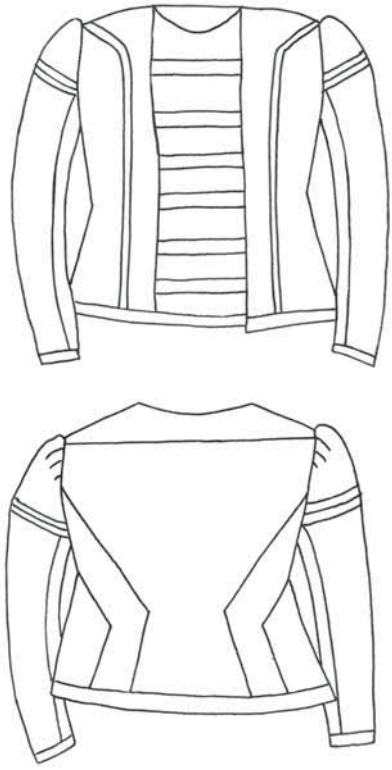

Рис. 18. *Кираска.* Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

Рис. 19. *Кираска*. МАЭ. Колл. № 7132-5

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 20. Нагрудное украшение с крестом. МАЭ. Колл. № 7132-11

говоре называлось само паломничество. Поэтому, попадая на Святую землю, паломники старались купить как можно больше изделий местного производства, украшений (рис. 20), тканей и пр., чтобы в последующем хватило не только на свой век, но и детям, внукам, ближайшим родственникам.

Ровно такая же история у *кираск*и из собрания МАЭ. Бархатную ткань из Иерусалима привезла бабушка А. К. Бурлачко, *гаджи́йка* (γaxhíjk|ë, -a) (как ее уважительно звали местные за совершенное паломничество), а затем, когда возникла необходимость, от отреза был выкроен кусок бархата, пошедший на пошив *кираск*и.

Кираска представляет собой приталенное одеяние с рукавами-фонариками. Каждый рукав имеет манжету — на албанском говоре Приазовья так и называется *манжéт* (manzhet, -i). Высота одеяния от ворота до подола 54 см, ширина плеч 35 см, длина рукава 56 см.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

У *кираск*и зауженная талия и расклешенные книзу полы. Талия (в окружности) 80 см, подол (в окружности) 136 см. Тенденция подчеркнуть фигуру женщины присутствовала в традиционной одежде на протяжении практически всего XIX и первой половины XX в. *Кираск*у стремились шить по фигуре — чтобы лучше подчеркнуть формы. Пышная грудь, тонкая талия, широкие бедра считались непременными признаками женской красоты, имевшими непосредственную связь с фертильностью — способностью к деторождению и воспроизведению рода, вскармливанию детей и т.д. Женщины, имевшие пышные формы, стремились это подчеркнуть. Женщины, не наделенные такими формами, старались с помощью грамотно (в плане конструкции) сшитой *кираск*и выглядеть привлекательно и «правильно» — с точки зрения сложившихся стереотипов и предпочтений.

Кираска не имеет воротника [АМАЭ: Новик 2010а: 68–71]. Распашное одеяние запахивается на левую сторону и застегивается под горло на левом плече. Такая конструкция одежды, вне сомнения, имеет своим прототипом городские элементы одежды, получившие распространение в XVIII–XIX вв. Мы не можем проследить подобные решения кроя в традиционной одежде более раннего времени.

На *кираск*е нашиты пуговицы — четыре штуки с левой стороны. Пуговицы сделаны из белого перламутра. Такие пуговицы, равно как и другие перламутровые украшения и прочие изделия, привозили из паломничества к святым местам. У многих албанских семей, у которых уже практически ничего не осталось от бабушкиного наследства, именно изделия из перламутра, привезенные некогда из *хадж*а, могут храниться до наших дней как ценнейшая реликвия, рассказывающая о прошлом [АМАЭ: Ермолин 2011: 17].

На *кираск*е нашиты также крючки и петли, которые выполняли основную функциональную роль по креплению запáха на груди. На албанском говоре крючки называются *гáгра* (pl. gágra, sing. gág|ë, -a). Такие крючки в XIX в. уже покупали у городских ремесленников или на торжищах.

На вшитой на уровне груди планке имеется восемь рядов с двумя горизонтальными складками в каждом — всего шестнадцать складок, выполняющих декоративную функцию.

На бортах *кираск*и, слева и справа, — по две вертикальные складки, исключительно важные в плане кроя. Благодаря этим складкам одеяние плотно сидело на фигуре, формируя линию груди и талию. Ту же функцию выполняют и две вертикальные складки посередине спины. Все указанные складки на албанском говоре называются *пáстра* (pástra).

Кираска из собрания МАЭ сшита вручную, мелкими стежками хлопчатобумажной нитью. *Кираска* имеет подкладку из разных отрезов ткани. Бóльшая часть подкладки из ткани серого цвета, а подкладка на спине вишневого цвета. Скорее всего, такая конструктивная особенность была продумана. *Кираска* являлась дорогим элементом одежды, который носили по праздникам, поэтому она должна была выглядеть нарядной. В том случае, если *кираск*у снимали (а сделать это можно было лишь в кругу близких и домашних), в поле зрения смотрящего должна была попасть лишь парадная сторона костюма — даже видимая постороннему взгляду подкладка на спине была вишневой, что ассоциировалось с «правильным» красным цветом, а не с нейтральным серым «для себя».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

По словам дарителя, ткань подкладки (на албанском говоре *астар*) «современного производства» (то есть первой трети XX в.) [МАЭ: Опись колл. № 7132-5]. В любом случае даритель хотел подчеркнуть, что *кираск*у шили в первой трети XX столетия из ценной старой ткани, привезенной из паломничества к святым местам, которая хранилась в домашнем сундуке.

В комплексе с *кираск*ой могли носить лишь нарядные головные платки и фартухи. Надеть повседневный платок или домашний фартух с *кираск*ой считалось вопиющим нарушением кода одежды. И таких случаев на памяти нынешних пожилых информантов не отмечалось. *Кираска* как важный и знаковый элемент костюма вышла из широкого употребления после Великой Отечественной войны наряду с другими элементами традиционного костюма. Однако и в последующие десятилетия, когда в отдельных случаях пожилые албанки иногда надевали *кираск*у, они никогда не позволяли себе носить ее в комплексе с повседневным платком или домашним фартухом (что свидетельствует о чрезвычайно знаковой функции данного элемента костюма).

Описываемый комплекс нарядной традиционной одежды дополнял передник — албанское название на говоре *фа́рта* (fárt|ë, -a) (рис. 21, 22, 23)[13]. Такой

Рис. 21. Платок *чомбер*, *врахам* и *фарта*. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото А. Рыбалко

[13] О передниках в женском костюме албанцев Албании см.: [Gjergji 1985].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 22. *Фарта*. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

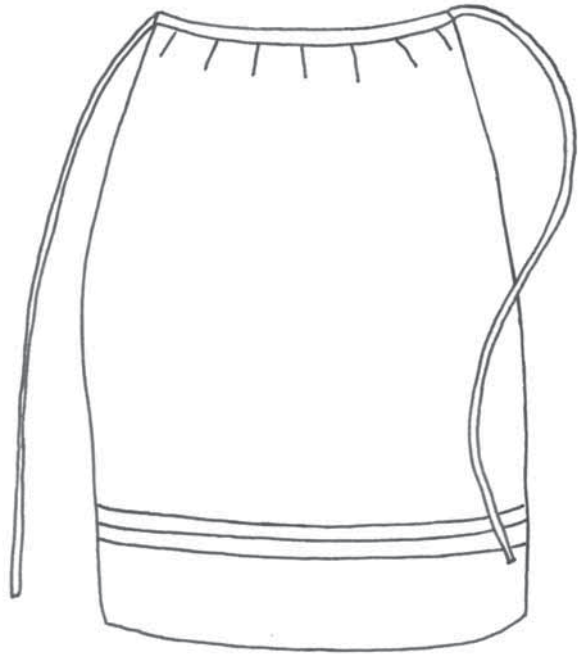

Рис. 23. *Фарта*. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 24. *Фарта*. МАЭ. Колл. № 7132-6

передник обязательно должен был быть сшит из дорогой ткани. В коллекции МАЭ в комплексе с другими элементами нарядной одежды из Приазовья представлен фартух, подаренный А. К. Бурлачко в 1998 г. (колл. № 7132-6; рис. 24).

Полное название данного фартуха на албанском говоре *а зо́за фа́ртэ мэ гэршу́рэ* (a zë́za fártë me gërshírë — досл. «черный фартух с косами»)[14]. Передник сшит из черной тонкой ткани с черным тканым узором в виде косичек геометрического орнамента. Такую ткань (с тканым узором подобного типа) албанцы называли *мэ гэршу́рэ* (me gërshíre — досл. «с косами»). Данная ткань, как и бархатная ткань для *кираск*и, была привезена из паломничества к святым местам.

Важная особенность — для албанского костюма в целом характерно использование орнамента (как тканого, так и вышитого, и нанесенного любым иным способом) в одной цветовой гамме с самой тканью. Так, в албанском костюме Албании некоторые областные варианты являют пример таких монохромных вышивок и тканых узоров [Shkurti et al. 2004]. Костюм албанцев Украины также сохранил данную особенность. При этом в традиционной одежде соседних этносов и этнических групп (черногорцев, македонцев, сербов, греков, влахов и др.) такие особенности практически не фиксируются.

Другая важная черта — предпочтение черного цвета для самых нарядных элементов костюма. *Фарта* наряду с *кираск*ой являлись самыми нарядными, дорогими и выразительными в знаковом отношении элементами праздничного комплекса. Именно они были выполнены из тканей черного цвета (причем кардинально черного цвета). Обращает на себя внимание, что на переднике согласно эстетическим предпочтениям должен был присутствовать орнамент, тоже черного цвета[15], как и сама ткань. Безусловно, здесь отразились модные тенденции рубежа XIX–XX столетий (похожие элементы костюма черного

[14] Такой вариант перевода был предложен дарителем А. К. Бурлачко. Возможно, здесь мы наблюдаем контаминацию слов: gërshet, -i — «коса» и gërshër|ë, -a — «ножницы (в современном албанском литературном языке) [Fjalor 1980: 548–549].

[15] Об особенностях этнической культуры албанцев Балканского полуострова см.: [Pollo 1977].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

цвета входили в одежду европейских женщин не только в Восточной и Юго-Восточной Европе, но также и в Центральной, и в Западной, например в Германии). Однако важный нюанс в этом элементе — использование черной орнаментики, что может рассматриваться как балканская черта, законсервировавшаяся и сохранившаяся во время длительного проживания вне основного этнического массива.

Фартух из привозной ткани шили сами в домашних условиях вручную. По словам дарителя, швейную машинку в семье купили значительно позже, а потому все до 1930–1940-х годов шили вручную. Фартух принадлежал матери А. К. Бурлачко. Шили фартух из привозной ткани по старым образцам, сохраняющимся в доме. Мастерицы пытались сохранить все конструктивные особенности старых образцов, включая размеры, крой, даже наличие определенного количества складок (чтобы было не больше и не меньше, а именно столько, сколько на старых образцах).

Размеры фартуха следующие: высота 68 см (вместе с кружевом), ширина верха 52 см, ширина низа 97 см (фартух в верхней части присобран в складки).

Фарта имеет сверху большую горизонтальную складку, идущую полукругом выпуклой частью вниз. Нижняя часть фартуха также имеет горизонтальные складки: одна, побольше, расположена выше, а два ряда складок по две штуки меньшего размера ниже ее. Все эти складки на албанском говоре называются *пастра*.

По бокам и по низу фартух украшен черным кружевом шириной 4 см. Кружево было привезено также из паломничества в Иерусалим. Местное название кружева на албанском говоре *дантэ́ло* (dantéllo).

К *фарт*е пришиты две завязки длиной по 62 см каждая. Завязки сделаны из черной ткани с бежевым рисунком в виде листьев.

Фартух из собрания МАЭ носили в 1920–1930-е годы. Этот элемент костюма считался дорогим, его высоко ценили, а потому он и сохранился в сундуке информантов как реликвия. Время затухания бытования таких передников — с середины 1940-х годов. Несмотря на то что фартух еще долгое время оставался непременным атрибутом женского костюма, подобные нарядные образцы вышли из употребления — им на смену пришли передники из новых покупных тканей, считавшихся уже более престижными и дорогими (рис. 25, 26).

Непременным атрибутом женского традиционного костюма является головной убор. У албанцев Украины на протяжении всего периода XIX–XX вв. функцию головного убора выполнял платок. Описываемый комплекс женского костюма требовал наличие нарядного головного платка (рис. 27).

Носители албанской культуры выделяют несколько типов платков, которые считаются у них традиционными, «албанскими» [АМАЭ: Новик 2009В: 30–33]. Это:

а) хлопчатобумажный платок с рисунком *чомбе́р*;

б) платок из тонкой шерстяной ткани *боры́с*;

в) теплый шерстяной платок *шальчи́к*.

В ходе полевой работы были зафиксированы и иные виды платков, которые имели бытование в разные периоды проживания албанцев на юге Украины, однако все они не считаются самими албанцами традиционными, а вошли в кодекс албанской одежды на короткий период под влиянием костюма сосед-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 25. *Врахам* с *фарта*. Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

Рис. 26. *Врахам* с *фарта*. Вид спереди и сзади. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 27. Платок *чомбер*, *врахам* (новодел по старинному образцу) и *фарта* (новодел по старинному образцу). Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото А. Рыбалко

них групп населения. Одинаково осторожно нужно относиться к фиксируемым во время экспедиций терминам в сфере одежды, так как зачастую новые реалии, входившие время от времени в костюм албанцев, получали название предыдущих элементов, со временем это забывалось информантами, и теперь многие носители культуры путают реалии из-за одинаковых названий.

Постараемся дать наиболее полную характеристику женских головных платков, бытовавших у албанцев Украины. В этом анализе большую помощь может оказать коллекция МАЭ, чьи фонды в последние годы существенно пополнились албанской одеждой благодаря работе комплексных этнолингвистических экспедиций 1998–2012 гг.

В коллекции МАЭ хранится несколько женских головных платков из Приазовья. Все они были привезены из экспедиций в албанские села в 1998–2012 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Весьма показательным является женский хлопчатобумажный четырехугольный платок *чомбе́р* (çombér) (колл. № 7132-8; рис. 28, 29). Его размеры: 105×104 см. Это платок фабричного производства начала XX в. Он обшит кру-

Рис. 28. Платок *чомбер*. МАЭ. Колл. № 7132-8

Рис. 29. Платок *чомбер*. МАЭ. Колл. № 7132-8

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

жевом, а потому его полное название на говоре *чомбе́р мэ тантэ́ло* (çombér me tantéllo — досл. «платок с кружевом»). Платок был подарен в 1998 г. А. К. Бурлачко. Он хранился в доме информантки, принадлежал ее матери, соответственно, время его ношения — первая половина XX столетия.

Чомбер бежевого цвета с рисунком в виде цветов и цветочных гирлянд зеленого, голубого и темно-бежевого цветов. Цветовая гамма весьма характерна для головных уборов албанцев Украины в целом. Бежевый и коричневый цвета были одними из предпочтительных в традиционной одежде албанцев, в первую очередь в головных уборах, на рубеже XIX–XX вв.

Подобные платки российского производства албанцы Буджака и Приазовья покупали у городских торговцев. Если в целом одежду для собственных нужд практически целиком изготавливали в домашнем хозяйстве почти до середины XX в., то такой важный аксессуар, как головной платок, стали покупать у городских торговцев еще в XIX в., по крайней мере, с середины столетия. Объяснялся этот факт тем, что, с одной стороны, в плане экономическом крестьяне уже могли себе позволить совершать покупки готовых изделий в лавках и на торжищах (прежде реальных денег у крестьян было очень мало, они вели почти натуральное хозяйство). С другой стороны, массовое фабричное производство делало такие изделия, как платки, доступными широким массам потребителей. А с третьей стороны, массовое мануфактурное производство повлияло на вкусы людей — красивыми стали воспринимать уже фабричные витиеватые набивные рисунки, а не выведенные швы домашних вышивок, большинству стали импонировать яркие цвета анилиновых красителей, а не традиционная полихромная гамма домашних красок с их устоявшимся и привычным местом в визуальном ряду и структуре костюма и сложившейся символикой каждого цвета.

К купленным платкам хозяйки сами пришивали кружева — по тогдашней «албанской» моде [АМАЭ: Новик 2009В: 30]. На образце *чомбер*а из МАЭ два вида кружева. Один ряд кружев черного цвета. Эти кружева домашнего производства из черных шелковых нитей. Согласно сведению информантки, эти кружева были на платке еще в начале XX в. Тогда в домашних хозяйствах разводили тутового шелкопряда и занимались производством нитей и тканей из шелка, а также различными видами рукоделия с использованием шелка. Черное кружево на *чомбер*е ручного плетения, его изготовили в начале XX в. Кружево пришито к четырем сторонам платка — его повязывали на голове так, что были видны лишь три стороны, соответственно, необходимость обшивать кружевом четвертую по периметру сторону отсутствовала. Кружева именно черного цвета были распространены в конце XIX — начале XX в. Они наиболее подходили к традиционному костюму и соответствовали эстетическим предпочтениям.

Кружевную ленту белого цвета к *чомбер*у пришила сама А. К. Бурлачко в последние десятилетия XX в. Она пыталась придать старинному платку более нарядный вид и посчитала, что именно белые кружева способны внести праздничную нотку. Поэтому купила в магазине кружево фабричного отечественного производства шириной 13 мм и пришила. Пыталась подобрать по узору к черному кружеву, ширина которого 17 мм.

Ближе к краю расположен ряд черных кружев, дальше от края — ряд белых кружев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Подобные платки в албанской среде считались нарядными и высоко ценились. У зажиточных крестьянок обычно хранилось несколько таких ценных *чомбер*ов. Их передавали по наследству.

В фотоиллюстративном фонде отдела европеистики МАЭ имеется множество фотографий, запечатлевших старые *чомбер*ы, хранящиеся в домах албанцев Украины (рис. 30). Эти фотографии были сделаны во время экспедиций в Буджак и Приазовье (рис. 31). Как правило, такие платки остаются чуть ли не единственными реликвиями прошлого в той или иной семье, поэтому их берегут и не желают с ними расставаться.

Рис. 30. Платок *чомбер* с шелковой бахромой. Хранится в доме С. М. Шоповой, албанки. С. Девнинское, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Рис. 31. Запись интервью. А. А. Новик в доме Степаниды Максимовны Шоповой, албанки, 1938 г.р. С. Девнинское, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2011 г. Фото из архива автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Изучение данного фотоиллюстративного фонда может помочь в освещении вопроса бытования головных уборов у албанцев. Так, среди *чомбер*ов, хранящихся в сундуках нынешних жителей Жовтневого, Гаммовки, Девнинского, Георгиевки, можно наблюдать большое разнообразие платков, сделанных на рубеже XIX–XX вв. [АМАЭ: Новик 1998]. Помимо вполне традиционных *чомбер*ов с набивными рисунками в виде гирлянд цветов и бутонов, можно отметить юбилейные платки с изображениями видных военачальников, героев Военно-морского флота и политических деятелей Российской империи. Такой, например, *чомбер* с изображением адмиралов российского флота хранится в доме А. К. Бурлачко в с. Георгиевка [АМАЭ: Новик 1998; АОЕ: Фотоиллюстративный фонд: Новик 1998]. Данный пример весьма показателен. Колонисты, переселившиеся в Россию в начале XIX в., к концу столетия приобретали подобную полуагитационную продукцию и носили как обычный головной платок, обшивали его кружевом на албанский манер и считали уже традиционным элементом своего костюма, ничуть не выбивавшимся из общего кода этнической одежды. Платок с русскими адмиралами воспринимался носителями культуры как албанский!

Разнообразие платков *чомбер* оставалось большим до революции 1917 г., когда экономические и пр. возможности значительно уменьшились, а в определенное время были сведены на нет. В последующий за революционным лихолетьем период *чомбер*ы передавались по наследству либо покупались-продавались внутри локального рынка — из того, что было куплено еще в дореволюционное время. В советский период многообразные головные платки промышленного производства не считались традиционными уборами, хотя албанские женщины их охотно носили в повседневном быту. Роль *чомбер*а как главного традиционного платка сохранилась до начала XXI в., когда стало уже очень трудно отыскать старинный головной убор в албанских селах.

Другой вид головного убора албанок Украины — платок из шерстяной ткани, называвшийся на говоре *шальчик* (shalçik) (рис. 32). Обычно такой платок носили повседневно в холодное время года, чаще всего зимой [АМАЭ: Новик 2009в: 32–33]. Такая традиция существенно отличала кодекс одежды албанцев Буджака и Приазовья от принятого у албанцев Балкан. Этот факт имеет простое объяснение — климат в степях Украины суровый по сравнению с погодными условиями на западе Балкан. И если в комплексах женской одежды на Балканах мы можем встретить лишь один вид головного убора (иногда два — праздничный и повседневный, но оба при этом практически ничем, кроме украшений, не отличаются), то в Буджаке и Приазовье, с их колоссальной амплитудой температур, закрепление в комплексе традиционной одежды нескольких видов головных уборов было просто необходимо. Так появился теплый головной платок из шерсти, призванный защитить женщину от зимних стуж и ветров в холодные периоды года.

Скорее всего, такой зимний платок вошел в гардероб албанок уже после переселения в пределы Российской империи, не ранее начала XIX столетия. Мы не можем проследить его бытование в период проживания албанцев на территории Восточной Болгарии и тем более на землях современной Албании (хотя бы по причине хронологической удаленности этого времени и малого количества информации, касающейся того периода).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 32. Платок *шальчик*. МАЭ. Колл. № 7132-3

На новых землях албанцам пришлось коренным образом перестраивать свой хозяйственный и бытовой уклад. Этот слом происходил не сразу, а постепенно. И одними из первых были, по всей видимости, инновации в одежде. Чтобы адаптироваться к местному климату, албанцам понадобилось приспособить свой костюм под требования климатических особенностей. При этом по соседству с албанцами на новых местах жили русские и украинцы, у которых в традиционной одежде были элементы сугубо летнего, демисезонного и сугубо зимнего гардероба. Так что албанцам не пришлось изобретать нечто новое. По-видимому, теплый зимний платок из шерстяной ткани был заимствован у соседей — русских и украинцев. Со временем теплый платок претерпел у новых владельцев определенные изменения, выразившиеся в виде украшения шелковой бахромой (согласно собственным эстетическим предпочтениям). А затем, спустя какое-то время, стал восприниматься носителями албанской культуры как элемент собственной этнической культуры. Во всяком случае албанцы Украины всегда подчеркивают, что такие платки — элемент их традиционного женского костюма.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

В коллекции МАЭ хранятся четыре платка *шальчик*, привезенные в 1998–2012 гг. из экспедиций в Приазовье и Буджак. Хронологически почти все они относятся к первой половине XX в. У всех есть шелковая обшивка, старательно выполненная в домашних условиях. Но каждый из платков имеет разную окраску, что свидетельствует об относительной свободе выбора цветовой гаммы для женских головных платков в течение XX в. Именно этот факт может подтверждать то, что *шальчик* был заимствован у других этносов, а соответственно, имел разные цветовые решения. И при заимствовании данной реалии с вариативностью цвета его полихромность не шла вразрез с имевшими место сложившимися этническими предпочтениями в плане выбора определенной цветовой гаммы для женских головных уборов.

Попытаемся рассмотреть несколько экземпляров такого традиционного платка из собрания МАЭ. Так, один *шальчик* был подарен А. К. Бурлачко в 1998 г. в с. Георгиевка (колл. № 7132-2; рис. 33). Местное албанское название *шальчи́к и му́рэ мэ тэ хо́лла рри́пэ* (shalçík i múrrë me të hólla rrípë — досл. «платок

Рис. 33. Платок *шальчик*. МАЭ. Колл. № 7132-2

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

коричневый с тонким кантом»). Это типичный зимний шерстяной платок коричневого (темно-шоколадного) цвета для повседневной носки. Размеры платка: 100×110 см (без бахромы), длина обшивки с бахромой 10 см. Шерстяная ткань на платке покупная, фабричного производства. Такие шерстяные ткани производили многие российские и позже советские ткацкие фабрики. Их изделия были вполне доступны для крестьянского населения. Шерстяная ткань имеет прямое пересечение нитей (нити основы и утка пересекаются под углом 90º).

Платок обшит тонким кантом из домашнего шелка и имеет шелковые махры из такого же шелка. Обшивка идет по четырем сторонам платка — по всему периметру. Шелк для обшивки платка, по воспоминаниям дарителя, делали сами в домашних условиях. Данный платок был изготовлен в 1947 г. По воспоминаниям А. К. Бурлачко, ее мать сама в домашних условиях изготавливала шелковые нити. Разведение тутового шелкопряда в целом было характерно для албанцев с. Георгиевки. Данный платок был изготовлен для повседневной носки. Выходные и праздничные зимние платки украшали плетением в несколько раз шире, чем на представленном экземпляре, и очень длинной бахромой.

Местное албанское название бахромы — *фэ́ка* (thék|ë, -a), плетения — *тэ мпле́ксур* (të mpléksur), оторочки — *рри́пэ* (rríрë).

Платок некоторое время носили, а затем он хранился в доме у информантки среди домашних вещей.

В коллекции МАЭ хранится и другой похожий платок, привезенный из экспедиции 1998 г. в Приазовье (колл. № 7132-3; рис. 32). Этот платок размером 103×105 см (без бахромы, длина бахромы 12 см) был подарен жительницей с. Георгиевка, украинкой по национальности. Ей, продавщице сельского магазина, он достался от соседской бабушки-албанки. Хранился в сундуке в кладовой как совсем не ценная вещь. Даритель с большой охотой передал данный платок в коллекцию Кунсткамеры. Интересно, что даритель ошибочно называл платок *чомбер* (что является общим названием платка у албанцев Приазовья). Однако важно, что эта молодая женщина-украинка четко ассоциировала этот элемент костюма с албанской традицией. И важнейшим дифференцирующим признаком в этом соотнесении выступали шелковые обшивки — излюбленный способ украшения женских зимних платков у албанцев (рис. 34).

Платок обшит тонким кантом из шелка и имеет длинные махры. Цвет платка светло-коричневый — в отличие от предыдущего темно-шоколадного (колл. № 7132-2). Но его название на албанском говоре будет таким же, как и у предыдущего: *шальчи́к и му́рэ мэ тэ хо́лла рри́пэ* (shalçík i múrrë me të hólla rríрë — досл. «платок коричневый с тонким кантом»).

Шерстяная ткань на платке покупная, фабричного производства. О происхождении шелка на бахроме платка ничего не известно. Также неизвестно о том, кто сшил и украсил этот платок. По аналогии с предыдущим экземпляром, мы можем с большой долей уверенности предположить, что *шальчик* был изготовлен после 1945 г. Шерстяная ткань аналогична ткани предыдущего экземпляра. А шелковые нити, по прядению более толстые, являются продуктом домашнего шелкового производства. Здесь стоит отметить, что у албанцев ценилась более тонкая работа. Следовательно, предыдущий экземпляр более импонировал албанцам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис 34. Платок *шальчик*, нагрудное украшение с крестом, *врахам*, *фарта*. МАЭ. Колл. № 7132-3, 11, 7, 6

Наряду с указанными образцами *шальчик*а в МАЭ представлен и достаточно редкий экземпляр бордового цвета (колл. б/н)[16]. Для традиционных женских головных уборов албанцев Украины этот цвет был весьма редким. Многие информанты не могут припомнить, чтобы кто-нибудь из их круга носил такой головной платок. Вместе с тем европейские фонды МАЭ могут гордиться таким экземпляром, полученным в дар в одной из экспедиций последних лет в Приазовье.

[16] Колл. б/н — означает, что коллекция не прошла все стадии оформления в основной фонд Музея через Экспертную фондово-закупочную комиссию МАЭ РАН.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Бытовали в албанской среде и *шальчик*и зеленого цвета (как правило, это был насыщенный зеленый цвет). Светлые зимние платки не носили. В рассказах информантов практически нет упоминаний о черных платках — если только речь не идет о головных уборах вдов. Однако и в этом случае чаще всего носили темно-коричневые шерстяные платки (и это существенно отличало кодекс траурной одежды у албанцев Украины от албанцев Балканского полуострова). Тем не менее один черный *шальчик* из шерстяной домотканины представлен в сельском музее Георгиевки [АМАЭ: Новик 2009В: 92]. Размеры платка: 103×103 см. Все стороны изделия подрублены. По краям платок обшит черной шелковой бахромой длиной 11 см. Возможно, данный артефакт — «культурный рефлекс» предпочтения черного цвета в праздничной одежде албанцами Приазовья, имевшего место, по воспоминаниям старожилов и согласно старым фотографиям, на рубеже XIX–XX вв.

Другой важный тип женского головного платка у албанцев Украины — *боры́с* (borîs). Это головной платок из тонкой шерстяной ткани, обшитый шелковыми нитями. *Борыс* имеет четырехугольную форму, обычный размер около 1×1 м. Долгое время (до первой половины XX в.) ткань для таких платков изготавливали в домашнем хозяйстве. Затем чаще стали покупать готовые тонкие шерстяные ткани, а впоследствии кроить из них платки и обшивать их шелком домашней выработки.

Судя по всему, подобные платки из тонкой шерсти вошли в употребление среди албанок либо в Болгарии, либо в Буджаке (уже после переселения). В пользу этого факта говорит климатический фактор. Отсутствие необходимости в теплых платках на значительной территории запада Балканского полуострова обеспечивало неизменное бытование традиционных головных уборов из легких тканей. Переезд в места, где были непредсказуемые и холодные зимы, обусловил видоизменение комплекса традиционного костюма, стремление приспособить его, как мы уже отмечали, к природным условиям местности.

Главное, что осталось неизменным, — наличие платка. И в этом сохранении важно учитывать не только действие традиций, но и влияние окружающего населения. Так, арбреши Италии, оказавшиеся вне территории основного албаноязычного ареала начиная с XV в., то есть в период, в который приблизительно переселились с запада Балкан и предки нынешних албанцев Украины, утратили многое из костюма, имевшего распространение еще во время их пребывания на Балканском полуострове. Так, традиционный головной убор арбрешских женщин практически вышел из употребления к XIX в. под влиянием итальянского костюма — головной убор невесты здесь был сведен к минимальной замене *ке́за* [Bellusci, D'Agostino 2006, I: 170], лишь прикрывающей пучок волос на макушке[17] [Gjergji 1988: 39; Новик 2010: 60; 2011а: 143–147; АМАЭ: Новик 2009а: 24–25; 2009б: 8–10]. У албанцев Украины женские головные платки сохранили бытование практически до наших дней. И не в последнюю очередь это результат того, что болгары и гагаузы, живущие по соседству с момента переселения, сохраняли в своем костюме такой важный элемент, как головной платок.

[17] Данный факт отражает влияние иноэтничного окружения в самых различных сферах, в том числе и в такой консервативной прежде области, как костюм.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Цветовая гамма платков типа *борыс* была относительно пестрой: наиболее часто встречались зеленые, коричневые, бежевые. Редко шили бардовые. Как правило, *борыс*ы были однотонными. Пестрые и цветастые шерстяные платки считались «русскими», их неохотно носили албанские женщины.

В наши дни во многих домах хранятся бабушкины *борыс*ы. Некоторые пожилые женщины до сих пор носят в холодное время года (в межсезонье — весной и осенью) старинные *борыс*ы. Здесь важно подчеркнуть, что из всего комплекса традиционной одежды именно платки *борыс* и *шальчик* сохраняют свое бытование. И этот факт воспринимается носителями культуры как приверженность традиционной культуре. При этом данные уборы не смотрятся и не воспринимаются как некий «фольклорный», матрешечный наряд. Они вполне органично входят в новую культурную реальность.

В течение XX в. в комплекс традиционной одежды входили головные уборы, заимствованные из городской культуры под влиянием фактора престижа. Значительными подобные инновации были вследствие появления новых фабричных тканей (рис. 35). Особенно часто такие заимствования происходили

Рис. 35. Албанка в головном платке с полихромным рисунком, повязанном традиционным способом. С. Георгиевка, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

после Великой Отечественной войны. Платки, которые входили в бытовую культуру албанцев под влиянием городской культуры, называли, как правило, теми же словами, которые существовали в говоре для обозначения традиционных платков. Так, общим словом, обозначающим платок в говоре албанцев Приазовья, осталась лексема çomber.

Однако в целом фиксируется определенная путаница названий различных женских головных платков. Так, к примеру, когда на полках городских магазинов появился штапель, албанки стали его покупать и шить из него легкие платки на лето. А название такие платки получили *шальчик* — то есть по названию традиционного теплого платка из шерстяной ткани [АМАЭ: Новик 2009: 32–33]. В дальнейшем многие албанцы, в основном младшего поколения, стали путать названия платков из теплых и легких тканей. А появление новых реалий внесло еще большую терминологическую путаницу. Такая ситуация характерна для островных говоров, и зафиксировать и осмыслить лексику из сферы костюма было одной из задач полевой работы 1998–2013 гг.

Важная черта головных платков албанцев Украины — отсутствие на них вышивок. На такую особенность обращают внимание и сами информанты. Скажем, в соседних болгарских селах для традиционного женского платка была характерна вышивка. Обычно болгарки вышивали цветы в углу, который оставался виден окружающим при ношении. Такая вышивка не была плотной. Обычно она представляла собой вышитый орнамент из букета цветов или даже одного цветка. Тем не менее по наличию такой вышивки местные жители, например на службе в храме или на ярмарке, могли определить, из какого села та или иная женщина — из албанского или болгарского.

Подытоживая анализ женских головных платков, характерных для традиционного костюма албанцев Украины, необходимо сделать определенные выводы.

Основными типами головных платков были следующие:

а) хлопчатобумажный платок с рисунком *чомбер*;

б) платок из тонкой шерстяной ткани *борыс*;

в) теплый шерстяной платок *шальчик*.

Платок *чомбер* являлся самым нарядным из всего ряда головных уборов. Именно *чомбер* старались приобрести к свадьбе, Пасхе, другим важнейшим семейным торжествам и религиозным праздникам. *Чомбер* был прекрасным подарком, ценным имуществом не только женщины, но и семьи. Сохранившиеся до наших дней старые образцы *чомбер*ов (не ранее конца XIX в.) демонстрируют разнообразие видов расцветки, набойки рисунков, узоров и т.д. Уже с XIX столетия *чомбер*ы в основном покупались у городских торговцев, предлагавших большой выбор изделий различных мануфактур (главным образом отечественного производства). Однако немалое количество дорогих платков, бытовавших в албанской среде, было привезено из паломничества к святым местам (Иерусалим и др.) [АМАЭ: Новик 1998, I: 42]. Эти головные уборы были главным образом турецкого и арабского производства. И такие изделия имели высокий уровень престижа в селах албанцев Буджака и Приазовья. Такие платки бережно носили, хранили и передавали по наследству.

Важная особенность албанских *чомбер*ов — их украшение кружевом. Как правило, кружево пришивали по особому образцу — по трем сторонам и у угла.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Также в качестве дополнительного украшения использовали бисер, которым расшивали кружево и иногда поле платка. У других народов и этнических групп Юго-Восточной Украины также фиксируются похожие платки — фабричного производства, с набивным, как правило, рисунком. Однако ни греки Приазовья, ни другие народы так не украшали покупные платки [АМАЭ: Новик 2009в: 30].

В некоторых районах у албанцев Балканского полуострова набивные хлопчатобумажные платки также получили распространение с XIX в. Однако практически нигде (по крайней мере до середины XX столетия) они не смогли полностью вытеснить традиционные головные уборы. Покупные платки носились как повседневные головные уборы, а место и роль праздничных и ритуальных головных платков сохранялась за традиционными элементами костюма — выполненными по старым образцам на домашних ткацких станках или купленных у городских ремесленников, которые делали их по старинке из поколения в поколение.

Головной убор сохранял функцию яркого маркера этнической принадлежности на Балканах практически до конца XX в., а в некоторых местах сохраняет ее до сих пор (главным образом в местах компактного проживания представителей различных этносов и групп, например в Косово) [Stublla 2007]. У албанцев Украины эта важная функция женских головных уборов также долго сохранялась (рис. 36). Однако этнодифференцирующая функция принадлежала скорее не самому головному убору, а его украшениям, что в сознании носителей культуры зачастую отождествлялось.

Рис. 36. Намогильный памятник с изображением албанки (1906–1989?) в головном платке. С. Георгиевка, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Нижнего белья албанцы Украины до середины XX в. не носили (такая ситуация наблюдалась и у проживающих по соседству этносов и этнических групп). Как отмечают старожилы, белье стало появляться после Второй мировой войны, уже в 1950-е годы. Вначале женское нижнее белье освоила молодежь, в большей степени следившая за городскими новинками. Старухи и женщины среднего возраста под нижней сорочкой ничего не носили.

Распространенный сюжет воспоминаний на данную тему следующий. Когда у девушки или женщины бывали месячные, это не было поводом отложить поход, скажем, на сельский праздник, танцы. Случалось, что иногда во время танцев капала кровь. Ее старались по ходу присыпать ногой «пылякой» — землей, на которой обычно и танцевали во время празднеств. Окружающие это видели, но особо не удивлялись и не обращали внимания [АМАЭ: Новик 2009в: 25]. Сами «виновницы» также особо не видели в этом ничего неприличного — таково было общественное сознание в условиях отсутствия конкретных реалий одежды. Противопоставление «стыдно/нестыдно» не работало в ситуации, когда так было принято всеми и не были известны способы иного поведения.

Такое же отношение к нижнему белью (его наличию либо отсутствию) было характерно и для сельской местности соседних областей, союзных республик.

Интересная быличка была записана после проведения экспедиции в Приазовье в 2009 г. у белорусов (Республика Беларусь).

Деревенские хлопцы, зная, что вечером предстоят танцы, решили подшутить над девками. Хлопцы знали, что в бедной деревне девки трусов не носили. Желая подшутить, во дворе дома, в котором собирались устраиваться танцы, хлопцы рассыпали на земле с песком молотый красный перец. Вечером все пришли на танцы. Танцующие выбивали на земле кренделя, устроили сильную пыль. Вместе с клубами пыли в воздух поднялся и перчик. Девки в клубах пыли с перцем вынуждены были чесать интимные места — под гогот собравшихся хлопцев. Спасаясь от позора, все девки с криками сбежали с танцев [АМАЭ: Новик 2009в: 87].

Эти воспоминания о колхозной жизни 1950-х годов говорят больше, чем многие тома статистических отчетов, причем не только о традиционном костюме, но и о сельских нравах и шутках.

С 1960–1970-х годов в быт албанцев массово стало входить покупное женское нижнее белье (и отнюдь не только по причине возможного раздражения слизистой оболочки на сельских вечерах). Его покупали в городах, на ярмарках; белье стали завозить в сельские магазины. Новая культура быта диктовала свои реалии, меняла сложившиеся стереотипы и казавшиеся неизменными привычки. Тем не менее многие пожилые албанки так и не приняли нововведения — они оставались приверженцами бабушкиных правил, признававших лишь одно нижнее одеяние — длинную рубаху.

Однако с течением времени ситуация с бытованием нижнего белья коренным образом изменилась. С 1980-х годов даже старухи в большинстве своем стали носить нижнее белье. Правда, и здесь не обошлось без традиционного взгляда на любую инновацию. До нашего времени большинство пожилых женщин носит трусы швом наизнанку — от сглаза. Считается, что носить белье таким образом — верная защита от самого страшного, что может произойти [АМАЭ: Новик 2009в: 25].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Тема женского нижнего белья в истории бытовой культуры имеет свою специфику и достаточно сложна. У албанцев на западе Балканского полуострова таких реалий в сельской местности просто не было — нижние юбки и длинные сорочки заменяли собой и нижнее белье. В период проживания предков нынешних албанцев Буджака и Приазовья в Болгарии у местного сельского населения таких реалий также не было. Во время переселения в пределы Российской империи албанцы столкнулись со множеством реалий, которые дотоле им были неизвестны. Но следует сказать, что нижнее женское белье в их число не входило: русские и украинские крестьянки такой роскоши, как нижнее белье, не знали. В то же время распространявшаяся городская культура, с ее излишествами и дороговизной новинок и нововведений, была основной массе колонистов недоступна в материальном плане. А если они могли позволить себе купить что-либо, так это должно было быть доступно для взоров окружающих. Крестьянину даже не приходило в голову тратить деньги на интимные предметы, о которых никто, кроме самых близких членов семьи, и не догадался бы. Поэтому инновация в виде женского нижнего белья коснулась традиционного костюма достаточно поздно, лишь во второй половине XX в.

Проводя параллели с костюмом соседних этносов, можно привести пример белорусов, у которых еще в XVIII в. у городских жительниц, а также крестьянок (!) бытовали нижние короткие штаны с разрезом по заднему шву — прототип современных трусов. Такие же исподние штаны бытовали и в немецких землях [Мыльников и др. 2009; 2010][18]. Этот элемент, скорее всего, мог быть распространен от немецких земель, через Польшу, до восточных славян, в частности белорусов. Однако вхождение белорусских земель в состав Российской империи на протяжении XVIII в. привело к затуханию бытования данного элемента в белорусской среде. Упадок экономики, человеческие жертвы и другой тип бытовых стандартов и культурных стереотипов, установившийся с властью новой царской администрации, не пощадил, среди прочего, и этот элемент европейской одежды.

У украинцев и русских подобный элемент нижнего белья в прошлом не прослеживается. Белорусских переселенцев на юге Украины было относительно мало. Поэтому предположить, что такие штаны могли бытовать в албанской среде, мы не можем. Однако, как показывают факты из истории костюма, эволюция элементов одежды шла трудным путем, и отнюдь не по прямой. Поэтому исключать вхождение определенных инноваций, а затем их затухание мы не можем.

Бюстгальтеры вошли в женский гардероб албанцев Украины еще позднее, с 1960-х годов. Их бытование также было обусловлено влиянием городской культуры. До этого времени женский костюм не знал данной детали — ни во время проживания в Буджаке, ни после переселения части албанского населения в Приазовье. По всем косвенным фактам, такой детали не было и у данного населения во время проживания в Болгарии.

Что касается непосредственно албанских земель на западе Балкан, генетически родственный элемент костюма в женском гардеробе присутствовал. Так,

[18] Что было зафиксировано также и Первой Российско-германской этнологической экспедицией в Северную Германию 2000 г. В сундуках местных крестьян до сих пор хранятся такие нижние штаны, которые воспринимаются носителями культуры как яркий символ немецких традиций в культуре одежды.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

на севере Албании, в областях вокруг г. Шкодры, еще со времен Средневековья сохранилась короткая безрукавка из льняной, конопляной либо хлопковой ткани, которая выполняла функции бюстгальтера. Такую безрукавку надевали поверх рубахи *кэмиша* (këmish|ë, -a), однако ее основная функция была такой же, как у бюстгальтера, — поддержание груди и придание женской фигуре привлекательности. Данный элемент костюма сохранился в традиционной одежде северных *краин* Албании до наших дней[19].

Однако на юге Албании, в области г. Корчи, мы не прослеживаем подобных элементов. Вполне резонно предположить, что, будь такой элемент в традиционном костюме данного региона, он бы не вышел из употребления (его сохранение на севере страны подтверждает такую живучесть). То, что и в плане костюма албанцы Украины скорее близки к жителям юга, Тоскерии, служит аргументом в пользу их происхождения из области Корчи и ближайшей округи (подтверждение гипотезы, базирующейся на лингвистическом материале).

Однако здесь следует учитывать и фактор времени. Практически все элементы костюма албанцев Украины имеют болгарское происхождение. За три столетия проживания среди болгар все аутентичное этническое из одежды (а оно, безусловно, было привезено в новые места поселения) было забыто и вышло из употребления. И на смену традиционному албанскому пришло традиционное болгарское, которое стало восприниматься как свое. В ситуации возникновения инноваций что-то видоизменялось, а что-то безвозвратно выходило из бытования. Тем не менее отсутствие преемственности костюма албанцев Украины с костюмом севера Албании — такой же неоспоримый факт, как и отсутствие видимых параллелей с костюмом юга страны (за исключением его отдельных типов, например в *краин*е Колёнья) (рис. 37, 38).

Непременным элементом костюма были носки *чора́п*ы (алб. диал., алб. *çorapë*, -t < тур. яз.). Традиционно носки вязали из шерстяных ниток домашнего изготовления (рис. 39). Шерсть была овечьей. Для вязания использовались нити разных цветов. Полихромности пряжи добивались использованием всевозможных красителей, главным образом получаемых из подручных материалов.

Анилиновые красители появились относительно поздно, в XIX столетии. Но они не сразу вытеснили природные органические краски. Практически до середины XX в. домашнюю шерсть красили в основном подручными средствами — корой грецкого ореха, листьями айвы и т.д.

Албанцы предпочитали полихромные орнаменты на носках. Это сближает данный элемент костюма албанцев Украины и албанцев Балканского полуострова. Более того, для реалии используется одно и то же слово — *çorapë*, имеющее турецкое происхождение. Однако сомнительно, чтобы албанцы Украины сохранили его с момента переселения из албанских земель. Несмотря на то что лексические заимствования, обозначающие различные элементы одежды и материалы для ее производства, из турецкого языка в албанский были

[19] Повседневное бытование традиционной одежды с безрукавкой, поддерживающей грудь, было зафиксировано автором во время экспедиций в Албанию в 1994, 1996, 2009 гг. [АМАЭ: Новик 2009д].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 37. Традиционная женская одежда Колёньи. Частная коллекция Бюлюре Яшари (Bylyre Jashari), албанки, 1955 г.р. С. Тачи-центр (Taçi Qendër), *краина* Колёнья, Албания. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 38. Бюлюре Яшари, албанка, 1955 г.р., в традиционной одежде.
С. Тачи-центр (Taçi Qendër), *краина* Колёнья, Албания. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 39. Клубок шерстяных нитей, веретено и пучок шерсти на фоне шерстяного носка и шерстяной тканой салфетки. В доме участницы фольклорного коллектива и активистки развития «зеленого туризма». С. Гаммовка, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото автора

одними из первых [Çabej 1961, 1, 2; 1977][20], данная лексема вряд ли успела проникнуть в крестьянскую среду за столь короткое время (если принять во внимание факт исхода части албанского населения в XVI–XVII вв.). И самое главное — новые слова, заимствовавшиеся в албанский язык, означали новые реалии, приходившие в быт. Весьма редки были случаи, когда заимствовались слова, начинавшие обозначать уже существовавшие прежде предметы и элементы костюма (так, к примеру, произошло со словом *coh|ë*, -a, обозначающим «сукно»[21]) [Çabej 1977].

[20] С установлением османского правления среди первых инноваций культурного облика можно назвать костюмы и моду, пришедшие из новой метрополии и получившие быстрое распространение вследствие высокого престижа Стамбула и других турецких центров для новых подданных империи. Такое почти триумфальное проникновение одежд, мод и суждений в референтные группы албанских городов и сельских поселений могло не в малой степени объясняться и тем фактом, что долгое время таким центром, из которого заимствовались все новейшие модные тенденции в одежде, была Венецианская республика. Она, в свою очередь, как известно, немало заимствовала с Востока, в первую очередь у турецких мастеров-ткачей и портных, создав уникальный синтез европейско-ориентального стиля и эстетики, основанного на персидско-арабско-турецких, итальянских, балканских и византийских достижениях.

[21] Понятно, что сукно как реалия существовало в албанских землях задолго до османского вторжения — и этому имеется ряд исторических свидетельств, подтверждающих массовое производство суконных тканей в землях албанцев с XIII в. (то есть со времени первых письменных свидетельств о тканях в албанских землях). Однако турецкое слово “coha” стало одним из первых турецких заимствований в албанском языке. Возможно, на это повлияло два фактора. Во-первых, турецкие ткани были престижными и дорогими, так как происходили из главных центров метрополии. А поэтому торговцам было выгодно называть даже домашние сукна новым «модным»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Вязаные носки не были, скорее всего, непосредственно заимствованы у турок. Албанские крестьяне изготавливали покрытия для ног с незапамятных времен. Природные условия здесь такие, что ходить босиком, как, скажем, это делали русские, украинские или белорусские крестьяне, жившие в основном в ландшафте с мягкими почвами, в Албании в условиях гористой изрезанной местности, с ее острыми камнями и скальными отложениями, буйной южной растительностью, изобилующей колючками и шипами, было совершенно невозможно. Поэтому еще археологические памятники, относящиеся к иллирийской эпохе, фиксируют обувь местных жителей и текстильные обмотки для ног [Florescu 1959; Gjergji 1988: 229–230]. Последующие века дают богатый иконографический и фактический материал, свидетельствующий о бытовании шитых и вязаных носков в албанских землях. Вхождение Албании в Османскую империю принесло важные инновации в плане костюма. И среди них были *чорап*ы — яркие вязаные носки из цветной шерсти. Однако утверждать, что этот тип носков имел турецкие корни, мы не можем. Вероятнее всего, это были носки, распространенные у народов Балканского полуострова задолго до включения обширнейших областей в состав Османской империи. Данный элемент в традиции производства и орнаментации у каждого этноса имел свои особенности, при этом скорее всего происходил обмен опытом как в плане технологий, так и в части украшения. По-видимому, существовал некий архетип, сложившийся на базе региональных вариантов и особенностей изготовления. А турецкий тип *чорап*ов сложился вследствие соединения ряда этнических особенностей данного элемента на широких пространствах Балкан и Малой Азии. Возникнув как некое унифицированное явление на базе региональных типов, турецкие *чорап*ы стали отражением надрегионального и надэтнического вариантов важнейшего элемента одежды. Связанный своим происхождением с местным балканским и малоазийским прототипами, турецкий *чорап*, пройдя сложнейшие этапы эволюции, стал образцом для подражания и копирования в тех же областях, в которых некогда он черпал формы, технологические решения, цветовые средства и вдохновение.

В пользу высказанной гипотезы говорит и тот факт, что похожие *чорап*ы мы до нашего времени можем наблюдать у албанцев, черногорцев, сербов, македонцев, болгар, цыган и других народов Балканского полуострова. Одинаково сложно объяснять этот факт прямым заимствованием — *чорап*ы везде органично вошли в традиционный костюм. Они заняли не пустовавшую нишу (только этим и можно объяснить данный факт). Но и отрицать роль турецкого влияния тоже сложно. *Чорап*ы в их региональном исполнении отличает лишь цветовое решение — набор узоров, состав декоративных решений и т.п. [Shkurti et al. 2004]. Явно все эти региональные образцы отталкивались от какого-то престижного прототипа, влиявшего на их исполнение.

В таких условиях видится вполне убедительным предположение, что предки современных албанцев Украины при переселении в Восточную Болгарию уже имели нечто похожее на нынешние *чорап*ы. За годы проживания в Болгарии ал-

словом, обозначавшим прежде всего ткани из Стамбула и других турецких городов. Во-вторых, турецкие сукна имели определенные преимущества в качестве и выработке, а потому это могло повлиять на технологии в самих албанских землях. Следовательно, ткани, производимые по усовершенствованной технологии либо выдаваемые за таковые, называли уже новым турецким словом.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

банцы либо заимствовали у своих новых соседей (болгар и гагаузов) тип *чорап*ов, распространившихся здесь под османским влиянием, либо видоизменили свои под влиянием престижных османских образцов. В любом случае *чорап*ы были известны албанцам во время их пребывания в Болгарии. Скорее всего, турецкое название закрепилось за балканской реалией во время проживания на востоке Болгарии. И затем, по всей видимости, эта реалия вместе с турецким названием была привезена албанцами в Буджак, а затем и в Приазовье.

По всей видимости, турецкое название лишь отражает синкретизм данного элемента костюма. *Чорап*ы бытуют в албанской, болгарской, гагаузской среде. Этнические особенности готовых изделий могут быть прослежены по выбору узоров и цветовой гамме, которые остаются неизменными на протяжении длительного времени (при условии вязания традиционных носков, а не современных образцов рукоделия).

В технологическом плане *чорап*ы создавались следующим образом. Их вязали на пяти спицах [АМАЭ: Новик 2009в: 36]. Албанцы считают, что у них своя техника вязания пятки — и по ней можно отличить албанские *чорап*ы от носков других этносов [АМАЭ: Новик 2009в: 36]. В большей степени это касается отличительной особенности *чорап*ов албанцев, болгар и гагаузов в противопоставлении носкам их соседей — русских и украинцев. Носки на левую и правую ноги у албанцев не отличались — вязали их одинаково.

Умение вязать высоко ценилось в среде албанцев. Любая хозяйка обязана была быть умелой рукодельницей. *Чорап*ы становились непременным подарком к свадьбе — невеста должна была подарить их будущему жениху. Поэтому мастерство оттачивалось в вязании как женских *чорап*ов, так и мужских.

Вязаные *чорап*ы оставались непременным атрибутом женской одежды до середины XX в. После этого вязаные дома носки уступили место фабричной продукции, ставшей доступной широким массам населения. Традиционные формы и расцветки также стали быстро вытесняться новыми моделями, входившими в быт под натиском городской моды. Так, с 1950-х годов получили распространение носки, которые вязали уже по образцам, изображенным в советских журналах, как из шерстяной пряжи, так и из искусственных и смесовых нитей, крашенных, как правило, анилиновыми красителями. Такие модели быстро становились популярными. А старые традиционные *чорап*ы молодежь носить уже не хотела, она считала престижными новые промышленные изделия, выпускаемые фабриками и продающиеся в городских (а позже и сельских) магазинах, а не рукодельные «слепки» бабушкиной моды.

Немалую роль в выходе традиционных *чорап*ов из широкого бытования сыграл и факт затухания овцеводства у албанцев Украины. Если в Буджаке содержание овец сохраняется до сих пор как одно из важных занятий населения, то в Приазовье на протяжении XX в. овцеводство полностью исчезло даже из частных подворий (рис. 40). Как объясняют местные жители, новый климат XX столетия оказался неподходящим для выпаса мелкого рогатого скота.

К сожалению, образцов старых *чорап*ов, бытовавших в албанской среде, практически не осталось. Этот элемент костюма подвержен быстрому износу. В то же время *чорап*ы никогда не ценили столь высоко, как, скажем, верхнюю одежду. А потому образцы старинного рукоделия остались в редких семьях как раритет. Нет старых образцов *чорап*ов и в музеях, как отечественных, так и украинских.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

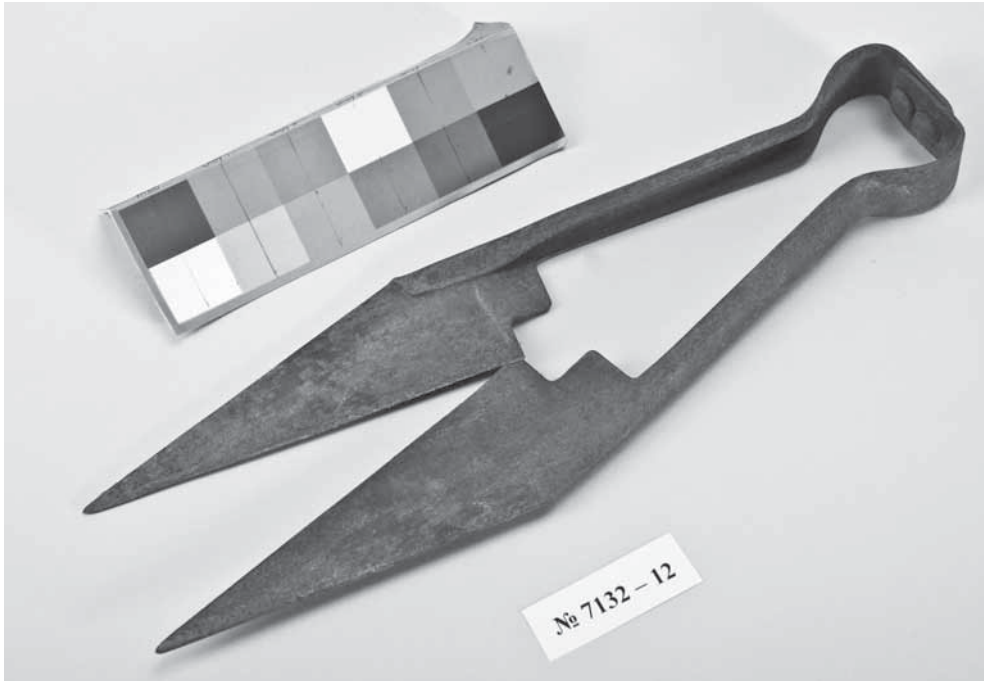

Рис. 40. Ножницы для стрижки овец. МАЭ. Колл. № 7132-12

Здесь приходится с горечью констатировать, что мы являемся очевидцами утраты данной традиции в албанской среде Буджака и Приазовья. Эта ситуация кардинально отличается от албанских земель на западе Балкан. Там традиционный костюм сохранял свое бытование более долгий период времени. Следовательно, *чорап*ы никогда не выходили из гардероба как мужчин, так и женщин и продолжали оставаться актуальным элементом костюма. Также данный вид рукоделия там не только сохранился, но и получил новый импульс развития под влиянием роста туризма последних 20 лет. *Чорап*ы, как женские, так и мужские, являются ярким сувениром, который с удовольствием покупают приезжие гости. На удовлетворение спроса работает целая индустрия рукоделия, которая старается поспеть за взыскательными покупателями. Лучшее удовлетворение спроса — предложение старинных вариантов форм и расцветок, которые в каждой *краин*е Албании имеют свои особенности. Новый спрос обусловил возрождение старого мастерства. Многие рукодельницы повторяют узоры и комбинации цветов, которые были на старых образцах (при этом чем старше возраст носков, тем они больше ценятся в плане традиционности и ***правильности***)[22]. Зональное многообразие гарантирует широкий ассортимент продаваемых изделий.

Однако сохранение производства *чорап*ов в Албании, Косово и Западной Македонии (где преобладает албанское население) нельзя рассматривать толь-

[22] В собрании МАЭ хранится несколько пар *чорап*ов из Албании, созданных в последние годы и пополнивших музейные фонды в 2008 г. (колл. № 7375-8/1, 2; № 7375-15/1, 2). Данные носки связаны из овечьей шерсти с использованием небольшого количества искусственных волокон (что стало обычным делом в последние годы). Форма и расцветка экспонатов фондов повторяют старые албанские образцы, характерные для *краин*ы Задрима и района г. Берата.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ко через призму развития туризма или сохранения традиционной одежды (в некоторых областях до наших дней). *Чорап*ы являются очень яркой маркой этнической принадлежности в полиэтничном регионе. Поэтому многие албанцы продолжают носить этот элемент, обладающий ярким этнодифференцирующим признаком в одежде.

Еще один важный фактор сохранения *чорап*ов на Балканах — это природно-климатические условия. В летний период, когда жарко и сухо, *чорап*ы теперь практически не носят, как бывало прежде, до 1970-х годов. Зато в зимний период в домах, которые имеют каменные или кафельные полы и в которых не предусмотрено центральное отопление, теплые носки из овечьей шерсти являются важной составляющей тепла, уюта и комфорта. Традиционные *чорап*ы сохраняют свое значение и в наши дни, и мы можем прогнозировать их новую жизнь в условиях уже XXI в.

Одним из типов женской обуви у албанцев Украины были *калцунка* (kallcunka), в русифицированном виде их также называли *кальцунки*. Эта обувь бытовала в середине XX в., главным образом в 1940–1960-е годы годы [АМАЭ: Новик 2009в: 37]. *Калцунка* представляли собой сшитую из белой ткани обувь, которая имела исключительно простой крой. Вначале из куска ткани выкраивали подошву, затем к ней пришивали верх из такой же ткани. Этот верх на албанском говоре также назывался *калцунка*. Верх к подошве пришивали крупными стежками, особо не заботясь о качестве. Обувь предназначалась для разового использования. После Великой Отечественной войны чрезвычайно модной была белая обувь. А возможности ее покупки были сильно ограничены. Поэтому в сельской местности получило распространение шитье самодельной белой обуви из обычной ткани. Понятно, что такая обувь предназначалась для праздничных мероприятий. Главным образом в ней ходили на сельские танцы. После вечера плясок *калцунка*, запылившиеся и изношенные, выбрасывали. К новому мероприятию полагалось сшить новую одноразовую обувь. Носить запыленные, пусть даже не порвавшиеся *калцунка* считалось неприличным.

С ростом благосостояния населения *калцунка* стали выходить из употребления, в 1970-е годы их уже никто не носил. Данная обувь, имевшая в первую очередь не прагматическую, а эстетическую функцию, прочно сохранилась в памяти информантов, так как была связана с праздничной культурой, к тому же время бытования такой обуви выпало на годы их молодости (речь идет об информантах 1930–1950-х гг.р.).

Ни в сундуках информантов, ни в музейных собраниях данный тип обуви не сохранился. Зато многие информанты готовы вспомнить и описать, как они шили подобные *калцунка* в молодости.

В холодное время года женский традиционный костюм дополнял *кёпта́р* (qoptar, -i) — безрукавка из меха [АМАЭ: Новик 2009в: 53]. Данный вид распашной одежды без рукавов, по всей видимости, имел балканские прототипы. На западе Балканского полуострова в костюме албанцев большинства *краин* теплым вариантом одежды наравне с другими элементами была безрукавка из меха, называвшаяся в различных частях страны по-разному. Так, на юге албанского ареала, откуда предположительно и пришли предки нынешних

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

албанцев Украины, одним из самых распространенных элементов костюма в ненастье и непогоду являлась безрукавка, сшитая мехом внутрь. Данный тип одежды бытовал, по различным сведениям, в самые отдаленные времена (по крайней мере с XV–XVI вв. мы уже обладаем достоверными источниками по данному вопросу).

На западе Балкан меховая безрукавка могла варьироваться от *краин*ы к *краин*е. В регионе фиксируются длинные, средние, короткие безрукавки. Также разнообразны способы выделки меха, решения лицевой стороны изделия, украшения и проч. Зональные особенности не всегда зависели от климатических особенностей местности — часто именно традиции накладывали существенный отпечаток[23].

Есть все основания предполагать, что безрукавка из меха была привезена албанцами в Восточную Болгарию, где, к слову сказать, подобный тип зимнего одеяния также имел бытование.

В Буджак *кёптар* был привезен албанцами вместе с другими элементами традиционного костюма, где он сохранялся по крайней мере до середины XX столетия. В Приазовье меховая женская безрукавка бытовала до последних десятилетий XX в. В с. Георгиевке *кёптар* носили в послевоенный период (1940–1950-е годы) женщины разных возрастов.

Интересно, что в Георгиевке сложились определенные правила ношения *кёптар*а. Женщина, идя в гости, в храм или за какой-нибудь надобностью из дома и надев *кёптар*, по-особому держала руки. Кодекс одежды требовал, чтобы правая рука была согнута в локте и прижата к груди. А левую руку непременно нужно было подогнуть и засунуть кисть руки подмышку. Это было правило, которое почти неукоснительно соблюдали все албанки. Среди местных данный способ ношения считался традиционным и единственно приемлемым. Манера носить определенным способом одежду считалась столь же важным этнодифференцирующим признаком, как и многие самостоятельные элементы [АМАЭ: Новик 2009в: 53].

Название данного вида меховой безрукавки qoptar (зафиксированное в с. Георгиевке) коррелирует с названием keptar (kiptar), фиксируемым в с. Гаммовке и обозначающим мужскую безрукавку из ткани [АМАЭ: Новик 2010а: 13]. Очевидно, что для носителей албанской культуры на Украине плечевая распашная одежда без рукавов имела общее родовое название — вне зависимости от материала, из которого ее шили. На Балканах, по аналогии, в большинстве албанских земель такая одежда называется *елéк* (jelek, -u). Jelek — заимствованное из турецкого языка слово, очень рано проникшее в албанский язык. Однако оно не известно албанцам Буджака и Приазовья. Этот факт наводит на мысль, что переселение части албанского населения в Восточную Болгарию произошло либо до вхождения данного заимствования в основной пласт лексики албанского языка, либо в первые века после завоевания слово "*jelek*" называло только реалию, попавшую из османского костюма в албанский, и еще не стало обозначать похожие элементы традиционной одежды

[23] Скажем, к примеру, часть переселявшегося *фис*а или целый *фис* на новых местах продолжали носить костюм, который бытовал во время их проживания в другой местности. И, допустим, при переселении из горных районов с суровыми климатическими условиями на равнину, где погодные условия были весьма благоприятными, люди долгое время продолжали носить ту же одежду, что и в горах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

албанцев. В любом случае предки албанских переселенцев не называли *елек*ом безрукавную одежду, традиционно бытовавшую в их среде.

В Буджаке и Приазовье албанки носили *кёптар*, сшитый из меха овчины. Точно такие же безрукавки из овечьего меха бытовали и на Балканах. Выделка меха зависела от мастерства изготовителя. Обычно мех обрабатывали примитивными народными средствами — известью, опилками и др. Качественный мех либо изделия из него покупали у городских ремесленников (в Болграде, Мелитополе, Приазовском). С распространением химических синтетических дубильных средств выделка меха значительно улучшилась. Овчину стали выделывать в домашнем хозяйстве с использованием специальных веществ, которые уже покупали в городских лавках и на торжищах. Это стало происходить в албанских селах приблизительно в начале XX столетия.

Кроме овчины, другой мех для шитья *кёптар*а практически не использовали. Есть сведения, что иногда в семьях, которые держали кроликов, шили безрукавку из меха этого животного (данные 1950-х годов).

Крой традиционного *кёптар*а был простым: спинку кроили из цельной шкуры овчины большого размера, передние борта безрукавки — из двух шкур меньшего размера. У приазовских албанцев от функциональной предназначенности безрукавки зависела ее длина. Так, выходной вариант *кёптар*а был коротким, до талии [АМАЭ: Новик 2009в: 53]. Такая безрукавка должна была подчеркнуть женские формы, очерченные традиционными *чукман*ом, *врахам*ом и *фарт*ой. На бытование безрукавки такой длины, помимо устоявшихся традиционных стереотипов, влияние оказывала городская мода, с ее предпочтениями определенного женского силуэта. Такой короткий *кёптар*, как правило, был самым нарядным в женском гардеробе.

Обычный *кёптар* для повседневной носки имел длину до бедер. Эта удобная одежда была призвана оберегать от холода. В гардеробе женщины могло быть несколько таких вещей — и старых, и новых.

Иногда в домах албанки носили длинный *кёптар*, который прикрывал середину бедра. Такая безрукавка хорошо защищала от холода, однако воспринималась окружающими как обычный элемент одежды для использования сугубо внутри собственного подворья. Прагматическая функция такого элемента костюма хорошо читалась, а потому коллектив не допускал проникновения данного вида теплой одежды в сферу выходной или праздничной (здесь на авансцену выходила эстетическая функция костюма).

К началу XXI столетия *кёптар* практически вышел из употребления у албанцев Украины, уступив нишу покупным фабричным вариантам элемента костюма данного типа.

К элементам традиционной одежды, сформировавшимся уже в период проживания в Буджаке и Приазовье, относится *ко́фтэ* (kofte) — вид телогрейки из тканого материала, подбитой ватой, с подкладкой [АМАЭ: Новик 2009в: 54]. На вхождение данного элемента в албанский костюм повлияла одежда русских и украинцев. На Балканах похожей одежды не носили. *Кофтэ* получила распространение в первые десятилетия XX в. Подбитая ватой из хлопчатника одежда бытовала в разных регионах Советского Союза. Она была незаменима в стужу, в ненастье, в разные моменты. Ее основным достоинством

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

была невысокая стоимость, что позволяло покупать или шить такую одежду даже малообеспеченным крестьянам.

Албанцы, заимствуя телогрейку, бытовавшую в соседних селах и городах с неалбанским населением, пытались придать ей определенный этнический колорит. *Кофтэ* шили из ткани темно-коричневого и черного цветов. Обычно использовали хлопчатобумажную ткань. Силуэт пытались подогнать по фигуре. В любом случае сшить *кофтэ* старались так, чтобы она отличалась от невзрачных телогреек фабричного производства.

В дальнейшем, в 1930–1940-е годы, массово стали носить и покупные телогрейки. После Второй мировой войны у албанских крестьян появились наличные деньги, на которые они могли совершать покупки в городах (а не производить самостоятельно практически все необходимое в домашнем хозяйстве). С этого момента фабричные телогрейки почти полностью вытесняют из костюма *кофтэ*.

Известно, что *кофтэ* до середины XX в. шили в домашних условиях. В послевоенные годы в Приазовье была предпринята попытка сева хлопчатника. Многие албанские семьи были вынуждены заниматься хлопководством и довольно быстро освоили это ремесло. Выращивание хлопчатника и обработка хлопка вошли в число трудовых навыков албанского населения. Хлопок стал активно использоваться местными женщинами в рукоделии. Некоторые из них подбивали изготавливаемые *кофтэ* выращенным на местных полях хлопком. Однако очень быстро партийные и хозяйственные власти отказались от выращивания хлопчатника в регионе (эта культура была не приспособлена к местным условиям). Вместе с прекращением сева хлопчатника ушла и традиция шитья *кофтэ* в домашних условиях.

Тем не менее *кофтэ*, равно как и телогрейка, еще долгое время (включая 1950-е годы и половину 1960-х) считалась вполне приемлемой одеждой. В телогрейках ездили в город за покупками, на базар, в магазины, различные учреждения и организации. Значительно позднее, с 1970-х годов, с ростом благосостояния телогрейка стала ассоциироваться с бедной жизнью советской довоенной и послевоенной поры [АМАЭ: Новик 2009в: 54].

Также символом советской эпохи в костюме албанцев Буджака и Приазовья являются черные резиновые сапоги. Сама реалия — резиновые сапоги — появилась в гардеробе албанцев в 1940-е годы. Это была очень удобная обувь в условиях бездорожья. (Учитывая характер почвы в степной южной Украине, можно представить, как невообразимо сложно было ходить по жидкому чернозему в распутицу).

Когда у албанцев, как и у представителей других этносов, живущих по соседству, появилась возможность покупать в торговых предприятиях резиновые сапоги, это стало событием. Сапоги позволяли ходить в любую грязь и давали ощущение защищенности и комфорта. Но главное — они были доступны многим (в отличие, скажем, от дорогой кожаной обуви).

В 1940–1950-е годы среди девушек и молодых женщин особым шиком считалось носить такую обувь, вывернув ее на манжеты [АМАЭ: Новик 2009в: 46]. При этом обнажалась подкладка сапог — белая байка. Любая модница того времени старалась щегольнуть белыми отворотами. В такой обуви было прилично пойти в гости, отправиться на праздник и даже на свадьбу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Не вышли из моды такие сапоги в сельской среде и в 1960-е годы. Всем была известна их цена — 8 руб. (после денежной реформы 1961 г.)[24]. Однако эта мода была коллективной — почти все в селах носили одинаковую обувь. А те, кто ее не имел, старались приобрести.

Почти то же происходило с галошами. В довоенное время практически никто в албаноязычных селах не носил галош. Их вхождение в комплекс одежды стало происходить в 1940–1950-е годы. Галоши, как и сапоги, преимущественно были черного цвета. Однако галоши предпочтительно было иметь с подкладкой красного цвета. «У девчат это было особенно модно» [АОЕ: Новик 2009: Бурлачко_Одежда].

Особенностью бытования галош в сельской местности было то, что их носили не поверх какой-либо другой обуви, защищая ее от влаги и грязи, а как самостоятельную обувь. Такой подход диктовался не особенностями нового прочтения давно существовавшей реалии или спецификой этнического подхода, а банальной прагматикой — у сельского населения не было денег на покупку иной обуви, кроме этой резиновой фабричного производства. Несмотря на цену, которая в 1960-е годы составляла 3 руб., галоши часто покупали — они были удобной и все же доступной обувью.

С ростом благосостояния галоши стали носить поверх другой обуви. Они перестали быть «приличными» в 1970-е годы.

Галоши, которые носили как поверх иной обуви, так и самостоятельно, прочно вошли в сознание информантов, очевидцев их чрезвычайной популярности, как яркий пример советского массового производства, разрушившего стройный кодекс традиционного костюма.

Костюм невесты 1930–1950-х годов

Самым нарядным вариантом женского костюма у албанцев Буджака и Приазовья считался костюм невесты (рис. 41). Как и другие народы, албанцы особенно тщательно подходили к изготовлению свадебного наряда.

В 1930–1950-е годы сохранялся комплекс традиционного свадебного наряда, который отражал основные элементы одежды предыдущего периода. Так, в комплекс свадебного наряда невесты входили:

1) рубаха *кэмиша*;
2) нижнее платье *чукман*;
3) платье *врахам*;
4) передник *фарта*;
5) фата из марли [АМАЭ: Новик 2009в: 40–43].

Как видим, основные элементы костюма невесты (*кэмиша*, *чукман*, *врахам*, *фарта*) полностью повторяют комплекс одежды на выход албанки Приазовья. Единственное исключение составляет фата, которая на говоре албанцев так и называлась — fatá. Данная инновация вошла в костюм албанцев Украины под влиянием городской культуры, формировавшейся в плане моды главным образом в основных городах Российского и Советского государства. Понятно,

[24] Для сравнения: размер пенсии у колхозников был в то время 8 руб. в месяц.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 41. Албанская свадьба. Кума ведет молодых в дом жениха. С. Георгиевка. 1949 г. Фото Ю. В. Ивановой. Фотоархив ИЭА РАН. № Алб-49-27

что эти процессы не протекали независимо, а шли в русле модных тенденций, охвативших весь мир.

Фата для албанцев Украины была инновацией, чтобы стать традицией, ей потребовалось время. В 1930-е годы фата являлась достаточно редким свадебным аксессуаром. Свадьбы в албаноязычных селах отмечали еще традиционно, по старинке. И наряды брачующихся и их родственников и друзей соответствовали кодексу приемлемой в традиционном обществе одежды. Однако в 1930-е годы вследствие голодомора 1932–1934 гг. албанские села Приазовья потеряли большое количество населения. В опустевшие села центральные и республиканские власти направили большое количество переселенцев (волны таких переселенцев наблюдались и в 1940-е, и в 1950-е годы). Прибывшие на новые места люди придерживались традиций не очень строго. Во-первых, в их родных селениях существовали иные установки и стереотипы о правильном, традиционном. Во-вторых, в отрыве от родных мест традиции зачастую уходят на второй план, уступая место всему новому, инновационному. Нередко это своего рода закон, если не происходит обратный процесс — консервация собственных традиций в противовес всему окружающему (данное явление скорее отмечается в сообществах, прибывающих на новые места жительства в относительном количественном большинстве — в границах населенного пункта). Небольшое число переселенцев, как правило, перенимает традиции и порядки, существующие у преобладающего по численности аборигенного населения. Нельзя забывать и о стремлении ко всему новому с низвержением и отторжением всего старого, что было характерно для всего периода советской власти.

Названные причины повлияли на вхождение в традиционную культуру не только фаты, но и многих иных элементов костюма, равно как и других культурных реалий в сфере быта и жизни человека.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Вначале фату неодобрительно приняли представители старшего поколения. Потом, под влиянием авторитета и престижа городской культуры, фата стала ассоциироваться с обязательным элементом свадебного наряда. У албанцев Приазовья фата окончательно вошла в свадебный гардероб с 1940-х годов, в послевоенный период, когда ломались многочисленные стереотипы и активно входили в жизнь инновации в разных сферах.

В первые годы фату шили из белой марли [АМАЭ: Новик 2009в: 40]. Фата у невест была длинная — до щиколоток. Поэтому на такой свадебный аксессуар требовалось около двух метров ткани. Марлю покупали в магазине — зачастую ради этого отправлялись в неблизкий город. Марлю крахмалили, а затем мастерили из нее головной убор. У албанцев Приазовья был выработан определенный стиль ношения фаты. На голове марлю укладывали жгутом в три ряда (рис. 42) и лишь затем отпускали на спину свободный конец марлевой ткани.

Фата символизировала чистоту и невинность невесты — эти интерпретации были заимствованы вместе с реалией. А вот белый цвет головного убора скорее можно назвать непрошенным гостем на чужой свадьбе. В албанской традиции существовала особая традиция в день свадьбы надевать платок бежевого или бледно-розового цвета. На местном говоре такой бежевый цвет назывался *кау́нчи* (kaúnçi) — от kaún, что значит «дыня». А бледно-розовый цвет, столь любимый в этот период, носил название *дюльдюле́й* (dyldyléj) [АМАЭ: Новик 2009в: 40].

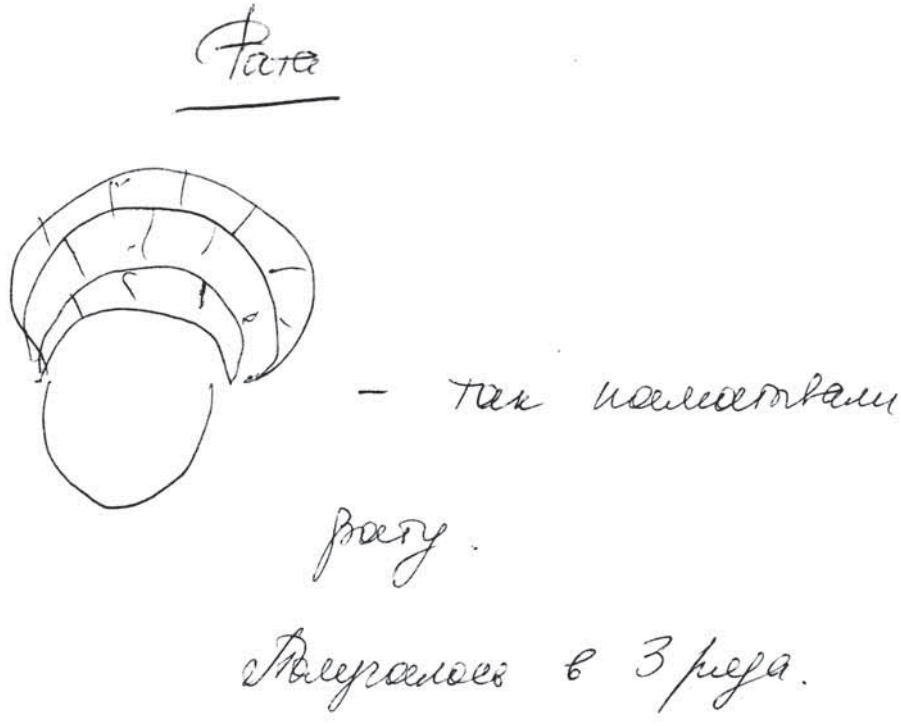

Рис. 42. Фата на голове невесты. Рисунок А. А. Новика по рассказу информанта [АМАЭ: Новик 2009в: 41]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Белая фата, заимствованная из городской культуры, в течение нескольких послевоенных лет полностью вытеснила распространенные прежде платки. Любая девушка, выходившая замуж в то время, хотела выглядеть по-современному, то есть иметь свадебную фату.

В остальном наряд невесты ничем не отличался от праздничного костюма албанок. Традиционные *кэмиша*, *чукман*, *врахам* и *фарта* могли быть сшиты из более дорогих тканей, чем обычный праздничный наряд, качество шитья могло быть выше (это значило, что элементы свадебного костюма можно было заказать у мастерицы-профессионалки, а не шить дома, как большинство другой одежды).

В конце 1940-х — начале 1950-х годов в свадебный костюм албанок Приазовья было включено венчальное платье. Если до этого времени *врахам* невесты мало отличался по покрою и декоративному решению от традиционного, то с этого хронологического рубежа стали использовать специальное венчальное платье. На албанском говоре Приазовья оно называется *тъябúн* (tjabín) (это слово, надо отметить, могут вспомнить лишь немногие носители языка)[25] [АМАЭ: Новик 2009в: 41].

Такое платье, покрой которого диктовала городская мода, не имело передней планки, имело длину до щиколотки. Платье было отрезным. От плеча до талии шло по три вертикальные складки, от линии талии до подола — также по три складки: от талии до середины бедра складки были простроченные, а ниже — непростроченные. Сзади у платья невесты также было по три складки, которые шли от талии вниз.

Воротник у платья был острый, а рукава широкие — они были фонариком вшиты в проймы, далее суживались и завершались неширокими манжетами.

На платье завязывали пояс. Обычно он был из той же ткани, что и само платье. Ширина пояса была около двух сантиметров. Его завязывали узлом спереди.

Ткань для такого платья подбирали особенно тщательно. Предпочтительны были легкие ткани. Излюбленные цвета албанских невест — бежевый (*каунчи*) и бледно-розовый (*дюльдюлей*). Здесь очевидно желание подобрать цвет и тон в одной палитре с цветом головных уборов.

Понятно, что к новому платью не требовались традиционные *кэмиша*, *чукман* и *фарта*. Невеста имела совершенно новый облик, который мало напоминал наряды невест XIX — начала XX столетий.

Не все девушки могли позволить себе купить или сшить на заказ такое свадебное платье. Поэтому многие вынуждены были брать платья напрокат. А с 1970-х годов появились современные формы проката (в том числе и частного) [АМАЭ: Новик 2009в: 43].

Мужской костюм албанцев Украины в коллекциях МАЭ

В значительно меньшей степени в собрании МАЭ представлен мужской костюм. Данный факт отражает реальную картину распространения и бытования элементов мужской одежды среди албанцев Буджака и Приазовья — муж-

[25] Данное слово и прежде у албанцев Приазовья обозначало платье, в котором девушка шла под венец. Однако с 1940–1950-х годов им стали называть платье совершенно нового, нетрадиционного покроя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ской традиционный костюм был раньше женского вытеснен городскими формами, а потому практически не сохранился до наших дней.

Комплекс мужской традиционной одежды на рубеже XIX–XX вв. состоял из рубахи из хлопчатобумажной ткани, темных шерстяных штанов, тканого пояса, оборачиваемого вокруг талии, безрукавки и верхнего распашного одеяния. Такое одеяние изготавливали внутри домашнего хозяйства либо заказывали у сельских мастеров или городских ремесленников. Обувь шили из сыромятной кожи, могли украшать вышивками из шерстяных нитей.

Мужской костюм, бытовавший в среде албанцев в период их переселения с востока Балканского полуострова в Буджак, мы можем лишь реконструировать, основываясь на рассказах информантов (которые требуют оговорок ввиду хронологической давности событий) и описаниях костюма у болгарских авторов, занимавшихся изучением традиционной одежды восточных областей Болгарии [Велева, Лепавцова 1979].

По сведениям информантов, передающих семейные предания, одежда первых албанских колонистов ничем не отличалась от одежды переселявшихся вместе с ними болгар и гагаузов. Эти сведения фиксировались еще первыми исследователями албанских поселений на Украине [Державин 1948; Иванова 1981: 95–107; Иванова 2000: 40–53], также они были записаны автором в ходе экспедиций 1998–2012 гг. у различных информантов [АМАЭ: Новик 1998; 2009в; 2009г; 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012в]. Не доверять этим рассказам носителей традиции оснований нет, так как почти три столетия предки нынешних албанцев Украины провели среди болгар и гагаузов и, как следствие, скорее всего утратили элементы костюма, которые могли быть и, скорее всего, были привезены с запада Балкан на новое место жительства на востоке полуострова.

Мужской костюм в данном случае является весьма показательным. На территории основного албаноязычного ареала мужская традиционная одежда представляла собой большое разнообразие вплоть до начала XX столетия, а в некоторых местах и до середины века. Данному факту способствовало то, что албанские мужчины, как и мужская половина соседних балканских этносов, вела более активный, по сравнению с женщинами, образ жизни. Служба в армии, *курбе́т* (kurbet, -i < *тур. яз.* — отъезд на заработки в дальние края или соседние регионы, краткосрочная или долгосрочная трудовая миграция), ведение торговых операций и занятие должностей приводили к тому, что многие мужчины проводили долгие годы среди иноэтничного либо родственного, но проживающего в отдаленных *краина*х населения. Длительное совместное проживание в такой среде приводило к многочисленным заимствованиям в сфере бытовых, хозяйственных, культурных установок и стереотипов, не в последнюю очередь это касалось костюма как одного из самых ярких маркеров социальной и этнической принадлежности. Переходя к определенному типу костюма в той или иной части Османской империи (с учетом личных предпочтений, базирующихся на этнических, локальных, групповых и индивидуальных представлениях о красивом/некрасивом, престижном/непрестижном, правильном/неправильном), мужчины, как правило, продолжали носить такой тип костюма и после возвращения в родные места — *краин*у, город, село и т.д. В дальнейшем такие образцы костюма служили примером для подражания для других мужчин, которые воспринимали их как имеющие высокую

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

степень престижности. Так складывалось разнообразие типов традиционного мужского костюма в Албании до начала XX в. [Gjergji 1988].

В женском костюме Албании, хотя и наблюдается большая вариативность костюма, типологическое различие является гораздо меньшим. Разнообразие объясняется территориальной раздробленностью страны вплоть до XX столетия и изолированностью *краин*, в которых происходила определенная консервация региональных вариантов костюма. Определенное типологическое сходство некоторых видов костюма может быть объяснено, как ни парадоксально, именно замкнутостью жизненного пространства женской части населения страны. Ведя более закрытый, по сравнению с мужчинами, образ жизни, женщины из поколения в поколения оставались привержены образцам костюмов, которые носили еще их бабушки и прабабушки. Консервативный женский костюм претерпевал инновации лишь в плане заимствования новых материалов (тканей, позумента, нитей и пр.), а также красителей и иных, в первую очередь технических, средств, что в большей степени относится к технологии изготовления костюма (см.: [Zojzi 1950]), а не к его эстетическим и знаковым показателям.

Попытка реконструкции костюма, как мужского, так и женского, который был привезен албанцами с запада Балкан в Восточную Болгарию, может быть предпринята исследователями. Однако для этого необходима четкая локализация мест проживания предков переселенцев. Приблизительно, как уже отмечалось, мы можем с большей или меньшей степенью уверенности утверждать, что предки современных албанцев Буджака и Приазовья жили в обширном регионе вокруг г. Корчи (юго-восток современной Албании). Однако для более точной локализации потребуется дополнительный анализ в первую очередь лингвистического материала (что не входит в задачи настоящего исследования). Описание говоров албанцев Буджака и Приазовья ведется силами комплексных экспедиций в последние годы (1998–2013), поэтому результаты таких изысканий станут известны лишь через определенный промежуток времени. На данном этапе мы можем лишь утверждать, что серьезных фактов, способных опровергнуть предположение, что предки нынешних албанцев Украины жили в районе Корчи, у нас нет.

Более того, для описания костюма албанцев Буджака и Приазовья, реконструкция одежды, привнесенной с запада на восток Балканского полуострова, не являлась бы самоцелью, так как известно практически достоверно, что албанский костюм был вытеснен в области Варны болгарским костюмом, и переселенцы, отправившиеся в долгий путь в пределы Российской империи в начале XIX в., независимо от этнической принадлежности носили болгарскую традиционную одежду. Так или иначе такая одежда представляет интерес для исследования, так как именно она воспринималась носителями культуры как собственная этническая (с осознанием того, что изначально она болгарская!) — и это важный парадокс символов и маркеров этнического самосознания у албанцев Украины.

На этом фоне очень важный источник по изучению костюма албанцев Буджака и Приазовья — сохраняющиеся элементы костюма. В первую очередь интерес представляют элементы костюма, которые сохраняются в Буджаке, из которого произошел отток населения в Приазовье. Собрание МАЭ позволяет

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

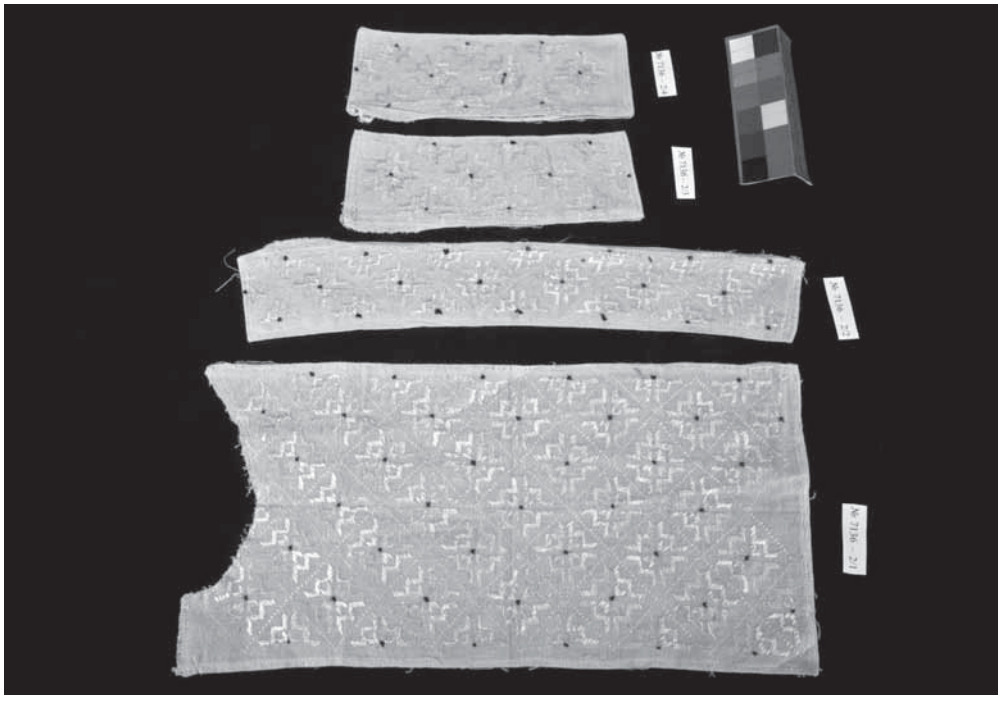

Рис. 43. Заготовки для мужской рубахи *кэмиша:* вставка на грудь, ворот, манжеты. МАЭ. Колл. № 7136-2/1, 2, 3, 4

ознакомиться с мужским костюмом благодаря хранящимся в фондах заготовкам кроя мужской рубахи (колл. № 7136-2/1–4; рис. 43). Данные предметы были привезены автором из экспедиции 1998 г. в с. Жовтневое (бывшее название — Каракурт)[26].

Заготовка, представленная на рис. 43, была подарена Анастасией Николаевной Ивановой (урожденной Терзи), 1939 г.р. [МАЭ: Опись колл. № 7136]. Заготовку для мужской рубахи делала собственноручно мать А. Н. Ивановой, Акулина Степановна Терзи (урожденная Сюпюр), албанка по этнической принадлежности. Сама Акулина Степановна и ткала, и вышивала.

Заготовка для рубахи состоит из вставки на грудь, воротника-стойки, двух манжет. Подобными деталями, как утверждают информанты и чему находятся предметные подтверждения, украшали все мужские рубахи в Каракурте еще с конца XIX в. и до 1950-х годов. Их бытование стало затухать с вхождением в костюм изделий массового фабричного производства. Рубахи, украшенные подобными вставками, считаются в Каракурте традиционными. При этом такие рубахи носили как албанцы, так и болгары и гагаузы, считая их элементом собственной этнической культуры.

Хранящиеся в собрании МАЭ заготовки деталей кроя для мужской рубахи позволяют судить о самой рубахе, которая была одним из основных непременных атрибутов мужского костюма. К сожалению, в коллекции МАЭ нет сшитой традиционной рубахи. Однако много таких рубах хранится в музее,

[26] Данная экспедиция была предпринята совместно с Ю. В. Ивановой в ноябре 1998 г. [АМАЭ: Новик 1998].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 44. Мужская рубаха. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

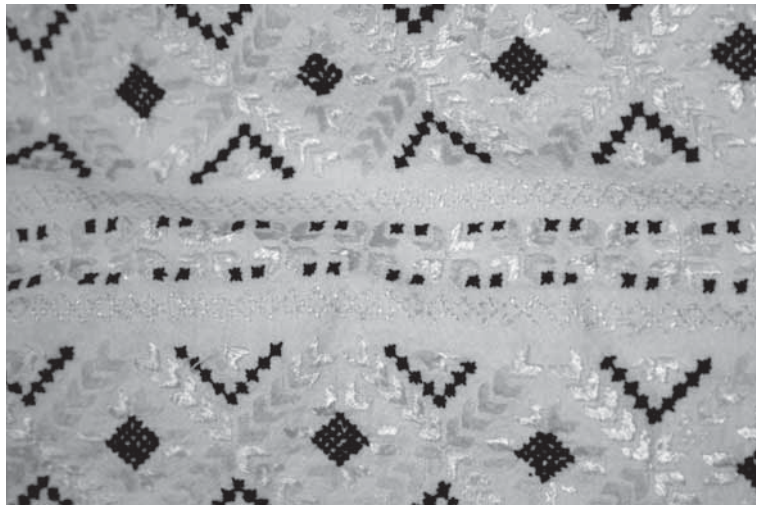

Рис. 45. Фрагмент вышивки на грудной вставке мужской рубахи. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

созданном при школе с. Жовтневое (рис. 44, 45)[27]. Традиционная, туникообразная по крою, средней длины рубаха обычно сшита из белой хлопчатобумажной домотканины. Такая рубаха имеет длинные рукава с широкими ман-

[27] Музей был создан стараниями бывшего директора школы Михаила Степановича Узуна.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 46. Манжета — заготовка для мужской рубахи *кэмиша*.
МАЭ. Колл. № 7136-2/3

жетами. Типичными деталями кроя, несущими основную эстетическую нагрузку, являются вставка на грудь, воротник-стойка и манжеты. На эти детали нанесена сплошная вышивка белой шелковой нитью с незначительными вкраплениями черной хлопчатобумажной нити (рис. 46). Орнамент имеет геометрический характер. Все, что покрывалось вышивкой, кроилось отдельно от других деталей — крой рубахи был продуман (ведь вышивать небольшие элементы легче, чем покрыть вышивкой большие, уже сшитые вещи).

По воспоминаниям информантов, рубахи такого типа долгое время надевали на свадьбу и по праздникам после Второй мировой войны. Они считались нарядными, праздничными. Это яркий пример того, как ***традиционное*** постепенно приобретало значение ***праздничного*** и ***выходного*** после выхода из повседневного бытования (если принять во внимание многократно засвидетельствованный факт, что данный тип рубахи был основным в варианте традиционного костюма албанцев Буджака). В наши дни лишь в некоторых семьях сохранились подобные традиционные рубахи — они остаются семейной реликвией. Многие семьи передали хранившиеся у них рубахи в сельский музей.

Приведем детальное описание хранящейся в фондах МАЭ заготовки кроя для традиционной рубахи.

Вставка на грудь (колл. № 7136-2/1) выполнена из белой хлопчатобумажной домотканины. Местное название вставки на албанском говоре *гюви́с* (gyvis). Она имеет прямоугольную форму, на верхнем крае — полукруглый вырез под горло. Размеры вставки: высота 37 см, ширина 18,5 см, глубина полукруглого выреза 4 см. Вставка *гювис* покрыта плотной вышивкой белыми шелковыми нитями в виде геометрического орнамента в шахматном порядке. Техника вышивки — иголкой гладью. Посередине каждой геометрической композиции имеется маленький квадратик, вышитый черными хлопчатобумажными нитями.

Воротник-стойка (колл. № 7136-2/2) к рубахе также выполнен из белой хлопчатобумажной домотканины, покрытой плотными шелковыми вышивками, идентичными вышивкам на предыдущем экземпляре. Для них, по сведениям информантов, использовали домашний шелк, которым традиционно занимались местные женщины. Шелк-сырец (рис. 47) на местном албанском говоре называется *сы́рмэ* (sîrmë). Так же на говоре называются и готовые нити

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 47. Шелк-сырец. МАЭ. Колл. № 7136-3

из шелка домашнего производства. Местные жители в целом при наименовании не различают шелк-сырец при производстве материала и готовые нити из него домашнего изготовления. Этот факт может быть интерпретирован следующим образом. Либо производство шелка в домашних условиях получило распространение среди албанцев Украины относительно поздно, а потому и наблюдается определенная лексическая бедность в области терминологии. Либо, наоборот, техникой производства шелка албанские колонисты владели еще до переселения в Буджак, а возможно, и в Восточную Болгарию. В этом случае скудость терминов может объясняться ограниченностью и сужением лексического запаса ввиду длительного проживания в иноэтничной и иноязычной среде.

Так или иначе, вышивка на воротнике-стойке выполнена тонкими прядеными шелковыми нитями. Образцы вышивки говорят о высоком уровне обработки шелка у албанцев Буджака (ср.: рис. 48, 49, 50).

Воротник-стойка в плане кроя представляет собой цельный кусок ткани, сложенный пополам. На одной стороне имеется вышивка, вторая сторона представляет собой изнаночную часть, которая и соприкасается с шеей при ношении. Вышивка на внешней стороне воротника-стойки у мужчины всегда была видна окружающим. Заготовка воротника-стойки имеет практически прямоугольную форму. Три стороны воротника прострочены, нижняя сторона открыта — для пришивания к рубахе дополнительный шов не нужен (к тому же он может способствовать образованию лишних складок). Размеры воротника-стойки следующие: верхняя сторона 34 см, нижняя сторона 37 см, ширина 6 см.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 48. Фрагмент вышивки на вороте и грудной вставке мужской рубахи. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

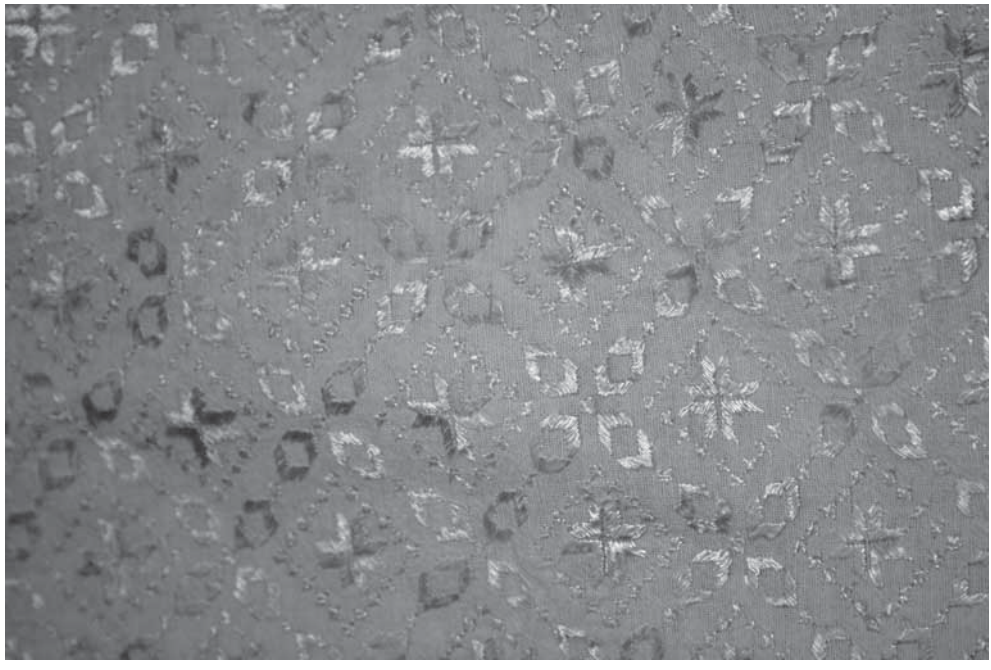

Рис. 49. Фрагмент вышивки на грудной вставке мужской рубахи. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

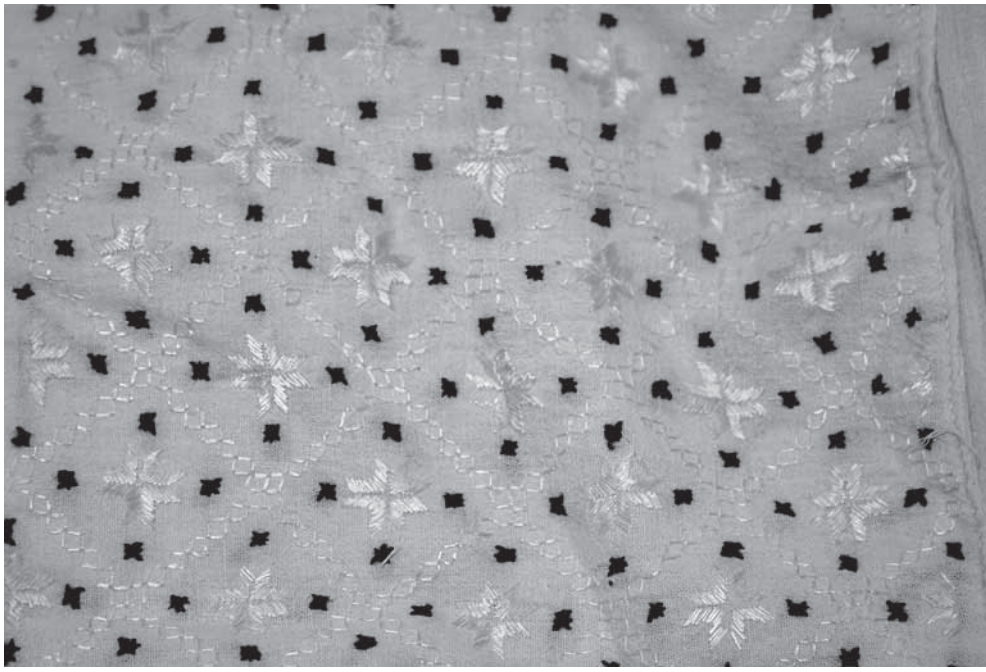

Рис. 50. Фрагмент вышивки на грудной вставке мужской рубахи. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Другой важной составляющей кроя мужской рубахи является пара манжет (колл. № 7136-2/3, 4). Их название на албанском говоре *мэ́нгэ* (mëngë). Манжеты выполнены из той же ткани, что и вставка на грудь и воротник-стойка. *Мэнгэ* покрыты вышивками, идентичными вышивкам на других деталях комплекса (рис. 46). Каждая из двух манжет выполнена из одного куска ткани, сложенного пополам. На внешней стороне имеется вышивка, вторая является изнаночной — на ней нет никаких украшений. Обычно при ношении манжеты с вышивкой, выглядывая из-под верхней одежды, были видны окружающим. Размеры *мэнгэ*: стороны (трапеции) 18,6 см и 20 см, ширина 7 см. Как видно, ширина манжет и воротника-стойки практически одинаковая — мастерицы пытались создавать нарядные, красивые и гармоничные вещи, соблюдая пропорции и стараясь показать высокие навыки рукоделия.

Подобные рубахи, как мы уже отмечали, сохраняли свое бытование еще в 1950-е годы, а в последующий период использовались фольклорными коллективами в качестве элемента албанского традиционного костюма, яркого и узнаваемого как соплеменниками, так и представителями других этнических групп, живущих по соседству.

В Приазовье фиксируется другой тип мужской рубахи [АМАЭ: Новик 2010а: 51]. В сельском Музее[28] с. Георгиевка хранится экземпляр такого мужского одеяния, изготовленный в первой половине XX столетия. Рубаха, на местном албанском говоре имеющая название *кэмиша* (këmish|ë, -а), представ-

[28] Сельский музей был открыт здесь благодаря стараниям Нины Васильевны Марусенко, русской из Брянской области, вышедшей замуж за албанца из Георгиевки и осевшей здесь.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ляет собой туникообразное длинное одеяние из белой хлопчатобумажной домотканины. По сведениям информантов, такие рубахи бытовали в албанской среде с конца XIX по середину XX в. Их крой представляет собой классический образец балканских туникообразных рубах, не имеющих плечевого шва (отсюда, собственно, и их название). Длина рубахи из Георгиевки 92 см, ширина в талии 73 см (в обхвате 146 см), ширина подола 85 см (в окружности 170 см). Рубаха в подоле имеет два вшитых клина, что увеличивает ее ширину внизу. Тем не менее рубаха практически прямая, неширокая.

Рукава прямые. Размеры рукава: длина 43 см, ширина в пройме 21 см, ширина у кисти 15 см. Ткань рукавов отличается от ткани самой рубахи, она более плотная. Это также хлопчатобумажная домотканина. Для рубах балканских народов такая особенность — различные виды ткани на рубахе и рукавах — является весьма показательной. На территории Албании подобная традиция сохранялась и после Второй мировой войны. Данный факт может иметь следующее объяснение. Одежда чаще всего протирается по швам, в изгибах, местах соприкосновения с другими элементами одежды. Чтобы уберечь одежду от обтрепывания, ее часто укрепляли по швам гайтаном (или позументом, шнуром и т.п.)[29]. Рукава — та часть плечевой одежды, которая получает максимальную нагрузку при носке. Желая продлить век дорогой одежды, мастерицы использовали для шитья рукавов более прочные виды ткани.

Ворот рубахи полукруглый. Спереди на груди имеется достаточно глубокий разрез — 24 см. Разрез застегивается сверху на белую перламутровую пуговицу, что также является характерной деталью мужских рубах. Описываемый экземпляр — единственный из сохраняющихся в музейных собраниях приазовских албаноязычных сел. Этот факт объясняется тем, что подобные рубахи, имевшие ежедневное бытование, долгое время не воспринимались как нечто особенно ценное и требовавшее сохранения для наследников. Такие рубахи шили и изнашивали, затем шили снова. Когда традиционные элементы стали вытесняться изделиями фабричного производства (массово с 1950-х годов), подобные рубахи просто перестали шить, и они практически не сохранились, как, скажем, отдельные элементы женского традиционного костюма, обладавшие высокой степенью престижности.

Однако из воспоминаний информантов можно реконструировать еще несколько типов мужских рубах, бытовавших в Приазовье. Так, в ходе экспедиции 2010 г. в с. Гаммовке было записано пространное интервью с албанкой Марией Дмитриевной Канаровой 1940 г.р. Мария Дмитриевна в молодые годы научилась шить и в дальнейшем зарабатывала швейным делом [АМАЭ: Новик 2010а: 9–17]. По ее воспоминаниям, албанцы-мужчины в их селах после Второй мировой войны носили рубахи-косоворотки (ее албанское название на говоре также këmishë). Она сама шила пожилым мужчинам такие рубахи на заказ [АМАЭ: Новик 2010а: 13]. Характерно следующее: информант отметила, что она шила косоворотки с плечевым швом — ей так было легче, не нужно было возиться с большим отрезом ткани. Это показательный факт. С переходом от домотканых материалов на покупные фабричные швеи перестали заботиться об экономии каждого сантиметра ткани. Инновации в использовании мате-

[29] Данное явление хорошо прослеживается на примере албанской одежды на Балканском полуострове.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

риалов приводили к инновациям в технологии шитья, а в дальнейшем изменяли подход к эстетике костюма. Если прежде красивым и правильным считалось шить рубаху без плечевого шва (так, как шили матери и бабушки), то с вхождением в быт доступных фабричных тканей меняется сам взгляд на одежду — и в функциональном плане (сшили, поносили, выбросили), и в эстетическом (престижный ориентир — уже не дедушкина и отцовская рубаха, а городской образец).

У рубахи-косоворотки был воротник-стойка, застегивающийся слева на пуговицу, и боковая планка на нескольких пуговицах. Такая рубаха имела длинные рукава с узкими манжетами (чего не было в образцах традиционных рубах). Такие манжеты застегивались на одну или две пуговицы.

В албанских селах Приазовья подобные рубахи получили распространение после Второй мировой войны. Такой тип рубахи бытовал среди русских и украинских крестьян, живущих по соседству. Вероятнее всего, подобную одежду мужчины-албанцы стали носить раньше — еще в первые десятилетия XX в., и заимствование происходило долго. Однако окончательно традиционная албанская туникообразная рубаха была вытеснена рубахой-косовороткой лишь в 1950-е годы. Интересно, что нынешние информанты 1930–1940-х гг.р. воспринимают такой тип рубахи как традиционный — в противоположность современным фабричным образцам.

Здесь важно напомнить, что рубаха является ключевым элементом мужского костюма у албанцев (а также у сербов, черногорцев, македонцев и др.) на западе Балканского полуострова. Этот элемент одежды, будучи одним из главных, не только выполняет прагматическую функцию, но и несет на себе знаковую и эстетическую нагрузку. Что касается албанцев Балканского полуострова, рубаха прослеживается на территории их расселения на протяжении очень длительного времени (ряд авторов возводит данный элемент костюма к туникообразным рубахам эпохи Античности) [Gjergji 1988: 184–187].

В коллекции Музея с. Георгиевки представлен фольклорный костюм, состоящий из рубахи и безрукавки [АМАЭ: Новик 2010а: 63–65]. Эти предметы были сшиты в 1980-е годы для выступлений коллектива самодеятельности. С точки зрения традиционного костюма описываемый комплекс весьма показателен.

Мужская рубаха сшита из искусственного шелка бордового цвета с блеском (эффект блеска обеспечивает ацетатная нить в структуре ткани). Рубаха имеет длинные рукава с манжетами. У рубахи стандартные размеры: высота 70 см, ширина в плечах 56 см, ширина подола 56 см, длина рукава 66 см, ширина манжеты 5,5 см [АМАЭ: Новик 2010а: 65].

Воротник — практически «акулий плавник», то есть концы воротника отходят от планки сорочки практически под прямым углом. Такая особенность кроя — дань моде того времени. Пуговицы на планке и манжетах — из пластмассы цвета белого перламутра. Рубаха имеет современный крой. Однако представители албанской фольклорной самодеятельности усмотрели в таком одеянии желаемые традиционные черты, которых в реальности не было. Нарядная красивая рубаха яркой расцветки в 1980-е годы воспринималась как традиционная в силу разных причин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Основной являлась, по-видимому, расцветка: хотя в действительности албанские мужчины красных рубах не носили, в сознании носителей культуры красный цвет оставался праздничным и нарядным. Использованию такой рубахи не мешало и то, что в синтетике артистам было, скорее всего, очень некомфортно выступать, во всяком случае в жару.

Другим важным элементом этого комплекса является безрукавка.

В конструктивном плане безрукавка состоит из четырех частей — двух бортов и двух половинок спины. Имеются плечевой, а также спинной швы.

Размеры безрукавки: высота 39 см, ширина в плечах 46 см [АМАЭ: Новик 2010а: 64] .

Безрукавка сшита из синей шерстяной ткани на подкладке. Подкладка — синяя саржевого тканья. Безрукавка украшена машинной вышивкой нитями зеленого и оранжевого цветов. Вышитый орнамент представляет собой стилизованные цветы и листья. Вышивка дополнительно украшена красными блестящими пайетками.

Такой наряд не традиционен для местной одежды. Однако артисты из ансамбля самодеятельности, выбирая и заказывая себе костюмы, посчитали, что главными элементами мужского костюма были нарядная рубаха и безрукавка. То, что эти элементы ключевые в кодексе одежды, было очевидно для носителей культуры. А их художественное решение согласовывалось с прагматикой и эстетикой сцены (чтобы ярче смотреться) и собственным пониманием о традиционном. Именно это является важнейшим при исследовании традиционной культуры.

Указанный комплекс выходит за рамки традиционного костюма. Однако он заслуживает упоминания как часть культуры 1980-х годов, времени, когда албанцы пытались найти свой ключ к прошлому.

В Музее с. Жовтневое хранится мужская безрукавка из коричневого сукна (рис. 51). Такие безрукавки были неотъемлемым элементом традиционного костюма албанцев Буджака до середины XX в. Безрукавка украшена гайтаном, сплетенным из оранжевых и красных нитей. Гайтан пришит к лацканам воротника и клапанам карманов. Нынешние информанты сообщают, что такое украшение мужских безрукавок было самым распространенным. Безрукавка имеет подкладку из клетчатой бело-сине-голубой ткани. Данный артефакт является исключительно ценным, так как подобных предметов не сохранилось в других музейных собраниях.

В комплекс традиционного мужского костюма входили штаны, которые на говоре албанцев Украины называются *дыми* (dîmi). Интересно, что данная лексема в современном албанском языке обозначает женские широкие штаны из легкой ткани, вошедшие в гардероб под ориентальным влиянием. Сохранение данного слова в словаре албанцев Украины, скорее всего, свидетельствует о давности традиции бытования данного элемента мужского костюма. По всей вероятности, лексема *дыми* была принесена албанцами с запада Балканского полуострова в Восточную Болгарию, а затем сохранилась в языке албанцев в Буджаке и Приазовье. Не исключено также, что заимствование произошло уже на территории Болгарии.

Здесь следует рассмотреть несколько фактов. Турецкие заимствования стали проникать в албанский язык очень рано, еще в XIV в. Как отмечалось

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 51. Мужская традиционная безрукавка из сукна коричневого цвета на клетчатой подкладке. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

исследователями, одними из первых были заимствованы слова, обозначавшие важные реалии культуры, становившиеся маркерами приобщения к престижному образу ориентальной жизни, то есть стилю жизни на ориентальный манер. Реалии, одними из первых проникшие в албанскую среду, относились к сфере костюма и технологиям его изготовления. Ткани, аксессуары, названия элементов костюма и способов его украшения быстро проникали в жизнь представителей референтной группы албанского этноса. Вместе с ними проникали и слова, их обозначавшие. Они стали практически первыми заимствованиями из турецкого в албанский язык [Çabej 1977]. Сохраняясь в языке до наших дней, эти заимствования приобрели новые значения, сформировав сложные синонимические ряды и варианты значений.

В случае с *дыми* мы сталкиваемся с весьма типичным примером, когда название одной реалии (в данном случае — широких женских шальвар) переходит на мужские штаны, становясь в говоре общим родовым понятием всей мужской поясной одежды. Таким образом происходит своеобразная культурная генерализация.

В период проживания предков нынешних албанцев Украины на западе Балкан главным элементом мужского костюма, скорее всего, как мы можем предполагать, являлись штаны из домотканого сукна *ти́рчи* (tirqi, -t) либо широкие штаны из домотканого полотна *потӯрэ* (poture, -t). Данное предположение базируется на факте распространения определенных типов костюма в *краин*е Корча и ближайших районах, которые реконструируются по различным источникам. Отталкиваясь от данного предположения, мы можем говорить о том, что на восток Болгарии в качестве поясной мужской одежды албанцы принесли именно *тирчи* или *потурэ* (или оба элемента). На новом месте почти за три века проживания совместно с болгарами и гагаузами албанцы заимствовали многие элементы культуры и, не в последнюю очередь, одежду как адаптивный, приспосабливающийся к полиэтничной среде компонент. Вместе с тем костюм— яркий маркер локального самосознания. Чтобы адаптироваться в местную среду, переселенцам, скорее всего, требовалось принимать многие черты культуры, реалии и установки, бытовавшие среди доминирующих в регионе этнических групп. И мужского костюма данные инновации касались в первую очередь, так как именно мужчины вели более открытый социальный образ жизни. Чтобы влиться в иноэтничную среду, албанцам-мужчинам приходилось, по всей видимости, переходить к такому типу костюма, который был распространен среди местного болгарского и гагаузского населения. Хорошо известно, что человек, одетый не так, как принято, кажется смешным и вызывает насмешки окружающих[30]. Мужчины за определенный срок в новых местах поселения стали носить костюм, который бытовал в Восточной Болгарии (см.: [Велева, Лепавцова 1979: 7–34]). Женщины, которые вели более замкнутый образ жизни, более длительное время, чем мужчины, сохраняли традиционный тип костюма; однако и они со временем перешли на костюм, распространенный в болгарской и гагаузской среде под влиянием фактора престижа.

[30] Понятно, что данные процессы происходят в различной среде с разной степенью интенсивности. Иногда такая непохожесть на других, наоборот, консервирует костюм и сохраняет особенности отдельных этнических и локальных групп в иноэтничном окружении на долгие столетия.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

В Восточной Болгарии мужские традиционные штаны албанцев были вытеснены типом поясной одежды, который был принят в болгарской и гагаузской среде. И мы можем с большой долей уверенности предполагать, что новый заимствованный элемент получил название *дыми* по аналогии с элементом, который был известен албанцам еще до переселения в Болгарию, а именно с женскими широкими штанами типа шальвар. Если даже предположить, что женщины (православные албанки) в определенный период также носили такие штаны (что маловероятно), то за годы проживания в Болгарии из комплекса женского традиционного костюма широкие *дыми* вышли полностью — мы не находим подтверждения, что в Буджак переселенцы-албанцы привезли широкие женские шальвары.

По всей видимости, *дыми*, вошедшие в гардероб албанок (преимущественно мусульманок) после османского завоевания и распространившиеся со временем отчасти вне зависимости от конфессиональной принадлежности хозяек (что не являлось типичным в период, последовавший за турецким захватом албанских земель), могли быть вытеснены из костюма в Восточной Болгарии, где не наблюдалось значительных османских инноваций в сфере костюма. Ношение в области Варны ориентального костюма или его элементов воспринималось как причисление себя к мусульманской части населения страны; костюм в этой части Балкан сохранял приверженность традициям [Велева, Лепавцова 1979: 23, 134, 270: обр. 98]. Под влиянием коллективных представлений населения, большей частью болгарского и гагаузского по своему этническому составу и православному — по конфессиональному, *дыми* вышли из употребления, а само слово стало обозначать мужские штаны, которые стали непременным атрибутом мужского комплекса костюма.

Судить о костюме албанцев, переселявшихся из Восточной Болгарии в Буджак, как мы уже не раз отмечали, можно лишь по косвенным сведениям. Одним из главных источников здесь является костюм области Варны, сохранившийся в музейных собраниях и описанный в литературе (см.: [Велева, Лепавцова 1979: 23, 134, 270, обр. 98]). В большинстве сведений, относящихся ко времени переселения, настойчиво отмечается тот факт, что болгары, албанцы и гагаузы практически ничем не отличались друг от друга в сфере материальной культуры, главным образом в одежде и способах ее изготовления.

О том, что албанцы, болгары и гагаузы продолжали носить схожую одежду и на протяжении почти всего XIX столетия, говорят как прямые, так и косвенные факты. Во всяком случае во время совместного проживания в Буджаке, с 1811 по 1862 г., указанные этнические группы сохраняли однообразие в костюме. В дальнейшем, с 1860-х годов, когда произошел отток части населения из Буджака в Приазовье, началось самостоятельное развитие костюма — отдельно для жителей Каракурта и жителей приазовских сел: Гаммовки (Джандрана), Девнинского (Таза) и Георгиевки (Тюшков). При этом костюм жителей Каракурта сохранял вполне устойчивое однообразие, которое не нарушалось этнической принадлежностью его жителей (во всяком случае это касалось болгар, албанцев и гагаузов). А вот костюм приазовских албанцев развивался самостоятельным путем, уже в отрыве от процессов, происходивших (в плане генезиса) в костюме албанцев Буджака. С момента переселения в приазовские степи часть отселившихся албанцев практически полностью утратила связи с родственниками и соплеменниками, оставшимися в междуречье Прута

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

и Днестра. И на новых местах, в Приазовье, костюм албанцев, воспринимающий инновации, уже перестал быть похожим на костюм болгар, которые жили и здесь, но по соседству — в ближайших селах (и их костюм также претерпевал изменения с течением времени). В Приазовье на первый план вышла этнодифференцирующая функция костюма. На новом месте, поселившись практически в моноэтничных селах (за исключением Джандрана), албанцы стали подчеркивать собственную **самость**, порой искусственно создавая и объясняя свою исключительную роль в жизни переселенцев, придавая немалое значение и костюму как важному маркеру этнического самосознания.

Костюм албанцев XIX — начала XX в. сохранился в виде отдельных предметов, а также в воспоминаниях информантов старшего возраста. И здесь можно вести уже предметные описания, базирующиеся на весьма точных или почти достоверных источниках и сведениях.

Традиционные мужские штаны, бытовавшие в албанской среде в Буджаке и Приазовье, по крайней мере, с конца XIX в. до середины XX в., представляют в своем крое поясную одежду с широким шагом. Штанины имеют широкий верх (наподобие галифе) и узкое окончание внизу, которое позволяло удобно заправлять такие брюки в сапоги. О бытовании таких штанов мы можем судить не только по воспоминаниям информантов, но и по старым фотографиям, сохраняющимся как в частных домах, так и в музейных собраниях, а также по отдельным дошедшим до наших дней экземплярам (рис. 52). Распространение таких штанов, по всей видимости, было продиктовано модой на военную форму, которая стала проникать в албанскую среду по меньшей мере с конца XIX столетия.

Рис. 52. Мужские штаны галифе. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Мужские штаны шили из тканей домашнего производства. Как правило, это были ткани из шерсти овец, которых было много практически в каждом албанском хозяйстве. Также почти каждая хозяйка занималась обработкой шерсти, ткачеством, шитьем. Однако с шитьем мужских штанов не все обстояло так просто, скажем, как с изготовлением рубах или передников. Далеко не все женщины умели шить мужские штаны, их, по определению, могли создавать лишь специальные мастера или умелые портнихи. По воспоминаниям информантов, мужские штаны в каждом из сел шили лишь несколько человек [Архив МАЭ: Новик 2010а: 12–14], как правило, на заказ. Речь, конечно, идет о выходных мужских штанах, а не, скажем, о нательных штанах или детских вариантах, изготовление которых не требовало столь большого мастерства. Обычно таким мастерам, среди которых были как мужчины, так и женщины, относили кусок шерстяной домотканины, и они, сняв мерки, шили штаны. Как правило, в качестве оплаты предлагали деньги, но могли рассчитываться и отрезом ткани, который для портного также был весьма выгодной платой. Похожая картина сохранялась и во второй половине XX в. Так, в с. Гаммовке у Марии Дмитриевны Канаровой, албанки, 1940 г.р., было записано интервью, в котором говорится о том, что в селе было несколько мастеров, к которым все носили шить брюки и из фабричных тканей, но по крою старых образцов, вплоть до 1970-х гг. и позднее. А многие пожилые мужчины так и оставались до самой смерти приверженцами старой моды, давая заказы на пошив до 2000-х гг. [АОЕ: Новик 2010: Канарова_Одежда].

Цвет мужских штанов всегда был темным. Шерстяную домотканину обычно красили. Традиционно использовали черный, темно-синий, коричневый красители. С XIX в. стали активно применять анилиновые красители, появившиеся в городских лавках.

Обычный комплекс мужского традиционного костюма выглядел следующим образом: светлая рубаха, темные штаны, яркий пояс, темная безрукавка. Костюм дополняли традиционная обувь и обязательный головной убор.

Изменение типа штанов в традиционном костюме, происходившее на рубеже XIX–XX вв., затронуло главным образом крой, а не технологии производства тканей, портняжный инструмент и пр. составляющие. На смену штанам со средней шириной штанин пришли брюки-галифе. Однако данная смена не означала полного исчезновения штанов, которые долгое время определяли мужской гардероб албанцев Буджака и Приазовья. В отдельных комплексах данные типы штанов чередовались, мирно сосуществуя.

Показателен пример фольклорного костюма албанцев Приазовья — имеются в виду костюмы, которые шили для выступлений фольклорных коллективов в 1980-е годы. Так, в Музее с. Георгиевка хранятся штаны, сшитые для участника ансамбля самодеятельности. Их изготовили с учетом кроя образцов, сохранявшихся от отцов и дедов, и в их покрое пытались повторить все детали старых штанов. Представленный в музейном собрании образец имеет довольно широкие прямые штанины. Штаны сшиты на вздержке. Длина штанов 105 см, ширина в бедрах 50 см (в окружности 100 см), ширина середины штанины 25 см (в окружности 50 см) [АМАЭ: Новик 2010а: 55]. Низ штанин собран на резинке.

Любопытно отметить, из какой ткани они сшиты. Как и в случае с женской фольклорной одеждой, для носителей культуры в 1980-е годы более важными представлялись особенности кроя старинных образцов, а ткань для костюмов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

выбиралась произвольно. Так и мужские брюки сшиты из серо-голубого крепдешина (sic!). Более того, все поле ткани имеет аппликацию в виде нашитых вертикально атласных узких лент цвета киви. Такое вольное формотворчество было продиктовано необходимостью создать яркий сценический образ. Однако немаловажным фактором является пренебрежение цветовыми предпочтениями предков, что охотно объяснялось артистами. Главное в воссоздании костюма они видели в буквальном подражании крою старинных образцов. Здесь они старались повторить каждую складку и любой ход технологической мысли. Что касается ткани, объяснение было примерно следующее: «Ведь ткани изменились с годами, надо использовать то, что лучше подходит и что будет выигрышнее смотреться». Учитывая это, фольклорная одежда также может и должна рассматриваться как важный источник по изучению традиционного костюма албанцев Буджака и Приазовья.

Под шерстяными штанами мужчины носили нательные штаны — подштанники [АМАЭ: Новик 2010а: 12]. Их албанского названия не сохранилось — информанты называют их *подшта́никэ* (podshtanikë) (вариант: *пошта́никэ* (poshtanikë)). Однако в данном случае мы имеем, скорее всего, утрату албанской лексемы. На западе Балканского полуострова мужчины, как правило, всегда носили нательные штаны из легкой ткани — льняной, конопляной, а позднее и хлопковой. В Восточной Болгарии бытование нательных мужских штанов было похожим. Все мужчины носили подштанники из легкой домотканой (позднее — покупной фабричной) ткани.

Нательные штаны сохранялись в гардеробе албанцев Буджака и Приазовья до 1950-х годов. Многие пожилые мужчины не смогли перейти на другие формы нательного белья и позднее — вплоть до 2000-х годов. Однако большинство албанцев с появлением в продаже фабричного текстильного тканого и трикотажного белья стали приобретать именно его. Важнейшим фактором, способствующим такому переходу, стал рост благосостояния местного населения. Сложный период послереволюционных годов, голодомор 1932–1934 гг., военное лихолетье и послевоенное восстановление выработали устойчивые представления об экономии, которые не позволяли совершать покупки продуктов и предметов не первой необходимости (а большинство информантов не считает нательное белье важным предметом обихода). Без чего можно было обойтись, без того и обходились. С ростом благосостояния в Буджаке и Приазовье, равно как и в других частях Советского Союза, крестьяне уже могли себе позволить покупки в городских и сельских магазинах. Да и советская промышленность стала массово выпускать нательное белье самого широкого ассортимента. Изменились стереотипы жизни.

В обиход вошли мужские трусы, которые в народе называли «семейными». Они появились в гардеробе албанцев в 1940–1950-е годы. Вначале их стали носить молодые люди, служившие в армии, работавшие в городах, на шахтах и заводах. Затем, с 1950-х годов, такие трусы заняли свое место в гардеробе мужчин, вытеснив бытовавшие прежде подштанники. Такие «семейные» трусы были чаще всего черного или темно-синего цвета. Распространены были и хлопчатобумажные трусы в полоску [АМАЭ: Новик 2011в: 87]. Многие хозяйки стали шить такие трусы по фабричным образцам — их шитье не считалось сложным занятием.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

С 1970-х годов возникла мода на разноцветные «семейные» трусы. Если раньше глава семейства не рискнул бы появиться перед самыми близкими в таких ярких и цветастых «шедеврах» советской или доморощенной промышленности, то с этого времени происходит слом стереотипов, прежде всего под влиянием городской моды. Тогда же, в 1970-е годы, в гардероб вошли трикотажные трусы-плавки, которые с трудом приживаются в сельской среде. Распространяются они прежде всего, разумеется, среди молодежи. В дальнейшем у мужской половины албанского населения Буджака и Приазовья появился свободный выбор, что и как носить, — теперь все зависело от личных предпочтений и представлений о комфорте.

А подштанники, сохранявшиеся в гардеробе еще со времени проживания на Балканском полуострове, остались атрибутом костюма, предназначенного для холодного времени года. Большинство албанцев, отказавшись от ношения подштанников в теплое время, сохранили этот предмет гардероба в качестве теплого белья для использования в стужу и ненастье.

Традиционные албанские podshtanikë шили из домотканой льняной или хлопковой ткани. Как правило, подштанники были белого цвета. Ткань использовали разной толщины. Для ношения в летний период использовали тонкую домотканину. Зимой носили нательные штаны из более грубой и толстой домашней ткани. И в том и в другом случае ткали (в плане технологии) одинаково — лишь нити брали более тонкие или толстые, в зависимости от того, что желали получить на выходе.

Крой таких штанов был простым — широкие штанины собирались в складку на талии. Тонкий кроеный пояс имел вздержку из такой же ткани, что и сами штаны. Внизу штанины завязывались на завязки из ткани. Спереди кроили мотню, пуговицы на которой не предусматривались.

В силу того что нижние штаны никогда не воспринимались в качестве ценного элемента костюма, они практически не сохранились в семейных сундуках или, тем более, в музейных собраниях. Однако некоторые албанцы, как отметила в интервью М. Д. Канарова в с. Гаммовке, шили такие нательные штаны на заказ до 2000-х годов [Архив МАЭ: Новик 2010а: 12].

Штаны мужчины всегда носили в комплексе с поясом. По воспоминаниям информантов, традиционный мужской пояс был домотканым, из шерстяных нитей домашнего производства. Обычно пояс был длиной около двух метров (мог быть и более длинным), а шириной — около 20 см (часто меньше).

Мужские пояса были разноцветными. Как правило, преобладали темные цвета: черный, темно-синий, темно-коричневый, темно-красный. Обычно на темном фоне встречались вытканные яркие цветовые пятна-вставки.

Как правило, традиционный пояс заканчивался неширокой бахромой из нитей основы.

Способ ношения был следующий. Пояс оборачивали несколько раз вокруг талии таким образом, что он охватывал талию и держал на пояснице штаны. У мужского пояса была и другая важнейшая прагматическая функция — он предохранял тело от растяжений. Крестьянский труд был сопряжен со множеством нагрузок: тяжелые сельскохозяйственные работы, перенос тяжестей, езда верхом и пр., которые представляли опасность для мышц спины, если бы она не была защищена. Шерстяной пояс давал стяжку и опору мышцам, не по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 53. Гребень. МАЭ. Колл. № 7136-4

зволяя сорвать спину при тяжелых нагрузках. Интересно, что об этом рассказывают современные информанты, которые уже утратили в своем костюме традиционный пояс как непременный элемент костюма [Архив МАЭ: Новик 2009в]. Однако в их сознании совершенно четко бытует убежденность, что традиционный костюм был правильным и хорошо продуманным. Нынешние же носители культуры «утратили многое, что было раньше, а потому сейчас и спины срывают, и вообще слабые пошли» [Архив МАЭ: Новик 2009в].

К сожалению, в коллекции МАЭ не представлен ни один мужской пояс албанцев Буджака и Приазовья. О традиционных поясах мы можем судить по рассказам информантов. Зато в коллекции МАЭ есть гребень — элемент ткацкого станка (колл. № 7136-4). Данный гребень (рис. 53) интересен тем, что его использовали специально для тканья мужских кушаков. Он был привезен из экспедиции 1998 г. в с. Жовтневое. Его подарила автору Полина Христофоровна Терзи (урожденная Попова), 1943 г.р. Гребень, в свою очередь, принадлежал ее свекрови Агафье Константиновне Лячко. По словам дарителя, гребнем пользовались еще в 1950–1970-е годы. До 1950-х годов тканье мужских поясов с использованием подобных гребней было весьма распространено, лишь затем наступило затухание данного домашнего производства [МАЭ: Опись колл. № 7136: № 7136-4][31].

Важно, что для тканья мужских поясов у мастериц были особые гребни, которые использовались в Буджаке достаточно долгое время — до 1970-х годов. В Приазовье эта традиция пережила затухание раньше — примерно в 1950-е годы. Этот факт свидетельствует о том, что многие элементы традици-

[31] Название гребня для ткацкого стана на албанском говоре *кры́хыр* (krîhîr). Описываемый гребень узкий: при длине 37 см его ширина 10 см, толщина рамы 1,7 см. Из этого следует, что ширина традиционного пояса, который ткали с помощью данного гребня, была 10 см. Через такой гребень проходили нити основы ткани.

Данный гребень самодельный. Многие мужчины делали ткацкие станы для своих жен сами — это умение считалось очень важным в традиционном укладе жизни. Вертикальные перегородки гребня сделаны из камыша. Из камыша в Буджаке выполнялись многие детали ткацких орудий. *Крыхыр* скреплен грубыми нитями. Тонкие перегородки из расщепленного камыша скреплены с помощью грубых нитей с поперечными деревянными строгаными палочками, представляющими собой рамку гребня.

Важно, что ткацкие станки были практически в каждом доме. Чаще ткацкий станок ставили в доме зимой (летом домочадцы были заняты сельскохозяйственными работами). Бабушка П. Х. Терзи ткала летом в сарае (сарайчике, как сказала сама информантка) [АМАЭ: Новик 1998].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 54. Гребень. МАЭ. Колл. № 7136-5

онной культуры сохранялись лучше в Буджаке. Другие же, напротив, каким-то образом консервировались в Приазовье.

В коллекции МАЭ есть и другой гребень, привезенный из с. Жовтневое в 1998 г. (колл. № 7136-5). Этот элемент ткацкого станка (рис. 54) использовали для тканья больших и широких полотнищ[32]. Любопытно, что на нем также создавали тканые полотнища со сложными узорами. Однако вершины мастерства ткачиха всегда показывала именно при изготовлении мужского пояса. Ценно, что об этом рассказывают информантки, которые сами непосредственно занимались ткацким делом.

В плане сравнительной этнографии интерес представляет мужской шерстяной тканый пояс, бытовавший у греков-румеев, живущих в соседнем с приазовскими албанцами регионе. Образец такого пояса есть в коллекции МАЭ (колл. № 7197-6). Греческий пояс представляет собой неширокое тканое полотнище, выполненное на ткацком стане, подобном тому, который использовали и албанцы. Кодекс одежды греков, так же как и албанцев, требовал обязательного ношения такого кушака. В греческой среде подобные пояса сохранялись в костюме приблизительно до середины XX столетия, а затем были вытеснены кожаными ремнями фабричного или кустарного производства.

Оба варианта поясов, у албанцев и греков, демонстрируют удивительную схожесть в плане как технологии изготовления, так и эстетического решения орнаментики тканья. Данный факт может быть объяснен близостью ареала расселения и схожестью типа хозяйствования, условий быта и уклада жизни бывших балканских и крымских жителей.

Время бытования шерстяных тканых поясов у албанцев Буджака и Приазовья — по крайней мере, с момента переселения в пределы Российской империи до середины XX в. (а в Буджаке — до 1970-х годов). Вне всякого сомнения, тканый шерстяной пояс был привезен переселенцами с Балканского полуострова, где он служил неотъемлемой принадлежностью костюмного комплекса.

На западе Балканского полуострова шерстяные тканые пояса сохраняются в костюме сельских жителей до наших дней. Конечно, сфера их употребления достаточно сузилась, тем не менее тканые пояса продолжают создавать на ткацких станах как на севере, так и на юге албанского ареала. Зачастую технологические приемы их изготовления очень похожи. Зато практически в каждой *краин*е выработаны собственные орнаменты и узоры ткачества, характерные для каждой локальной группы албанского населения. О распространении шерстяных тканых поясов к моменту переселения части албанцев в Восточную

[32] Данный гребень был также подарен П. Х. Терзи (урожденной Поповой), 1943 г.р. Гребень принадлежал ее свекрови, А. К. Лячко, и бытовал в 1950–1970-е годы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Болгарию мы можем говорить с опорой на ряд свидетельств того времени [Gjergji 1988]. Сложнее определить орнаментику узорного тканья, которая была распространена в Южной Албании в то время.

С той же проблемой мы сталкиваемся и в Восточной Болгарии. После переселения албанцы жили около трех столетий в болгарском и гагаузском окружении. У соседних этносов тканые пояса также являлись непременным элементом мужского костюма [Велева, Лепавцова 1979: 29–33; 49: обр. 13; 62: обр. 26; 63: обр. 27б; 70: обр. 34; 72: обр. 36а; 82: обр. 46; 88: обр. 52; 92: обр. 56; 101: обр. 65; 103: обр. 67; 106: обр. 70; 107: обр. 71; 109: обр. 73; 120: обр. 84; 125: обр. 89; 127: обр. 91; 132: обр. 96; 243, 246, 249, 252–254, 257–261, 267, 269]. Установить, что и как сохранилось в орнаментике, а что было заимствовано, на данном этапе исследований не представляется возможным. Единственно известно, что к началу переселения в пределы Российской империи албанцы, болгары и гагаузы имели практически одинаковый костюм. Однако эти сведения могут не касаться частностей, к которым неспециалисты в свое время вполне могли отнести особенности узорного тканья, возможно, специфичные для каждой группы.

В любом случае тканые шерстяные пояса сохранялись в мужском костюме албанцев Буджака и Приазовья очень долгое время — с 1811 г. по 1970-е годы. За все время своего бытования пояса выполняли разные функции — от чисто прагматических (поддержание и укрепление спинных мышц) до исключительно эстетических и знаковых (например, в свадебной обрядности последних десятилетий). Так или иначе, носители культуры воспринимали традиционный пояс как непременный элемент костюма, несущий важную знаковую нагрузку, выполняющий прагматическую функцию и обладающий большим значением в эстетическом плане.

Пояса бытовали в албанских селах Украины, как мы уже не раз отмечали, до 1970-х годов. Однако в музейных собраниях образцов таких домотканых поясов практически не сохранилось — речь здесь идет не только о петербургских собраниях, но и о музейных коллекциях Украины (единичные экземпляры можно увидеть в музеях сел Георгиевка и Жовтневое). В дальнейшем пояса стали создавать для ансамблей художественной самодеятельности, но, как и с другими элементами традиционного костюма, все реализовывалось достаточно сложно. В сельском музее Георгиевки хранится фольклорный мужской пояс 1980-х годов [Архив МАЭ: Новик 2010а: 56].

Данный пояс представляет собой странный пример эклектики традиционного и фольклорного костюма. Пояс сделан из нитей белого и голубого цветов, заплетенных веревкой-«канатиком» (по словам информантов). На концах данного пояса имеются кисточки (имитирующие, как надо полагать, бахрому традиционных мужских поясов). Длина пояса 170 см, толщина круглого в сечении нитяного каната 8 мм.

Для создателей данного пояса важно было подчеркнуть его роль в костюме албанцев (пояс использовался в сценических постановках албанской свадьбы)[33], а также повторить в целом полихромность данного элемента. Технологические особенности изготовления, конкретная цветовая гамма и про-

[33] В традиционной свадебной обрядности албанцев Буджака и Приазовья пояс жениха играл важную роль и с ним были связаны многие обрядовые действа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

чие «мелочи» создателей данного фольклорного атрибута не интересовали. Главное — акцентировать внимание зрителей на этом элементе костюма. К чести создателей пояса необходимо отметить, что его вязали к фольклорным штанам (описанным выше в тексте), цветовая гамма которых была следующая: серо-голубой и цвет киви. Следовательно, пояс явно подходил по стилистике и цвету ко всему создававшемуся комплексу.

Другим важным элементом мужского традиционного костюма был *кипта́р* (kiptar, -i) — безрукавка из шерстяной ткани[34]. Данный элемент костюма бытовал, судя по воспоминаниям информантов, с конца XIX в. Традиционный *кипта́р* в Приазовье имел достаточно сложный крой [АМАЭ: Новик 2010а: 13]. Передняя часть такой безрукавки кроилась из четырех полотнищ — двух передних и двух боковых.

Спинка *кипта́р*а выкраивалась из трех кусков ткани — один шел от выреза горловины до талии, два других были боковые.

Как правило, для шитья *кипта́р*а использовали лучшую и дорогую ткань. В XIX — первой половине XX в. это была домотканина из тонко спряденной шерсти. После Второй мировой войны для *кипта́р*а стали покупать фабричные шерстяные ткани.

Традиционно *кипта́р* застегивался на правую сторону на несколько пуговиц, как правило, от двух до пяти. Чаще их было три или четыре. Пуговицы для *кипта́р*а покупали в городских лавках. Безрукавка считалась самым нарядным элементом костюма, а потому для ее изготовления старались использовать лучшие вспомогательные материалы.

Безрукавка является одним из самых ярких и знаковых элементов костюма балканских народов. Практически все типы албанского костюма имеют в своем составе безрукавку. Это касается и мужского, и женского костюмов. Также традиционно безрукавка присутствует в костюме черногорцев, сербов, македонцев, греков, болгар и др. Наличие безрукавки отличает костюм балканских народов от костюма, скажем, восточных славян. Данная изодокса может быть объяснена следующим фактором. На распространение безрукавки как элемента костюма повлияли климатические особенности региона. Для Балкан, с их умеренным и практически ровным климатом, безрукавка является важным в функциональном смысле элементом костюма. Для сравнения: в средней полосе России, с характерной для нее амплитудой температур (до 70° в году), безрукавка не несет никакой функции, кроме эстетической, поэтому она не стала одним из важных элементов костюма. На Балканах, где разница температур не столь ощутима, безрукавка может спасти от холода и непогоды. Поэтому она сохраняется в теплое время как один из самых важных и знаковых элементов костюма. Этот факт лишний раз свидетельствует о первичности прагматической функции одежды. То, что функционально, как свидетельствует история развития одежды, в костюме сохраняется лучше, чем чисто знаковое или эстетическое (понятно, что «чисто» знакового или «чисто» эстетического в костюме не встречается).

[34] Ср.: *кёптар* (о нем речь шла выше). Возможно, здесь простое фонетическое различие в говоре (говорах) Гаммовки и Георгиевки, за которым не скрывается обозначение различных элементов традиционного костюма.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

В зимнее время могли носить *кипта́р*, сшитый из меха (в основном из овчины). Как правило, такие *кипта́р*ы шили мужчины, владевшие навыками скорняжного дела. Так, в с. Георгиевке меховые безрукавки шили чабаны, овладевавшие не только навыками выпаса мелкого рогатого скота, но и широким комплексом трудовых навыков, связанных с овцеводством и переработкой его продуктов.

К перечисленным элементам традиционного костюма албанцев Украины с конца XIX в. добавился пиджак. В первой половине XX столетия пиджак стал непременным атрибутом праздничного комплекса мужского костюма. Новая реалия была заимствована вместе с названием — *пиджа́к* (pixhak), *пижа́к* (pizhak). Фиксируется также название для пиджака *жике́т* (zhiket) [АМАЭ: Новик 2009в: 44].

Крой пиджака был подвержен веяниям моды. Это плечевое распашное одеяние могло быть однобортным или двубортным, с широкими, средними или узкими лацканами, со шлицей или без нее. Существовало множество вариантов кроя пиджака с конца XIX по начало XXI в. Одно не менялось никогда — признаком хорошего и качественного пиджака считалась дорогая ткань. Пиджак старались сшить или купить готовый непременно из шерстяной ткани. Как правило, ткань для пиджака покупали фабричного производства. Это был очень дорогой элемент костюма. Его носили годами и десятилетиями, зачастую передавая по наследству. Поэтому к пошиву пиджака подходили очень серьезно.

Как правило, пиджак отдавали шить на заказ. Далеко не в каждом селе был мастер, который мог бы сшить мужской пиджак. Так, по воспоминаниям М. Д. Канаровой, в с. Гаммовке никогда не было портного, который умел бы шить пиджаки [АМАЭ: Новик 2010а: 14]. Жители этого села отдавали заказы на шитье такой одежды либо в город, либо в соседние села, в которых работали высокопрофессиональные портные. Также в Гаммовке не умели шить галифе по высокому портняжному стандарту — местным жителям приходилось отдавать заказы в соседние населенные пункты.

Мода на ткани для пиджака также менялась очень быстро под влиянием городской культуры. В 1940–1950-е годы, например, предпочтение отдавали шивьоту — шерстяной ткани более плотной и толстой, чем обычное сукно. Местное население считало, что пиджак из шивьота более практичный, чем из других тканей.

Непременным атрибутом мужского праздничного костюма были сапоги. Кожаные сапоги вошли в албанский костюм под влиянием русских и украинских традиций. Данный тип обуви был практически неизвестен албанцам на Балканах (во всяком случае на западе Балкан). Отсутствуют сведения, что и на востоке Болгарии крестьяне носили сапоги. Оказавшись в пределах Российской империи, албанцы заимствовали данный элемент, имевший высокий статус престижа.

Название сапог на албанском говоре *пи́фэ* (pithe) [АМАЭ: Новик 2009в: 45]. Их шили обычно из качественной кожи. Хромовые, яловые и иные сапоги считались символом достатка (как в русских и украинских селах — в регионе и за его пределами). «Кожаные сапоги» на албанском говоре — *тэ леку́рта*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

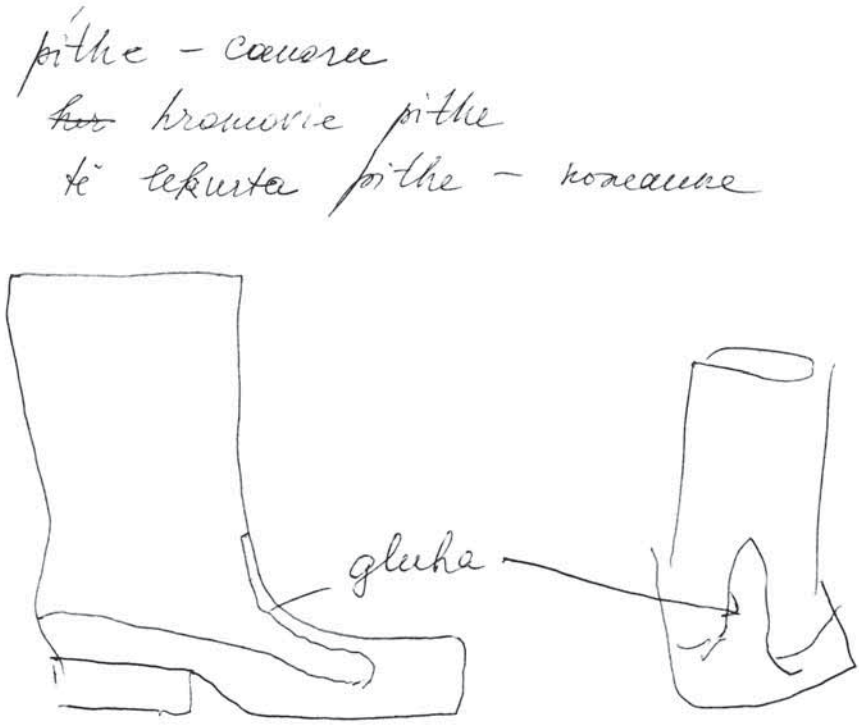

Рис. 55. Мужские сапоги. Рисунок А. А. Новика по рассказу информанта [АМАЭ: Новик 2009в: 45]

пи́фэ (të lëkurta pithe), а «хромовые сапоги» — *хро́мовие пи́фэ* (hromovie pithe). Зачастую парню дарили сапоги ко дню свадьбы. И в дальнейшем они оставались самым нарядным вариантом обуви на протяжении всей его жизни. Покупка новой пары сапог считалась весьма крупной тратой. Сапоги вошли и в албанский фольклор. Так, традиционный застольный тост у албанцев Приазовья звучит следующим образом: “Për shëndet, për kësmet, pithe lle jopingë!” (досл.: «За здоровье, за достаток, сапоги и йопинги!»[35]) [Архив МАЭ: Новик 2010а].

Сапоги умели шить лишь некоторые мастера в албанских селах. Именно им и заказывали такую обувь. Особенно почитался крой сапог с «языком» (на албанском говоре *глюха* (*gluha*)). Такие сапоги имели язычок в области мыса, заходивший спереди высоко на подъем стопы (рис. 55). Часто готовые сапоги покупали у городских ремесленников, иногда заказывали их шитье. Однако чаще старались купить готовые, чтобы меньше ездить в город. До середины XX в. любая поездка в г. Мелитополь или пос. Приазовское была сопряжена со множеством трудностей, главной причиной которых было отсутствие хороших дорог[36] и быстрого транспорта.

Сапоги считались самым нарядным вариантом мужской обуви до 1950-х годов. Затем на смену им пришли туфли и ботинки, заимствованные из город-

[35] *Йопи́нги* (jopingë, -t) (в албанском литературном языке *opingë*, -t) — традиционная обувь из сыромятной кожи.

[36] Длительное время дорог (в их понимании путевого сооружения) вообще не было в албанских селах Приазовья.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ской культуры. Сапоги из разряда нарядной обуви перешли в категорию обуви для работы в поле и т.п. *Пифэ* надевали в непогоду, распутицу, холод. Нарядным вариантом стали считать туфли.

Именно туфли надевались на свадьбу, по торжественным случаям, в праздники и т.д. С 1960-х годов албанцы Буджака и Приазовья стали отдавать предпочтение импортной фабричной обуви, главным образом чехословацкого производства, которая стала попадать на прилавки сельских и городских магазинов и достаточно быстро стала предметом престижа. Информанты часто вспоминают марку чехословацкой обуви «Цебо», обладание которой считалось престижным и которая была исключительно популярна в СССР. Импортную обувь заказывали в магазинах и на складах сельхозкооперации, просили городских родственников купить ее.

Вместе с туфлями в моду вошли и мужские сапожки с меховой либо байковой подкладкой — для зимы или демисезонья. С этого периода традиционная обувь — сапоги *пифэ* — практически полностью исчезла из мужского гардероба.

В повседневном быту албанцы Буджака и Приазовья носили *йопи́нг*и (jopingë, -t) — обувь из сыромятной кожи (рис. 56), имеющую весьма давние балканские прототипы [Florescu 1959; Gjergji 1988: 229–230].

Этот тип обуви носили как мужчины, так и женщины, взрослые и дети. По всей видимости, *йопинг*и бытовали у предков албанцев Буджака и Приазовья еще в период их проживания на западе Балканского полуострова. Факт бытования данного типа обуви среди албанцев задолго до XVI–XVII столетий, времени переселения части албанского населения на восток нынешней Болгарии, подтверждают многочисленные свидетельства.

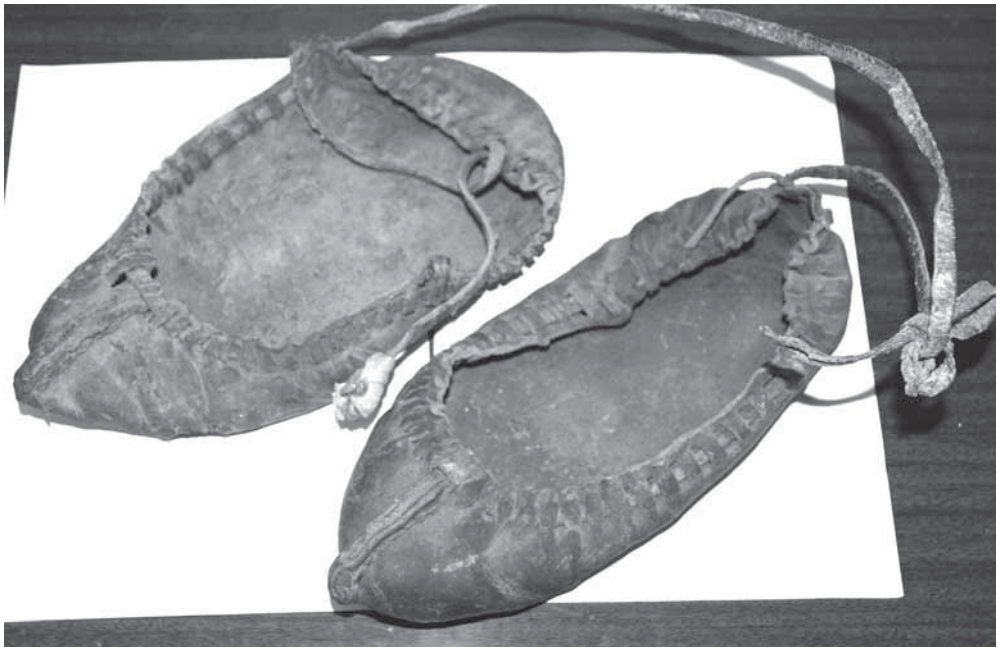

Рис. 56. *Йопинг*и из сыромятной кожи. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

*Йопинг*и, или *опинг*и (как называется такая обувь у албанцев в Албании), сохраняются в крестьянском быту на западе Балкан до настоящего времени.

Похожая обувь бытовала и в Болгарии [Велева, Лепавцова 1979: 49: обр. 13; 62: обр. 26; 82: обр. 46; 92: обр. 56; 103: обр. 67; 107: обр. 71; 109: обр. 73; 120: обр. 84; 125: обр. 89; 127: обр. 91; 132: обр. 96], где жили предки нынешних албанцев Украины около трех столетий. В дальнейшем *йопинг*и сохраняли свое бытование в Буджаке. Здесь необходимо отметить, что у румын данный тип обуви также весьма распространен [Florescu 1959]. Вхождение Буджака в состав Молдавского княжества в период 1850-х годов, постоянные контакты с молдавским и румынским населением, безусловно, способствовали сохранению такого типа обуви, как *йопинг*и. Справедливости ради стоит отметить, что *опи́нч*и (рум. opinci, -le) у румын никогда не имели нарядных вариантов, украшенных вышивками, блестками и пр. У румын обувь из сыромятной кожи всегда служила рабочей, повседневной, ее надевали на работу в поле, при выпасе скота, ведении различных хозяйственных работ, отправляясь в дорогу и т.д. [Florescu 1959].

У албанцев же традиционная обувь из сыромятной кожи служила в разных ситуациях. Упрощенные варианты делали из кожи домашней выработки, их ничем не украшали, служили они короткий срок. Выходные варианты украшали вышивками, аппликациями гайтаном, на них нашивали кружева, блестки и прочие декоративные элементы. Нарядные варианты обуви могли шить из кожи лучшей выделки, их украшали вышивками и золотным шитьем, аппликацией золотым гайтаном и иными способами. При этом *опинг*и (рис. 57) в албанских землях носили как крестьяне, так и представители самых высоких социальных кругов — аристократы, представители клира, военачальники,

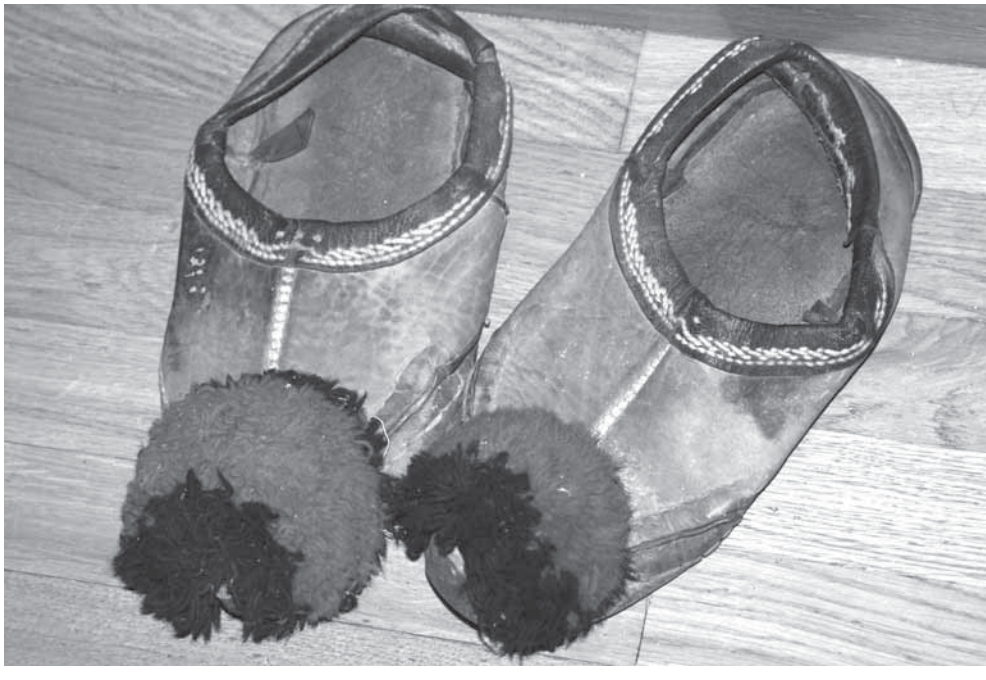

Рис. 57. *Опинги*. XX в. г. Корча, Албания. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

зажиточные горожане. В истории костюма хронологические рамки (иначе — периоды) бытования *опинг*ов не соотносились с социальным кругом их владельцев — сохраняются свидетельства их ношения на западе Балкан с эпохи Античности до XX в. представителями разных общественных групп [Gjergji 1988: 229–230]. К примеру, в XVIII в. похожие *опинг*и могли носить крестьянин и правитель вилайета. Более того, нарядный вариант *опинг*ов у крестьянина мог быть похож на обычные повседневные *опинг*и у аристократа или чиновника османского правительства в албанских землях. Единственное различие заключалось в том, что и в повседневном быту зажиточный албанец пользовался такими нарядными и дорогими *опинг*ами, какие обычный соотечественник мог надевать лишь по праздникам.

Переселившись из Буджака в Приазовье, албанцы привезли *йопинг*и и традицию их изготовления и ношения в новые места. Подобную обувь умели шить практически в каждом албанском доме. Для изготовления *йопинг*ов требовалась кожа. С момента переселения в Буджак и до конца XX столетия практически каждая крестьянская семья имела определенное поголовье домашнего скота. Шкуры убитых животных, как и все остальное, оставшееся после разделки скота, использовали в традиционном хозяйстве. Из шкур животных изготавливали кожу и мех. Кожа использовалась для шитья обуви, изготовления сбруи, для различных домашних нужд.

Главным вариантом обуви, который делали из кожи, вплоть до середины XX в. оставались *йопинг*и. Чаще всего для изготовления такой обуви брали кожу теленка. Реже использовали овечью, козью или коровью кожу. Свиную кожу для данного производства брали редко, однако именно из свиной кожи *йопинг*и и ремни для них получались лучше, чем из других видов кожи.

Часто кожу для *йопинг*ов заготавливали следующим образом. После свежевания туши кожу натирали солью, опилками, иногда известью, сворачивали и клали под пресс. Когда возникала необходимость, куски кожи доставали и кроили из них примитивную обувь.

В семье албанки А. К. Бурлачко, 1940 г.р., в с. Георгиевке *йопинг*и производили до 1950-х годов. Обычно шкуру с шерстью, оставшуюся после забоя теленка, запаривали в печи. Для этого шкуру сворачивали и клали в печь, которая была протоплена не очень горячо, где ее держали около часа. Затем извлекали ее из печи и начинали удалять шерсть. «Скубсти» шерсть (как говорят информанты) помогали дети. Это было обычное занятие в албанских семьях. Шерсть удаляли вручную. После запаривания в печи она удалялась легко.

Существовал и другой способ удаления шерсти со шкур. У отца Анны Кирилловны, Кирилла Бурлачко, был специальный инструмент в виде изогнутого ножа с двумя ручками, с помощью которого обрабатывали кожу. Хозяин натягивал два края шкуры на вертикальное крепление (обычно это происходило во дворе, под навесом). Затем наступал на висевшие ноги шкуры либо привязывал к ним груз, потом начинал обработку специальным ножом с двумя ручками. В албанском говоре использовался специальный глагол sapladîs, обозначавший действие по обработке кож таким способом.

Лезвие ножа с двумя ручками, которым удаляли шерсть, было неострым, чтобы не повредить поверхность шкуры. Ручки инструмента были деревян-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

ными. Похожий инструмент был распространен и в Албании вплоть до конца XX в. [Zojzi 1950: 88–92]. Однако у албанцев Приазовья, как свидетельствуют информанты, ручки были повернуты в сторону режущего лезвия. А в албанских землях чаще использовали инструмент, ручки которого были отведены в противоположную сторону [Zojzi 1950: 88–92].

Самый распространенный крой *йопинг*ов был следующий. Обрезанный полуовалом-полупрямоугольником кусок кожи сворачивали таким образом, что формовали мыс будущей обуви. Этот носок сшивали тонким кожаным ремешком, вырезанным из того же куска кожи. Название этого ремешка на местном албанском говоре *ррип* (rrip). *Ррип*, как правило, был длинным. Могли использовать суровую нить или любой шнур. Однако отдавали предпочтение именно кожаному ремешку. Затем сшивали пятку, а оставшиеся стороны куска кожи приподнимали и связывали шнуром или нитью. Эту часть обуви можно было подгонять по ноге во время надевания — всю *йопинг*у для этого прошивали *ррип*ом с мыса до пятки. Мастер, изготавливающий *йопинг*и, смотрел, чтобы они были по размеру будущему владельцу (как правило, это был он сам или кто-то из членов его семьи). *Йопинг*и делали одинаковыми — без разделения на правую и левую.

Важным инструментом в изготовлении *йопинг*ов была *гле́та* (glet|ë, -a) — шило с широкой иглой для проделывания отверстий для кожаного ремня. *Глета* имела толстую иглу, больше походившую на рабочую часть небольшой стамески. Ручка была деревянная. Это был незаменимый инструмент в изготовлении кожаной обуви.

Как отмечают информанты, мастерством изготовления *йопинг*ов владели многие в албанских селах — практически все взрослое мужское население. Особенно качественно делали *йопинг*и крестьяне, чей основной труд был связан с овцеводством и выделкой кож и шкур. Также обычно этим успешно занимались чабаны. Они владели практически всеми трудовыми навыками, связанными с выпасом скота и переработкой продуктов.

*Йопинг*и у албанцев Буджака и Приазовья [АМАЭ: Новик 2009в: 45] считались рабочей обувью — в любом случае в них не принято было ходить на свадьбу, в гости, в храм по праздникам. И здесь мы можем констатировать факт изменения функциональной роли *йопинг*ов после переселения с запада Балканского полуострова. Вполне очевиден факт влияния окружения местного населения, у которого этот вид обуви из сыромятной кожи был повседневным, а не праздничным или выходным. За годы проживания совместно с болгарами и гагаузами в Восточной Болгарии, а затем в Буджаке албанцы перестали изготавливать нарядные *йопинг*и. Такая обувь стала использоваться только для работы и т.п. Следовательно, кожа для рабочей обуви была самого низкого качества.

Выделка шкур была совсем примитивной, а потому обувь из них не была долговечной. Обычно пара *йопинг*ов не держалась более нескольких недель. Кожа пересыхала на ноге при носке, рвалась, обувь теряла форму — и ее выбрасывали. Самый распространенный способ ее хранения — это зарывание в землю. Обычно, когда хозяин возвращался с пашни домой, он зарывал свои *йопинг*и в землю рядом с домом (это могла быть обыкновенная грядка в огороде или палисадник). Когда наутро возникала необходимость вновь надеть эту

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

обувь, хозяин ее откапывал. Влажность земли не давала *йопинг*ам высыхать, как это происходило на воздухе. *Йопинг*и всегда, по воспоминаниям информантов, пахли сырой землей.

*Йопинг*и были незаменимой обувью для сельскохозяйственных работ в силу удобства, они не натирали мозолей. Сыромятная кожа плотно прилегала к стопе, принимая ее форму. Такая обувь бытовала у албанцев Буджака и Приазовья до 1950-х годов, когда ее стала вытеснять дешевая фабричная обувь из резины. *Йопинг*и из сыромятной кожи не могли выдержать конкуренции с долговечной резиновой обувью и очень быстро вышли из гардероба албанских крестьян.

Как *йопинг*и, так и сапоги, носили с портянками. Название портянок на говоре албанцев Приазовья *йовдъя́ле* (jovdjale) — от слова djalë, то есть «парень, юноша, мальчик, сын». Эта этимология предлагается самими носителями говора [АОЕ: Новик 2009: Бурлачко_Одежда].

В качестве портянок использовали куски любой ткани. Традиционно это была льняная или хлопчатобумажная ткань домашнего тканья. В зимнее время использовали более теплые ткани из шерстяных и смесовых нитей. Обычно хозяйки не ткали материал специально для портянок. Куски для этих нужд отрезали от больших полотнищ, натканных впрок. С ростом благосостояния ткань для портянок стали покупать в городских и сельских лавках. В любом случае *йовдъяле* были важнейшим элементом костюма как в холодное время года, так и в летнюю пору.

Использование портянок в албанской среде было устойчивым до 1950-х годов. В качестве обмоток для рабочей обуви портянки сохранили бытование до настоящего времени. Однако в основном их носят пожилые албанцы. Молодежь с рабочей обувью носит ставшие уже привычными фабричные носки.

Непременным атрибутом мужского традиционного костюма был головной убор. По воспоминаниям информантов, албанцы в Буджаке и Приазовье всегда носили какой-либо убор на голове. В довоенный период, до 1940-х годов, вообще было сложно представить взрослого мужчину с непокрытой головой. После Великой Отечественной войны ситуация стала меняться — под влиянием городской моды и культуры стало приемлемым показываться в обществе в самых разных ситуациях без головного убора.

Похожая картина отмечается и на западе Балканского полуострова. Мужской традиционный костюм требовал непременного атрибута — головного убора. И лишь после Второй мировой войны взрослые мужчины стали пренебрегать этим важным элементом костюма.

Традиция и кодекс одежды сохраняли очень важную роль головного убора. Наравне с этнодифференцирующей функцией покрытие головы служило яркой маркой локальной, социальной, конфессиональной принадлежности. В албанских землях головной убор обладал особенной функцией, так как в условиях раздробленности и частичной изолированности *краин* он выступал в роли едва ли не основного маркера этноконфессиональной принадлежности. Более того, в силу того что албанские земли практически на протяжении всей своей истории оставались разрозненными в рамках различных государственных объединений, головной убор ал-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 58. Мальчик в традиционном головном уборе *келеша* во время Рамазана на улице Тираны. Албания. 2008 г. Фото автора

банцев служил важной маркой и символом определенного этнического единства[37].

В албанских землях самым распространенным типом мужского головного убора являлась *келе́ша* (qelesh|e, -ja). Этот головной убор из войлока представлял собой полусферическое изделие, как правило, белого цвета. *Келеш*и формовали из войлока из овечьей шерсти на специальных деревянных болванках, с учетом размера головы будущего владельца. Данный головной убор мог иметь круглый верх, заканчиваться вытянутой, яйцеобразной полусферой (рис. 58),

[37] Так, к примеру, в Косово албанцы продолжают носить *плис* (plis, -i), или *келе́ш*у (qelesh|e, -ja), до наших дней. После Второй мировой войны традиционный костюм в крае был вытеснен, по крайней мере в городах и крупных поселениях, городской одеждой. Тем не менее албанцы продолжали носить *келеш*у как яркий маркер этнической принадлежности вместе с европейским костюмом (и этот факт фиксировался в крупных городах и столице края — г. Приштине). Для албанского населения это позиционирование было крайне важно в условиях противостояния с сербскими властями. После войны 1990-х годов в бывшей Югославии и с провозглашением независимости Косово в 2008 г. *келеша* осталась в гардеробе многих пожилых албанцев как символ прежней борьбы за независимость и яркий маркер приобщенности к этой борьбе.

В Македонии среди албанского населения (на западе страны) наблюдается похожая картина. И в наши дни носить *келеш*у ежедневно продолжают многие пожилые албанцы в Западной Македонии (фотографию албанца из г. Струга см. в кн.: [Schubert 1992: 217: Abb. 19]).

Отметим, что в соседней Албании, при общих векторах истории костюма, традиционный мужской головной убор вышел из широкого бытования, по меньшей мере в крупных городах. В любом случае встреча с албанцем в европейском костюме и с *келеш*ей на голове (после 1960-х годов) скорее означала, что перед вами крестьянин, приехавший в столицу по делам или в гости, а вовсе не пример сохранения элемента традиции.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

чаще всего албанцы носили *келеш*и с плоским верхом (наподобие турецкой фески). Типы *келеш*и варьировались от *краин*ы к *краин*е. Одно было неизменным — *келеш*у носили на макушке; войлочный убор хорошо держался на голове, и не было необходимости натягивать его до ушей (как происходило с другими уборами). В зависимости от эпохи и влияния моды или климатических особенностей той или иной зоны, равно как и сезонных перепадов температуры воздуха, *келеш*у могли обматывать хлопчатобумажным, льняным, шелковым или шерстяным платком.

Наравне с *келеш*ей в албанских землях бытовали и другие головные уборы — *кюля́ф* (qylaf, -i), *таки́я* (takijë, -a) и многие другие. Все они изготавливались либо из войлока, либо из тканого текстиля. Однако в своей основе практически все названные головные уборы имели один прототип — *келеш*у из войлока, бытовавшую в албанских землях еще в эпоху иллирийцев [Gjergji 1988].

В Южной Албании (а именно из юго-восточной части страны, скорее всего, пришли предки современных албанцев Буджака и Приазовья) самыми распространенными видами мужского головного убора были *келеша* и *такия*. Мы можем найти иконографические подтверждения того факта, что в период XVI–XVII вв. в областях Южной Албании мужское население носило именно такие виды головных уборов. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что часть албанского населения переселялась в Восточную Болгарию именно с этими элементами традиционного костюма.

В Восточной Болгарии, где предки нынешних албанцев Украины прожили два-три века, у местного населения также существовала длительная традиция ношения мужских головных уборов. Поэтому есть все основания предполагать, что албанцы-мужчины сохраняли головной убор как непременный и очень важный элемент костюма и в период жизни среди болгар и гагаузов. Скорее всего, албанцам не удалось сохранить в области Варны те головные уборы, которые они могли привезти с собой с запада Балкан (мы имеем в виду *келеш*у и *таки*ю). Несмотря на то что головной убор всегда являлся важным маркером этнической принадлежности, в полиэтничной среде в Восточной Болгарии традиционные головные уборы албанцев были вытеснены местными вариантами уборов (как и иные элементы костюма).

В момент переселения в Буджак албанцы по внешнему виду не отличались от болгар и гагаузов — у них была одинаковая одежда, в том числе и головные уборы. Однако в дальнейшем в Приазовье фиксировались мужские головные уборы, которые определялись носителями культуры как сугубо албанские.

Так, в албаноязычных селах Приазовья мужчины до Великой Отечественной войны носили феску, которая в говоре так и называлась feska[38]. Один эк-

[38] В данном случае есть основания предположить, что это название не было принесено с Балкан, а возникло в результате культурного влияния научной и учебной литературы на говор(ы) албанцев Украины. Мы не первый раз сталкиваемся с фактом, когда в албанскую среду Буджака и Приазовья проникают знания и реалии извне — из статей и монографий по Балканам и по их региону, из контактов с албанцами Балкан (пусть хоть и редких, но имеющих место в последние годы), многое запоминается носителями культуры из разговоров с учеными, приезжающими в регион, и т.д. Похожие явления отмечаются в ходе полевой работы не только с албанцами, но и с представителями других этносов и этнических групп, все больше черпающих сведения о себе и своих традициях не из воспоминаний родителей, бабушкиных и дедушкиных рассказов, а из научной и публицистической литературы, теле- и радиопередач, Интернета и т.д. Данный

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

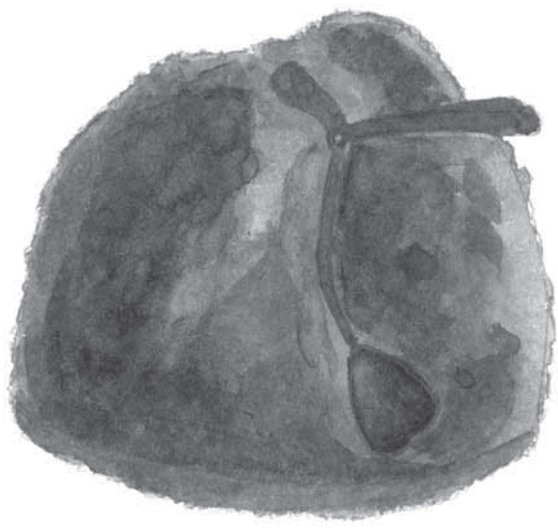

Рис. 59. *Феска*. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

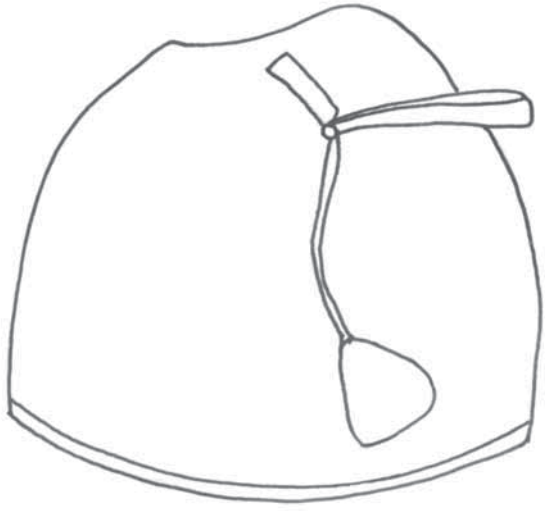

Рис. 60. *Феска*. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

земпляр такого головного убора находится в Музее с. Георгиевка (рис. 59, 60). Сохраняющаяся в коллекции мужская феска сшита из коричневого плюша в виде высокой полусферы. Феска в плане кроя сшита из трех вертикальных сегментов и круглого навершия. Устойчивую форму феске придает плотная подложка (картон?). У головного убора имеется подкладка из ткани саржевого тканья песочного цвета. Диаметр головного убора 20 см, высота 16 см [АМАЭ: Новик 2010а: 52–53].

сложный и противоречивый комплекс сведений, в которых переплетаются собственные и полученные из массовых источников воспоминания, еще только предстоит анализировать и изучать (в рамках специальной программы исследований).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

К верхушке головного убора пришита шелковая лента коричневого цвета, завершающаяся помпоном из коричневого плюша. Длина всей кисточки около 25 см. Интересная деталь — лента кисточки посередине завязана на узел так, что образует петлю. Старожилы утверждают, что раньше мужчины именно так носили свои фески.

Дарители предмета в музей утверждали, что это старый головной убор, бытовавший еще в довоенный период. О таких фесках рассказывают и другие информанты. Единственное, что смущает в музейном экспонате, — это штамп, имеющийся на внутренней подкладке. В центре поля коричневым цветом проставлен легко читаемый штамп: «Зарница Москва» [АМАЭ: Новик 2010а: 53]. Это может означать то, что головной убор был куплен в организации советской торговли, а вовсе не сшит в домашнем хозяйстве по старому образцу. В то же время не исключен тот факт, что в Москве специально были заказаны головные уборы, на которые был спрос в албаноязычных селах (такие чудеса потребкооперации случались в советские годы). Но не исключено также, что данный штамп — всего лишь дань моде на фабричные изделия. И в этом случае подкладку вместе со штампом могли заимствовать у другого убора (что вероятно в меньшей степени — подкладка очень органична в изделии) либо просто напечатали штамп кустарным способом[39].

Вопрос бытования фески в албанском костюме представляет интерес для исследователя одежды. Вне всякого сомнения, феска у албанцев Приазовья имеет очевидную параллель с традиционным мужским головным убором, бытующим на западе Балканского полуострова. *Келеша* с полусферическим верхом (традиционно изготавливаемая из войлока) и *такия* схожего с феской албанцев Приазовья кроя, которую шили из ткани, имеют очевидную видовую общность. По всей вероятности, феска албанцев Приазовья генетически восходит к типам *келеши* и *такии*. Однако в условиях проживания в течение длительного времени среди других этносов феска приобрела новые черты, отличающие ее от изначальных балканских прототипов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что албанская феска отличается от фески, бытовавшей в турецкой среде и, вне всякого сомнения, известной албанцам хотя бы из опыта жизни в Восточной Болгарии[40]. Феска албанцев Приазовья отличается от традиционной турецкой фески как в плане кроя, формы и декоративного решения, так и в плане использовавшегося материала. Один важный момент, который роднит албанскую феску с турецкой, — это цвет. Турки носили фески красного цвета. И феска албанцев Приазовья имеет бордовый цвет. (Вариативность красного и бордового — лишь определенный культурный аллофон.) В албанских землях на западе Балкан красные головные уборы получили распространение среди албанцев в определенный период после османского завоевания, начиная с XV в. [Gjergji 1988]. Однако с течением

[39] В советские годы многие индивидуалы, занимавшиеся отнюдь не поощрявшимся властями производством головных уборов из меха частным образом, умудрялись ставить штампы известных государственных фабрик (например «Рот Фронт» и др.) на подкладку своих изделий. При этом ни продавцов, ни самих покупателей отнюдь не смущал очевидный факт жульничества — ведь никто и не скрывал, что головной убор шили в домашних условиях. Данный контрафакт производился и находил сбыт многие десятилетия советской власти.

[40] В период проживания на западе Балканского полуострова данный элемент костюма османов вряд ли успел проникнуть так широко в албанскую среду, чтобы укорениться в традиционном костюме у крестьян, вытеснив местный головной убор.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

времени албанский традиционный костюм вернулся к своим изначальным цветам, в частности вновь преимущество получили белые уборы, ассоциирующиеся с традиционным цветом костюма албанца — горца или жителя равнины. У албанцев Приазовья, по-видимому, красный цвет фески также вошел в бытование под влиянием головных уборов османов. Сам же головной убор, скорее всего, необходимо считать продолжением местной этнической традиции в сфере костюма.

В музейном собрании с. Георгиевки есть и другая феска — это фольклорный вариант головного убора, сшитый для выступления ансамбля самодеятельности [АМАЭ: Новик 2010а: 54]. Данная феска была сшита в 1986 г., когда в селе открывали новый Дом культуры. В связи с этим на колхозные деньги были сшиты многочисленные костюмы для местного коллектива. Среди них — и данная феска из бордового искусственного шелка саржевого тканья.

Феску шили по старинному образцу. Ее диаметр 20 см, высота 20 см (что выше традиционных образцов, но этому факту есть объяснение — фольклорный вариант должен был быть хорошо заметен со сцены).

Феска сшита на твердой подложке (картон?). Внутри головной убор имеет подкладку — такую же ткань, что и на наружной стороне (бордовый искусственный шелк).

Феска имеет традиционную кисточку, сделанную из бордовой тесьмы, к концу которой пришита кисточка из белой бельевой веревки [АМАЭ: Новик 2010а: 54]. Такая простота лишний раз иллюстрирует подход носителей культуры к своему традиционному наследию в 1980-е годы. Более важными представлялись крой и следование технологическим особенностям производства элементов костюма, чем материалы, из которых они выполнялись.

Другим видом мужского головного убора у албанцев Приазовья была *ка́по* (kapo). Об этом головном уборе свидетельствуют информанты из с. Гаммовка [Архив МАЭ: Новик 2010а: 14–15]. Этот головной убор имел полусферическую форму, его шили из шерстяной ткани или меха. Подкладка была из ткани. Как правило, *капо* была черного цвета. Ее бытование пришлось как на довоенные, так и послевоенные годы. Вполне возможно, что у албанцев *капо* имела очень давнюю традицию. Некоторые информанты именно такой тип головного убора считают традиционным и наиболее архаичным. В любом случае *капо* имеет очень похожий крой с феской, представленной в Музее с. Георгиевка. *Капо* шили в домашних условиях либо заказывали у людей, умевших их изготавливать.

Местным населением *капо* воспринималась как традиционный головной убор. Носили его главным образом мужчины. Пожилые женщины, однако, также могли надевать на себя *капо* под головной платок. Так поступали в холодное время года. Данный способ был весьма распространенным. Молодые женщины никогда не надевали *капо* — они носили только платок. Считалось, что их «кровь грела» [Архив МАЭ: Новик 2010а: 15]. Нарушение традиции воспринималось как нонсенс — ведь никто из молодых женщин не хотел казаться старой.

В с. Георгиевке информанты рассказывают о бытовании мужского головного убора *куба́нкэ* (kubank|ë, -а). Данный убор шили из натурального или искусственного меха, теплой ткани [Архив МАЭ: Новик 2009в: 55]. Очень по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

пулярным был каракуль. Вообще, мех ягнят исключительно ценился в албанской среде на Украине (чего не фиксируется у албанцев Балканского полуострова в силу, видимо, более прагматичного подхода к меху и продуктам животноводства). Возможно, что мода на каракуль в албанской среде Буджака и Приазовья была продиктована русским влиянием.

Кубанкэ представляла собой головной убор круглой формы с плоским верхом, который, по моде тех лет, носили приплюснутым. Крой *кубанкэ* был следующим. Вначале из меха или ткани шили высокую тулью шапки, а затем пришивали верх.

Пик бытования *кубанкэ* пришелся на 1940–1950-е годы. Этот тип головного убора вошел в албанский костюм под русским и украинским влиянием. *Кубанкэ* из меха считалась нарядным головным убором. Она была хорошей обновкой к празднику или подарком к знаменательной дате.

Кубанкэ не связана, по всей видимости, с балканской традицией, однако она входит в то же эстетическое поле круглого полусферического головного убора, как и *келеша* или *такия*, распространенные на западе Балканского полуострова. Очевидно, что сложившиеся у албанцев на протяжении веков эстетические предпочтения давали о себе знать и много столетий спустя после переселения части населения в новые места с новыми ценностями и взглядами, предпочтениями и пониманием красивого/некрасивого.

Ярким примером, подтверждающим высказанную гипотезу, может послужить шапка-ушанка, которая давно бытовала в русской и украинской среде в Буджаке и Приазовье, но которая не получала распространения у албанцев до последних десятилетий XX в. Объяснить данный факт неудобством или иными прагматическими причинами нельзя — данный вид головного убора исключительно удобен. Тем не менее шапка-ушанка очень медленно входила в костюм албанцев и заняла эту нишу лишь под упорным влиянием городской моды. Вместе с тем никто из албанцев Буджака или Приазовья не причислит шапку-ушанку к традиционным элементам костюма, как это происходит иногда с другими элементами и вариантами одежды.

В холодное время года мужчины носили кожухи. Обычно их шили из овечьих шкур. Такая одежда на албанском говоре называется *гзох* (gëzoh, -u), что созвучно общему понятию «мех». Оно соответствует слову *gëzof, -i* в современном албанском литературном языке, однако в некоторых говорах мы можем встретить вариант *gëzoh* [Fjalor 1980].

В плане истории этого элемента костюма данный лингвистический факт весьма интересен. *Гзох* у албанцев Украины — это практически русский, или восточнославянский, кожух. *Гзох* представляет собой верхнее распашное одеяние из меха. У *гзох*а длинные рукава, сшитые, как и все одеяние, мехом внутрь. Как правило, *гзох* имеет длинные полы. На территории албанских земель на Балканах длинное распашное верхнее одеяние, сшитое мехом внутрь, практически не известно. На западе Балкан традиционный костюм в зимнее время мог дополняться короткой или длинной безрукавкой из меха овцы или другого животного. При этом такая безрукавка могла быть сшита мехом внутрь и, реже, мехом наружу. В некоторых районах Албании такой элемент костюма так и называется — gëzof [Gjergji 1988]. Это же название закрепилось и за обычной шубой современного покроя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

То, что стало называться *гзох*ом у албанцев Буджака и Приазовья, явно было заимствовано у русских и украинцев поселенцев. И познакомились албанцы с этим элементом костюма уже в Буджаке, после переселения. В Восточной Болгарии такой элемент костюма не прослеживается (см.: [Велева, Лепавцова 1979]). Однако климатические особенности области Варны в зимний период также требовали теплой одежды, которая могла сохранять традиционные формы, привезенные албанцами еще с запада Балканского полуострова, либо быть заимствована у ближайших соседей — болгар и гагаузов. Однако в любом случае эта теплая зимняя одежда называлась так, как в период проживания в албанских землях, — gëzoh.

В Буджаке албанцы, наравне с болгарами и гагаузами, познакомились с таким элементом костюма, как кожух, бытовавшим у русских и украинцев. На новом месте, с резкими перепадами температуры зимой и летом, кожух пришелся переселенцам весьма кстати и быстро занял место в гардеробе недавних жителей Балканского полуострова. Новая реалия не была заимствована вместе с русским названием, а получила албанское — *гзох*, обозначавшее схожий по использованию в холодное время года элемент костюма.

Гзох был исключительно мужской одеждой. У женщин подобного элемента костюма не было. Албанки могли лишь попросить у мужа *гзох*, чтобы выйти на улицу, сходить в гости или по хозяйственным нуждам в холодное время года. И носителями культуры такое нарушение кодекса одежды воспринималось без сопротивления — все видевшие женщину в мужском *гзох*е понимали, что он одолжен на время, чтобы выйти в стужу на улицу. Интересно, что в албанских землях короткие или длинные безрукавки из меха были атрибутом и мужского, и женского костюмов. То, что *гзох* в Буджаке и Приазовье воспринимался как исключительно мужской элемент костюма, со всей очевидностью свидетельствует, что он был заимствован у восточных славян (и заимствован именно мужчинами, которые вели более открытый в социальном плане образ жизни).

Здесь важно напомнить, что албанки Буджака и Приазовья вели довольно замкнутую жизнь, которая протекала главным образом в пределах собственного дома и подворья. До периода коллективизации конца 1920-х — начала 1930-х годов женщины практически не покидали двора собственного дома. Всю работу по хозяйству, во всяком случае в зимний период, выполняли мужчины. Особенности традиционной архитектуры были такие, что жилые, хозяйственные помещения и загоны для скота находились под одной крышей. Женщины вели хозяйство, ухаживали за скотом и пр., практически не выходя в зимнее время за порог собственного дома. Им и не нужна была такая теплая одежда, как кожух. (В женском гардеробе в этот период прочное место занимал *кёпмáр* (qoptar, -i) — безрукавка из меха.) Мужчины в это время возили воду из реки, работали, посещали различные административные и хозяйственные учреждения. Слом традиционного уклада жизни начался именно в конце 1920-х годов. И тогда же теплая меховая одежда стала постепенно входить в женский гардероб. Окончательно она вошла в комплекс женского костюма лишь в 1940-х годах.

Традиционный мужской *гзох* в Приазовье представлял собой плечевую распашную одежду, сшитую приталенно, чтобы защитить тело от степных зимних ветров. Мех овчины вовнутрь. Наружная сторона представляла собой шкуру овчины, качество выделки которой зависело от мастерства дубильщика,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

а качество пошива — от скорняка. *Гзох* шили довольно длинным — примерно до колена. Коротких кожухов, равно как и очень длинных, не шили. Короткие не могли уберечь от ветров в степной зоне, а в длинных было неудобно ездить верхом на лошадях.

Гзох, распространенный в Приазовье в середине XX столетия, имел круглый воротник, который поднимали в стужу. Его круглая форма диктовалась в ту пору модой. Спереди к полам *гзох*а пришивали два накладных кармана. Внутри также кроили карман, в котором и носили ценные вещи и документы. Карман на местном албанском говоре называется *джеп* (xhep, -i, pl. xhebe < *тур. яз.*)[41].

В албанских селах умели шить кожухи далеко не все — это занятие практиковали лишь умелые скорняки. К ним и обращались в случае необходимости обновить зимний гардероб.

Костюм жениха в 1940–1950-е годы

Самым нарядным вариантом мужской одежды у албанцев Буджака и Приазовья, как и у большинства других этносов и этнических групп, являлся костюм, который жених надевал во время свадьбы. Описанные выше элементы традиционного костюма в значительной мере принадлежали этому нарядному варианту костюма — свадебному, который в дальнейшем на протяжении жизни служил парадным, выходным вариантом одежды. На костюме жениха следует сделать особый акцент, так как это знаковая обрядовая одежда служила для владельца символом приобщения ко взрослой и социально активной жизни, а также маркировала переход неженатой молодежи в статус семейных — другой части локального сообщества, коллектива в широком понимании, со своими правами и обязанностями.

О костюме жениха как едином комплексе мы расскажем, отталкиваясь от информации, касающейся 1940–1950-х годов. Именно в это время произошел переход от довоенной поры, хронологически относящейся к продолжению бытования албанской традиции в сфере костюма, по меньшей мере, к новому советскому периоду, в который влились традиции различных направлений, сформировав исключительно интересный синтез культур, впитавших собственно албанские, балканские, локальные южно- и восточноукраинские и советские черты, определив таким образом эстетику и знаковую выразительность новой эпохи.

Костюм жениха в буджакских и приазовских степях в 1940–1950-х годах выглядел следующим образом.

Во-первых, самым важным элементом всего комплекса был костюм, состоявший из пиджака и брюк. Мужской пиджак в Приазовье в это время на албанском говоре назывался, как мы уже отмечали выше, *жике́т* (zhiket) или пижа́к (pizhak) [Архив МАЭ: Новик 2009в: 44].

Пиджак был простого кроя, без швейных изысков (как умели шить местные мастера), чаще всего однобортный.

---

[41] Форма множественного числа данной лексемы отличается от множ. числа в албанском литературном языке. Ср.: *алб.* sing. xhep, -i — pl. xhepa, -t.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Брюки в эти годы были в моде широкие, внизу штанины имели манжеты. Брюки свадебного костюма назывались *дыми* (как и обычные брюки). По воспоминаниям информантов, в те годы подкладочной ленты у брюк не было, во всяком случае албанцы до 1940-х годов ее не знали [АОЕ: Новик 2009: Бурлачко_Одежда].

Главным критерием качества костюма была ткань, из которого его шили. Ценились костюмы из дорогой шерсти фабричного производства.

Ко дню свадьбы старались во что бы то ни было приобрести новый костюм. Это была дорогая покупка, однако семьи не хотели «ударить лицом в грязь» — костюм сыну ко дню свадьбы справляли практически все. Молодые люди из малообеспеченных семей сами пытались заработать деньги на покупку готового фабричного костюма или на заказ у портного. Однако, как отмечают практически все информанты, бедных автохтонных албанских семей в Буджаке и Приазовье практически не было. Если и были в албаноязычных селах совсем бедные люди, то в основном из числа переселенцев — русских и украинцев.

По общему мнению, каждому мужчине было необходимо иметь костюм в гардеробе. Ценную обновку в первый раз надевали в день свадьбы, а в дальнейшем носили по праздникам, в присутственные места и т.д.

В гардеробе некоторых албанцев до сих пор сохраняются костюмы, в которых они женились 60–70 лет назад. Как правило, эти костюмы пребывают в плохой сохранности — ведь в них ходили «в люди» еще долгие годы после бракосочетания.

Во второй половине XX в. традиционный костюм в албанских селах был вытеснен европейской одеждой. Мужского костюма подобные инновации, как мы уже отмечали, коснулись раньше, чем женского, ввиду большей социальной активности мужской части населения. Практически всю вторую половину XX в. мужчины уже носили брюки, рубахи и пиджаки, сшитые по европейской моде городскими и сельскими портными. Это касалось и одежды пастухов (наиболее архаичной в плане отдельных элементов), которые из всего набора традиционного костюма и его аксессуаров долго сохраняли лишь пастушескую сумку, ее иногда и в наши дни продолжают шить из кожи самостоятельно по крою, унаследованному от отцов и дедов.

В последние десятилетия советского периода отношение к одежде существенно изменилось. Люди перестали уделять много внимания костюму, что было обязательным в прошлом. По воспоминаниям жителей среднего возраста, в 1980–1990-е годы на прополке в поле женщины могли быть лишь в купальниках. Выходя с бригадой на работу в летний день, старались надеть самое легкое платье, как правило, из хлопковой ткани. Под такое платье надевали купальник. А на поле, когда становилось жарко, ситцевый халат, сарафан или платье сбрасывали, оставаясь в купальнике, платке или косынке на голове и в легкой обуви, способной защитить ступни от колючек и земли. Никого вид женщин в таком «наряде» уже не смущал — рядом были «свои» (большей частью женщины), а старики, способные осудить за нарушение принятых правил, на полевые работы в колхозные бригады уже не ходили (как это было в годы коллективизации и послевоенного строительства).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Такое «легкомысленное» отношение албанцев, гагаузов и других к собственному внешнему виду отчетливо выделялось на фоне позиции табасарацев, переехавших в с. Гаммовку из Дагестана [АМАЭ: Новик 1998].

Их женщины вначале держались строго. Идут на работу — все в темном. В чу́лках. Рукава длинные, платья длинные — чтобы не показывать тело. В платках. Все в темном или в черном. И ткани раньше какие были? Кримплен или трикотин. В них жарко! Оно аж прилипало. А потом пожили немного среди нас. Мы в купальниках полем. Стали уже и они носить рукава покороче, а потом и вовсе без рукавов! А затем и совсем, как мы стали. Другой раз и винцо попивают. Полностью стали нашими. Превратились в наших людей [АОЕ: Новик 2012: Торбина(Миц)_АК_мифология].

Изменения кодекса одежды, используемой для работы в поле, явились сигналом коренного слома бытования традиционной одежды у албанцев Украины (рис. 61, 62). Народный костюм практически полностью выходит из ежедневного бытования, сохранив свое употребление как нарядного и знакового, который носят в исключительных случаях — во время торжественных мероприятий (например, на юбилей села, когда приезжают гости издалека и ближайшей округи), во время выступлений коллективов художественной самодеятельности и прочих фестивалей на региональном и общегосударственном уровнях (например, выступление солистки албанского народного ансамбля «Ружа а верде» Анны Кирилловны Бурлачко, 1940 г.р., албанки из Георгиевки, на отчетном концерте коллективов художественной самодеятельности в Киеве,

Рис. 61. Матрена Ивановна Хаджирадова, албанка, 1943 г.р., с хлебом. С. Девнинское, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2012 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

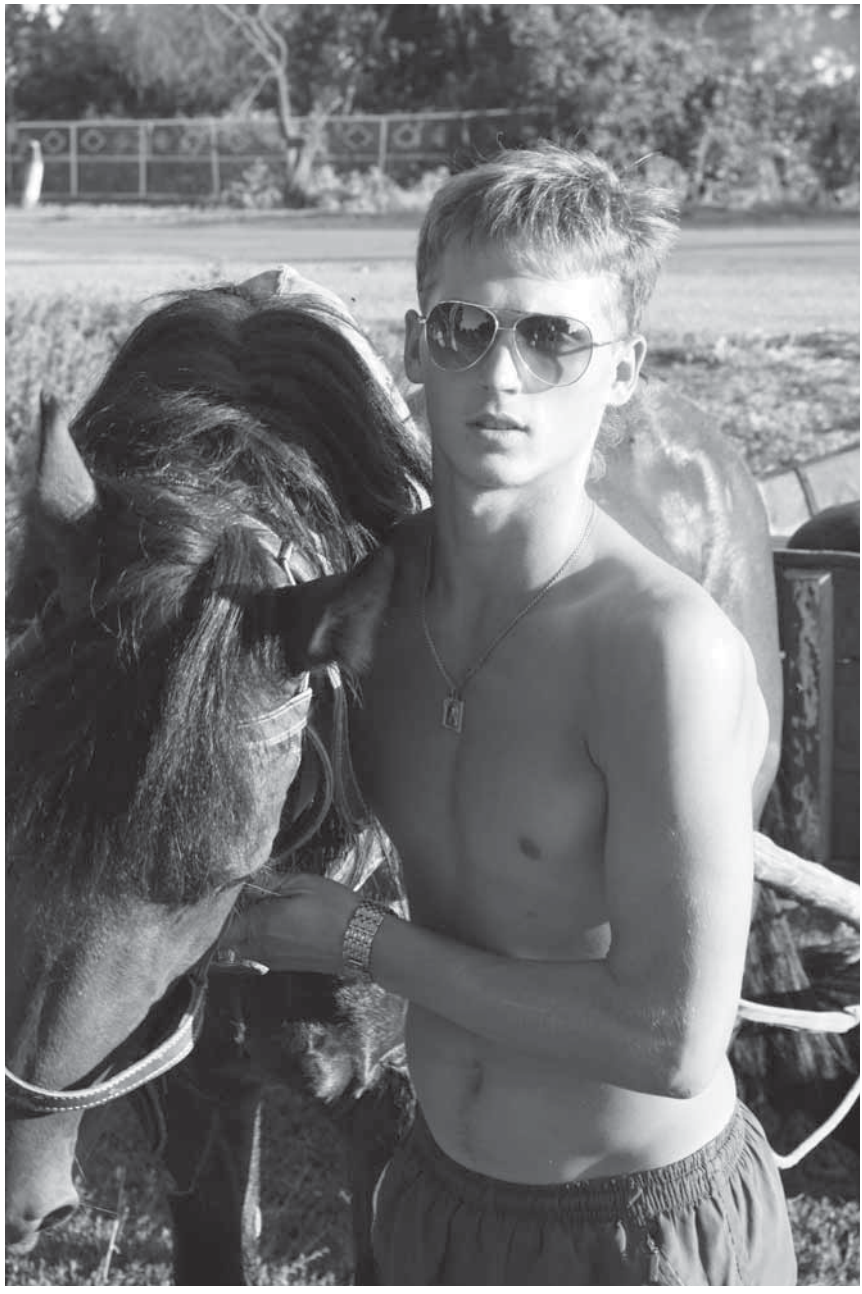

Рис. 62. Молодой житель с. Гаммовка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото автора

в национальном дворце «Украина» в июле 2009 г.[42]) (рис. 63), а также среди сузившегося сегмента людей весьма преклонного возраста, которые не желают расставаться с тем, к чему они привыкли и что считают «своим, албанским» (и таких людей в силу объективных причин в селах осталось мало).

[42] По итогам смотра А. К. Бурлачко была награждена дипломом как лучшая исполнительница Президентом Украины В. А. Ющенко.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 63. Анна Кирилловна Бурлачко, албанка, 1940 г.р., в одежде, повторяющей традиционные образцы начала XX в. С. Георгиевка, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2008 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

В первом случае (речь идет об одежде людей, задействованных в художественной самодеятельности) мы уже не можем говорить о полноценном традиционном костюме, здесь мы лишь констатируем факт нового конструирования традиции — факт, впрочем, весьма устойчивый на протяжении более века в разных регионах Европы. Однако для нас важно, что албанцы пытаются сохранить свой костюм и считают его одним из самых ярких маркеров принадлежности к своему сообществу.

Во втором случае — когда пожилые люди на протяжении всей жизни носят традиционную одежду и не хотят с нею расставаться — также демонстрируются приверженность, уважение и любовь к собственной культуре, традициям, этническим корням. Этот факт фиксируется в Европе и мире в целом. Албанские села Украины здесь показательны как иллюстрация общих процессов, характерных для нашего времени, с присущими ему тенденциями к общей унификации культуры. Соответственно, если есть центристские устремления, то определенная часть общества в плане культуры демонстрирует центробежные направления своих преференций.

Албанцы Приазовья и Буджака сохранили традиционный костюм, несмотря на то что почти четыре столетия они не живут среди основного этнического массива и, казалось бы, могли полностью ассимилироваться в иноязычной и инокультурной среде. Тем не менее жители албанских сел Жовтневое, Георгиевка, Девнинское и Гаммовка сохраняют наравне с другими элементами культуры народный костюм как важный и ценный символ своей идентичности. Учитывая возрастающий фактор роста локального, этнического самосознания в современном мире, мы можем прогнозировать сохранение бытования традиционного костюма у данной этнической группы еще долгое время, по меньшей мере, при жизни нескольких поколений албанцев.

Заключение

Хранящиеся в МАЭ РАН предметы традиционной культуры, в первую очередь одежда и орудия ее производства, албанцев Приазовья и Буджака являются совершенно уникальными ввиду того, что подобные предметы практически не встречаются в других музейных собраниях. МАЭ благодаря многолетней полевой работе, проводимой из года в год и не прекращавшейся даже в сложные годы политических и экономических преобразований в стране, сумел собрать значительную коллекцию элементов традиционного костюма (колл. № 7132, 7133, 7136), а также большое количество фотоиллюстративных материалов, отражающих распространение и бытование одежды в албаноязычных селах Украины (рис. 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70).

Предметные коллекции, собранные в поле, атрибутированные, описанные и введенные в систему КАМИС, стали частью фонда Музея (рис. 71). Фотоиллюстративные коллекции, в первую очередь фотографии, сделанные во время экспедиций 1998–2013 гг. (А. А. Новик, Ю. В. Бучатская, Д. С. Ермолин, М. С. Морозова, А. С. Дугушина и др.), а также фотографии и негативы Ю. В. Ивановой, переданные семьей известного этнографа МАЭ (рис. 72), рисунки, сделанные участниками научных поездок (в первую очередь рисунки автора статьи в полевых тетрадях, переданные в Архив МАЭ [АМАЭ: Новик: 1998; 2009в; 2010а], и профессиональные рисунки Анны Николаевны Ермоли-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 64. Пояс невесты. МАЭ. Колл. № 7132-10

Рис. 65. Пряжка пояса невесты. МАЭ. Колл. № 7132-10

ной (урожд. Коба), хранящиеся в научно-вспомогательном фонде архива отдела европеистики МАЭ [АОЕ]), стали важной составляющей в сохранении культурного наследия албанцев Украины. Не менее важным источником для изучения бытования традиционной одежды являются и записи интервью с носителями идиома и культуры, хранящиеся в виде аудиофайлов в фонде «Приазовский отряд» в архиве отдела европеистики. В Архиве МАЭ РАН хранятся

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 66. Комплекс женской одежды с платьем, фартухом и платком. Вид спереди. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Рисунок А. Н. Ермолиной

Рис. 67. Комплекс женской одежды с платьем, фартухом и платком. Вид спереди. Колл. Музея с. Георгиевка. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. 2010 г. Эскиз А. Н. Ермолиной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 68. Уличная сцена. В повозке. С. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Рис. 69. *Врахам* и *фарта* — элементы женской одежды албанцев Приазовья. 1950 г. Подарки от албанцев Запорожской обл. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 70. *Фарта*. Колл. Музея с. Жовтневое. Болградский р-н, Одесская обл., Украина. 2011 г. Фото автора

Рис. 71. Челнок. МАЭ. Колл. № 7136-6/1-5

полевые тетради и научные отчеты о поездках в Приазовье и Буджак [АМАЭ: Новик 1998; 2002; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009в; 2009г; 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012в; 2012г; Ермолин 2011]. Все собранные архивные, предметные, фотоиллюстративные и аудиоматериалы дают возможность проводить исследования по албанцам Украины на базе различных источников, привлечение которых позволяет анализировать материалы на высоком уровне и учитывая разнообразные подходы, которые диктуются на современном этапе этнолингвистических исследований.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Рис. 72. *Горота́* — женские посиделки в выходной день. С. Георгиевка, Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. Фото Ю. В. Ивановой. 1998 г. (Фотоархив отдела европеистики МАЭ)

Традиционная одежда албанцев в коллекции МАЭ представляет безусловный научный интерес, так как является живым свидетельством сохранения культуры балканских колонистов в иноэтничном окружении. Ее изучение позволяет собрать материал, являющийся ценным как для этнографов, так и лингвистов, диалектологов, историков, фольклористов. Остается надеяться, что исследования контактных зон на юге Украины будут продолжены и коллекции МАЭ будут пополняться из года в год новыми ценными экспонатами, отражающими традиционную культуру этносов и групп, населяющих Украину, юг России, Молдову и Румынию.

Источники

АМАЭ

Ермолин Д. С. Приазовский отряд (с. Георгиевка, Девнинское). Албанские поселения Приазовья. Полевая тетрадь. 2011. К. I. Оп. 2. № 2023.

Новик А. А. Албанцы Украины. Запорожская, Одесская обл. Полевые записи. Автограф. 1998. К-1. Оп. 2. № 1726. 202 л.

Новик А. А. Об албанцах Украины. Г. Мелитополь — с. Георгиевка — г. Одесса. Полевые записи. Ксерокопия с автографа. 2002. К-1. Оп. 2. № 1750. 104 л.

Новик А. А. Об экспедиционной поездке в г. Мелитополь, с. Георгиевку, г. Одессу. Копия дневника. Автограф. 2005. Ф. К-1. Оп. 2. № 1796. 83 л.

Новик А. А. Изучение традиционной культуры урумов, албанцев. Приазовье. Полевые записи. Копия. Автограф. 2006. К-1. Оп. 2. № 1805. 49 л.

Новик А. А. Изучение традиционной культуры албанцев. Приазовье. Полевые записи. Копия. Автограф. 2007. К-1. Оп. 2. Б/н.

Новик А. А. Изучение традиционной культуры албанцев. Приазовье. Полевые записи. Копия. Автограф. 2008. К-1. Оп. 2. Б/н.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Новик А. А. Традиционная культура арбрешей Италии (албанцев, выходцев с Балканского полуострова). Полевой дневник. Ксерокопия. 2009а. К-1. Оп. 2. № 1932. 79 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Италии. Принтерный вывод. 2009б. К-1. Оп. 2. № 1933. 14 л.

Новик А. А. Традиционная культура албанцев Приазовья. Приазовский р-н, Запорожская обл., Украина. Ксерокопия полевого дневника. 2009в. К-1. Оп. 2. № 1934. 95 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле–августе 2009 г. Принтерный вывод. 2009г. К-1. Оп. 2. № 1935. 85 л.

Новик А. А. Традиционная культура греков, албанцев и черногорцев в Албании. Полевые записи. Ксерокопия тетради. 2009д. К-1. Оп. 2. № 1940. 76 л.

Новик А. А. Приазовский отряд 2010. Полевая тетрадь. 06–26.07.2010. Ксерокопия тетради. 2010а. К-1. Оп. 2. № 1983. 122 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2010 г. 06–26.07.2010. Принтерный вывод. 2010б. К-1. Оп. 2. № 1984. 58 л.

Новик А. А. Каракурт–2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Буджака. Апрель–май 2011 г. Полевая тетрадь. Ксерокопия. 2011а. К-1. Оп. 2. № 2039. 100 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Буджаке в мае 2011 г. Принтерный вывод. 2011б. К-1. Оп. 2. № 2040. 38 л.

Новик А. А. Приазовский отряд 2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Июль 2011 г. Полевая тетрадь. Ксерокопия. 2011в. К-1. Оп. 2. № 2043. 100 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2011 г. Принтерный вывод. 2011г. К-1. Оп. 2. № 2044. 24 л.

Новик А. А. Тоскерия–2011. Изучение традиционной культуры албанцев Тоскерии (области: Корча, Колёнья, Дэвол), черногорцев Черногории, сербов Черногории. Сентябрь 2011 г. Полевая тетрадь. Ксерокопия. 2011д. К-1. Оп. 2. № 2049. 123 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Тоскерии (Албания) в сентябре 2011 г. Принтерный вывод. 2011е. К-1. Оп. 2. № 2050. 11 л.

Новик А. А. Тоскерия–2012. Изучение традиционной культуры албанцев Тоскерии (области: Корча, Дэвол). Полевая тетрадь. Ксерокопия. Сентябрь. 2012а. К-1. Оп. 2. Б/н. 51 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Тоскерии (Албания) в сентябре 2012 г. Принтерный вывод. Сентябрь. 2012б. К-1. Оп. 2. Б/н.

Новик А. А. Приазовский отряд 2012. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Полевая тетрадь. Ксерокопия. Июль. 2012в. К-1. Оп. 2. Б/н. 95 л.

Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2012 г. Принтерный вывод. Июль. 2012г. К-1. Оп. 2. Б/н.

АОЕ

(научно-вспомогательный фонд)

Новик А. А. Бурлачко_Одежда. Аудиозапись интервью. 2009.

Новик А. А. Канарова_Одежда. Аудиозапись интервью. 2010.

Новик А. А. Канарова_МД_Одежда. Аудиозапись интервью. 2010а.

Новик А. А. Торбина(Миц)_АК_мифология. Аудиозапись интервью. 2012.

Фотоиллюстративный фонд: Новик 1998.

Фотоархив ИЭА РАН

Ф. 43. Оп. 39. Запорожская обл., Приазовский р-н, Украина. 1949 г. Рук. Ю. В. Иванова.

Библиография

Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Български народни носии. София, 1960. Т. I: Български народни носии в Северна България през XIX и началото на XX век.

Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Български народни носии. София, 1979. Т. III: Български народни носии в Източна България през XIX и първата половина на XX век.

Велева М. Г., Лепавцова Евг. Ил. Български народни носии. София, 1988. Т. IV: Български народни носии в Южна България през XIX и първата половина на XX век.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Державин Н. С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // СЭ 1948. № 2. С. 156–169.

Ермолин Д. С. «Браслет с боженьками», или Христианский пространственно-предметный код албанцев Приазовья // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. (Сб. МАЭ. Т. 58). СПб., 2013. Публикуется в настоящем сборнике.

Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв.) // СЭ. 1981. № 4. С. 95–107.

Иванова Ю. В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 7: Исторические и историко-культурные процессы на Балканах.

Иванова Ю. В. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований / Отв. ред. З. П. Соколова. М., 2000. С. 40–53.

Мыльников А. С., Иванова-Бучатская Ю. В., Новик А. А. В лесах Северной Германии: По следам исчезнувших славян: Полное собрание материалов Первой российско-германской этнологической экспедиции в Северную Германию 2000 г.: в 2 т. СПб., 2009. Т. I.

Мыльников А. С., Иванова-Бучатская Ю. В., Новик А. А. В лесах Северной Германии: По следам исчезнувших славян: Полное собрание материалов Первой российско-германской этнологической экспедиции в Северную Германию 2000 г.: в 2 т. СПб., 2010. Т. II.

Народи Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури) / Редколегія: І. П. Аносов, М. В. Елькін, Б. М. Кочерга, В. В. Крижко, В. С. Повіляй. Запоріжжя, 1997.

Новик А. А. Украшения арбрешей Италии (по материалам экспедиции 2009 г.) // Ювелирное искусство и материальная культура: тез. докл. участников восемнадцатого коллоквиума (19–23 апреля 2010 г.) / Сост. Н. А. Захарова. СПб., 2010. С. 58–61.

Новик А. А. Украшения арбрешей Италии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 11 / Под ред. Е. Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2011а. С. 133–154.

Новик А. А. Самосознание албанцев Украины: исторический, лингвистический и экстралингвистический контексты // ЭО. 2011б. № 5. С. 75–90.

Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды: Около 2000 слов**.** М., 1996.

Bellusci C., D'Agostino F. Dizionario illustrato italiano-arbërisht-shqip. Storia e lingua albanese di Acquaformosa, Civita, Ejanina, Firmo, Frascineto, Lungro, San Basile e dell'Albania. Montalto Uffugo, 2006. Vol. I. Collana: Minoranze Linguistiche.

Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. II // BUShT. 1961. № 1.

Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. III // BUShT. 1961. № 2.

Çabej E. Disa aspekte të kulturës popullore shqiptare në vështrim gjuhësor // Konferenca Kombëtare e Studimeve etnografike (28–30 qershor 1976). Tiranë, 1977.

Fjalor i gjuhës së sotme shqipe / Kryeredaktor A. Kostallari. Tiranë, 1980.

Florescu F. B. Opincile la români. Bucuresti, 1959.

Gjergji A. Mbi origjinën dhe lashtësinë e disa elementeve të veshjeve popullore // Kultura Popullore. 1980a. № 1.

Gjergji A. Veshjet popullore: Këmisha e grave // Etnografia Shqiptare. 1980b. № 11.

Gjergji A. Costumes populaires — la chemise — veste (Pour 1'Atlas ethnologique albanais) // Ethnographie Albanaise. Tirana, 1981. № 11.

Gjergji A. Atlasi etnografik Shqiptar (AESH). Përparjet në veshjet popullore shqiptare (Fundi i shek. XIX — mesi i shek. XX) // Etnografia Shqiptare. 1985. № 15.

Gjergji A. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë, 1988.

Latifi Xhanari L. Turqizmat dhe semantika e tyre në fjalorët e shqipes. – Tiranë: DUDAJ, 2012. 311 f.

Novik A. Mbi çështjen e vetëdijes etnike: etnonimi i shqiptarëve të Ukrainës. Materialet e ekspeditave 1998–2010 // Poznać Bałkany III. Historia–Politika–Kultura–Języki / Pod red. V. Maldjievej i K. Taczyńskiej. Toruń, 2012. S. 285–294.

Pollo S. Kultura popullore si shprehje e veçorive etnike dhe e formimit të kombit shqiptar // Konferenca Kombëtare e Studimeve etnografike (28–30 qershor 1976). Tiranë, 1977.

Schubert G. Von den 'Nationaltrachten' zur europäischen Stadtkleidung: Zum Wandel im Kleidungsverhalten der Donau-Balkan-Völker // Die Volkskultur Südosteuropa-Jahrbuch. München, 1992. Band 22.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН

Shkurti S., Gjergji A., Onuzi A., Martini Gj. Veshje popullore shqiptare. V. 3 / Drejtore projekti Afërdita Onuzi. Tiranë; Toena, 2004.

Stublla Sh. Mbijetesa (Aspekti muzeor). Prishtinë, 2007.

Zojzi Rr. Studime mbi veshjet kombtare // Buletin i Institutit të Shkencavet. 1950. № 1–2.

Zojzi Rr. Veshje popullore të rrethit të Lezhës // Buletin i Institutit të Shkencavet. 1954. № 3.

Zojzi Rr. Guna në traditat e popullit shqiptar e të popujve të tjerë ballkanikë // SSH. 1966a. № III.

Zojzi Rr. La “guna” dans la tradition vestimentaire des peuples balkaniques // Studia Albanica. Tirana. 1966b. № 1.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
© МАЭ РАН